

ЖУРНАЛ 2018

'3-4 (86-87)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Виктор Шадурский
(председатель)
Владимир Астапенко
Елена Бабкина
Сергей Балашенко
Юрий Бровка
Алексей Данильченко
Руслан Есин
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Сергей Солодовников
Олег Старовойтов
Александр Шарапо

**Редакторы английского
текста:**
Екатерина Новицкая
Ольга Вологина

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Наш адрес:
Беларусь, 220701, Минск,
ул. Ленинградская, 20, комн. 1121
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»

тел.: +375 17 209 57 40
тел./факс: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

Учредитель и издатель:
 Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследова-
тельским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Основания освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг): отечественное, зарубежное и международно-правовое регулирование *А. В. Ярохович* **3**

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Оферта на основании Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров: сравнительный анализ с Принципами УНИДРУА и Гражданским кодексом Вьетнама 2015 г. *Лью Тхи Бич Хань* **1** 4

Коллизии в правовом регулировании формы договора международной купли-продажи товаров между нормами статьи 11 Венской конвенции 1980 г. и Вьетнамского коммерческого закона 2005 г. *Ву Тхи Бич Хай, Науен Нгок Биен, Тхыи Хьюнг* **2** 0

международные отношения

Незабытая дапамога: дзейнасць ЮНППА ў Беларусі (1945—1947 гг.) *У. Е. Снапкоўскі, Р. Г. Курбека* **2** 5

Китайско-белорусское взаимодействие в области культуры (1992—2018 гг.) *Сунь Инлизе* **3** 3

МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА»

«Круглый стол» «Политика Европейского союза в отношении стран СНГ: единство подходов или ситуативный дуализм» **4** 1

Евразийские интеграционные проекты в контексте региональной политики Европейского союза: от распада СССР к региональному конструированию (1991—2004 гг.) *Р. М. Турарбекова* **4** 2

Центральная Азия в политике Европейского союза: взгляд из Казахстана *Т. В. Мармонтова* **5** 0

Китай и государства Европы перед лицом глобальных проблем: диалог идеологий в начале XXI в. *В. В. Фрольцов* **5** 5

«Восточное партнерство» и его значимость для Беларуси *А. В. Тихомиров* **6** 2

международные экономические отношения

Мировая экономика: новые тенденции и противоречия *А. А. Нечай, Е. В. Столярова* **7** 0

Цели согласования и риски несогласованности промышленных политик государств — членов Евразийского экономического союза *В. Л. Гурский* **7** 7

Анализ субъектов туристического рынка Беларуси с точки зрения развития инклюзивного туризма *Н. М. Борисенко-Клепач* **8** 8

JOURNAL 2018

'3-4 (86-87)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editing Board:
Victor Shadurski
(chairman)
Vladimir Astapenka
Elena Babkina
Sergey Balashenko
Yury Brovka
Alexey Danilchenko
Ruslan Esin
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Sergey Solodovnikov
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo

English Text Editors:
Ekaterina Novitskaya
Olga Vologina

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

Our address:
International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
20, Leningradskaya str., room 1121,
Minsk, 220701, Belarus

tel.: +375 17 209 57 40
tel./fax: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

The founder and publisher:
 International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Justification for Damage as a Result of Defects in
Goods (Works, Services): Domestic, Foreign and
International Legal Regulation..... *Nastassia Yarakhovich* **3**

RELATIONSHIP BETWEEN INTERNATIONAL LAW AND DOMESTIC LAW

Proposal for Sale Contracts under the CISG's
Regulations in Comparison with the PICC and the
Vietnamese Civil Law 2015 *Luu Thi Bich Hanh* **1** 4

Conflict of Laws on the Form of Contracts for the
International Sale of Goods between Article 11 of
the CISG 1980 and the Vietnamese Commercial
Law 2005 *Vu Thi Bich Hai,
Nguyen Ngoc Bien
Thuy Huong* **2** 0

INTERNATIONAL RELATIONS

Unforgotten Assistance: UNRRA Activities in
Belarus (1945—1947)..... *Uladzimir Snapkouski,
Raman Kurbeka* **2** 5

Interaction between China and Belarus in the Field
of Culture (1992—2018)..... *Sun Yingjie* **3** 3

«ROUND TABLE» MATERIALS

«Round table» «European Union Policy towards
Commonwealth of Independent States countries:
solidarity of approaches or situational dualism»..... **4** 1

Eurasian Integration Projects in the Field of
European Union Regional Policy: from the Collapse
of the USSR to Regional Design (1991—2004)..... *Roza Turarbekova* **4** 2

Central Asia in the European Union Policy: View
from Kazakhstan *Taissyia Marmontova* **5** 0

China and the European States in the Face of
Global Problems: a Dialogue of Ideologies in the
Beginning of the XXI Century *Vladislav Froltsov* **5** 5

Eastern Partnership and its Importance for
Belarus *Alexander Tikhomirov* **6** 2

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

World Economy: New Trends and Contradic-
tions *Alexandra Nechay,
Katsiaryna Staliarova* **7** 0

The Goal of Harmonising and Incoherence Risks
of Industrial Policies of the Member States of the
Eurasian Economic Union *Vasili Hurski* **7** 7

Analysis of the Subjects of the Belarusian Tourist
Market from the Point of the Development of
Inclusive Tourism *Natalia Barysenka* **8** 8

ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ВСЛЕДСТВИЕ НЕДОСТАТКОВ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ): ОТЕЧЕСТВЕННОЕ, ЗАРУБЕЖНОЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Анастасия Ярохович

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), в законодательстве и судебной практике Республики Беларусь, государств — членов Содружества Независимых Государств, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и региональных образований (на примере Европейского союза), а также в отдельных универсальных международных договорах, содержащих такие основания освобождения от ответственности. По итогам проведенного исследования автором выявлены тенденции материально-правового регулирования оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), предложены пути совершенствования отечественного законодательства в рассматриваемой области, в том числе путем детализации закрепленного в отечественном законодательстве перечня оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), а также введения в отечественное законодательство правила «информированного согласия» в отношении договоров, предметом которых является выполнение работ или возмездное оказание услуг.

Ключевые слова: информированное согласие; информированный посредник; недостатки товаров (работ, услуг); обязательства из причинения вреда; освобождение от ответственности; риск разработки.

«Justification for Damage as a Result of Defects in Goods (Works, Services): Domestic, Foreign and International Legal Regulation» (Nastassia Yarakhovich)

The article is devoted to a comparative and legal analysis of the grounds for exemption from liability for damage caused due to the defects in goods (works, services), in the legislation and court practice of the Republic of Belarus, member-states of the Commonwealth of Independent States, the United States of America, the United Kingdom and the regional unions (on the example of the European Union), as well as universal international treaties containing such grounds for exemption from liability. Upon the results of the study performed the author revealed tendencies in the substantive legal regulation of the grounds for exemption from liability for damage caused due to the defects in goods (works, services) and suggested the ways of improvement of the domestic law in the area under consideration, inter alia by means of detailing of the list of the grounds for exemption from liability for damage caused due to the defects in goods (works, services) acknowledged in the domestic law, as well as by means of introduction into the domestic law of the «informed consent» rule in respect of agreements which subject-matter is performance of works or fee-based rendering services.

Keywords: damages in goods (works, services); development risk; informed consent; informed intermediary; justification; obligations arising out of damage.

Author:

Yarakhovich Nastassia — post-graduate student of the Department of Private International and European Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: a.yarakhovich@yandex.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Автор:

Ярохович Анастасия Владимировна — аспирант кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: a.yarakhovich@yandex.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Шакель Надежда Валентиновна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника организационно-инспекторского управления главного управления координации служебной деятельности Центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

Стремительное развитие технологий, научно-технический прогресс в целом обеспечили доступ потребителей к богатому ассортименту товаров и широкому спектру предлагаемых работ и услуг, что позволило вывести потребительские отношения на новый уровень. Вместе с тем возросшая вовлеченность потребителей в процессы приобретения и использования разнообразных товаров (работ, услуг) привела к увеличению количества случаев причинения вреда вследствие их недостатков. С учетом данных обстоятельств в настоящее время законодателями различных государств уделяется первостепенное внимание вопросу обеспечения надлежащей защиты прав и интересов потребителей как более слабой стороны в потребительских правоотношениях. Вместе с тем в целях стимулирования развития рынка товаров (работ, услуг), предупреждения злоупотреблений со стороны потребителей законодатели осознают необходимость обеспечения баланса интересов потребителей, с одной стороны, и изготовителей (продавцов) товаров, исполнителей работ и услуг — с другой.

Целью настоящей статьи является сравнительно-правовой анализ оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), в национальном законодательстве и судебной практике Республики Беларусь, государств — членов Содружества Независимых Государств, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и региональных образований (на примере Европейского союза (ЕС)), а также в отдельных универсальных международных договорах, содержащих такие основания освобождения от ответственности.

Вопросы гражданско-правовой ответственности за причинение вреда вследствие недостатков товаров (работ, услуг) находятся в диапазоне научных интересов как отечественных, так и зарубежных авторов. Отдельные аспекты отношений из причинения вреда вследствие недостатков товаров (работ, услуг) получили освещение в работах Н. В. Ивановской [12], В. Г. Кореновой [13], Р. В. Халина [29; 30], П. Р. Фергюсон [34], Д. Фэргрива [36] и др. Актуальность настоящей статьи заключается в том, что автором проводится комплексный анализ материально-правового закрепления оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков, товаров (работ, услуг) на национальном, региональном и универсальном уровнях, в целях выявления современных тенденций регулирования данного вопроса, а также определения путей совершенствования релевантных норм законодательства Республики Беларусь с учетом практики зарубежных государств.

Действующее законодательство Республики Беларусь исходит из того, что вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу граж-

данина либо имуществу юридического лица вследствие недостатков товара (работы, услуги), подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет [4, ст. 964].

Согласно статье 967 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), продавец (изготовитель) товара и исполнитель работы или услуги могут быть освобождены от ответственности в том случае, если они докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или нарушения потребителем установленных правил пользования товаром, результатами работы, услуги или их хранения [4].

Пункт 7 статьи 17 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» (далее — Закон) расширяет перечень оснований освобождения от ответственности, закрепленный в статье 967 ГК. В частности, согласно статье 17 Закона изготовитель (исполнитель, продавец) освобождается от ответственности и в случае, если он докажет, что вред возник вследствие нарушения потребителем установленных правил транспортировки товара (результата работы) или вследствие действий третьих лиц [19].

Законодательное определение непреодолимой силы содержится в статьях 203, 372 ГК. Под непреодолимой силой понимают обстоятельства, «чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях». Как отмечают некоторые исследователи [см.: 28], анализ данной дефиниции позволяет выделить три основных критерия, которые должны быть одновременно присущи обстоятельству для его квалификации в качестве обстоятельства непреодолимой силы: 1) чрезвычайность, 2) непредотвратимость и 3) относительность, т. е. чрезвычайность и непредотвратимость должны быть таковыми при данных конкретных условиях.

При отсутствии хотя бы одного из указанных критериев обстоятельство, повлекшее причинение вреда, не будет расцениваться в качестве обстоятельства непреодолимой силы, освобождающего от ответственности, а, значит, вред потерпевшему должен возмещаться.

Следует отметить, что в белорусском законодательстве отсутствует закрытый перечень обстоятельств, которые можно отнести к обстоятельствам непреодолимой силы. При этом обстоятельства непреодолимой силы являются оценочной категорией: суд, рассматривая спор, в каждом отдельном случае будет исходить из конкретных обстоятельств дела. Это означает, что одно и то же обстоятельство в разных ситуациях может быть отнесено либо не отнесено к обстоятельству непреодолимой силы. Ключевой вопрос состоит в том, насколько рассматриваемое событие является непредвиденным, исключительным и непредотвратимым для сторон правоотношения, а также в какой сте-

пени наступлением этого события обусловлено причинение вреда вследствие недостатков товаров (работ, услуг) [14].

Нарушение потребителем установленных правил использования товара (результата работы, услуги), его хранения и транспортировки как основание для освобождения от ответственности за вред, причиненный недостатками товаров (работ, услуг), вытекает из обязанности потребителя использовать товар в соответствии с его назначением. Действующее белорусское законодательство прямо не предписывает потребителю использовать товар в соответствии с его назначением — эта обязанность вытекает из положений Закона косвенно (например, ст. 1, п. 2 ст. 13, п. 1 ст. 14). Для примера: в украинском Законе о защите прав потребителей прямо закреплена обязанность потребителей использовать товар в соответствии с его целевым назначением и соблюдать условия (требования, нормы, правила), установленные производителем товара (исполнителем) в эксплуатационной документации [24, абз. 3 п. 3 ст. 4]. Полагаем, что закрепление аналогичной нормы в белорусском законодательстве позволит исключить или, по крайней мере, минимизировать случаи причинения вреда качественными товарами (результатами работ, услуг) ввиду их нецелевого использования или использования, хранения и транспортировки потребителями не в соответствии с правилами, указанными в эксплуатационной документации, а также обеспечит защиту изготовителей (продавцов, исполнителей) от злоупотреблений со стороны потребителей в случае предъявления потребителями исков, обусловленных причинением им вреда при подобных обстоятельствах.

Отмечаем, что обязанность потребителя использовать товар в соответствии с его целевым назначением тесно связана с обязанностью изготовителя (продавца, исполнителя) обеспечить безопасность товара (результата работы) [19, п. 1 ст. 12], которая является одной из важнейших характеристик качественного товара (работы, услуги). Изготовитель (продавец, исполнитель) должен предоставить потребителю необходимую и достоверную информацию о предлагаемых товарах (работах, услугах) [19, п. 1 ст. 7], включая необходимые сведения об условиях безопасного использования, хранения, транспортировки или утилизации товара (результата работы) [19, п. 2.14 ст. 7; п. 2 ст. 12]. В том случае, если данная информация не была доведена до сведения потребителя, то продавец (изготовитель, исполнитель) должен нести ответственность за причиненный в этой связи вред. Следовательно, основанием для освобождения от ответственности будут являться именно виновные действия потребителя, заключающиеся в таком использовании товара (результатов работ, услуг) или его хранении, транспортировке или утилизации, которые не

соответствуют предназначению данного товара (результата работы, услуги) или инструкциям либо руководству изготовителя (продавца, исполнителя) в отношении данного товара (результата работы, услуги).

В отношении квалификации действий третьих лиц в качестве основания, освобождающего изготовителей (продавцов, исполнителей) от ответственности за вред, причиненный недостатками товаров (работ, услуг), позиция законодателей различных государств весьма различна. Одни страны, включая Беларусь [4; 19], Казахстан [5; 20], Армению [3; 18], прямо предусмотрели в своем законодательстве такое основание. Россия [11; 25], Азербайджан [1; 16], Узбекистан [9; 23], Кыргызстан [2; 17] обозначили действия третьих лиц как одно из оснований освобождения от договорной ответственности изготовителей (продавцов, исполнителей) за неисполнение ими своих договорных обязанностей. Третьи страны, в частности Украина [10; 24; 27], Молдова [6], специально оговорили, что ответственность изготовителей за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), не уменьшается, если вред причинен одновременно недостатком товара и действием (бездействием) третьего лица.

Европейская конвенция об ответственности за причинение телесного вреда или смерти вследствие недостатков товаров от 27 января 1977 г. (далее — Страсбургская конвенция) также исходит из того, что ответственность изготовителя не должна уменьшаться в случае причинения вреда вследствие как недостатка товара, так и действий (бездействия) третьих лиц [32]. В комментариях к Страсбургской конвенции отмечается, что такая позиция законодателя обусловлена тем, что изготовитель в любом случае сможет обратиться с регрессным требованием к третьим лицам [33]. (В настоящее время странами, подписавшими Страсбургскую конвенцию, являются Люксембург, Франция, Австрия и Бельгия.)

Такая позиция законодателя, позволяющая защитить потребителя как слабую сторону от необходимости выявления третьих лиц, к которым было бы необходимо напрямую обращаться с требованием о возмещении вреда, закрепляя право регресса к третьим лицам за изготовителем, представляется вполне обоснованной ввиду того, что в данной ситуации вред является итогом совместных действий как изготовителя, так и третьих лиц, поэтому возложение ответственности на изготовителя, который известен и экономически силен, оправданно.

В целом следует отметить, что законодательство большинства стран СНГ содержит основания освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товара (работы, услуги), схожие с теми, которые закреплены в белорусском законодательстве. Так,

основаниями освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), являются:

1) в Российской Федерации — непреодолимая сила или нарушение потребителем установленных правил использования, хранения или транспортировки товара (работы, услуги) (ст. 1098 Гражданского кодекса Российской Федерации и п. 5 ст. 14 Закона о защите прав потребителей) [11; 25];

2) в Республике Казахстан — действия третьих лиц, непреодолимая сила или нарушение потребителем установленных правил использования, хранения товара (работы, услуги) (ст. 950 Гражданского кодекса Казахстана и п. 6 ст. 31 Закона о защите прав потребителей) [5; 20];

3) в Республике Узбекистан — непреодолимая сила или нарушение потребителем установленных правил хранения или пользования товарами (результатами работы, услугами) (ст. 1020 Гражданского кодекса Узбекистана и ст. 20 Закона о защите прав потребителей) [9; 23];

4) в Кыргызской Республике — непреодолимая сила или нарушение потребителем установленных правил использования, хранения или транспортировки товара (работы, услуги) (ст. 1026 Гражданского кодекса Кыргызстана и п. 5 ст. 13 Закона о защите прав потребителей) [2; 17];

5) в Республике Армения — непреодолимая сила, нарушение потребителем установленных правил использования, хранения и транспортировки товара (работы, услуги) или действия третьих лиц (ст. 1091 Гражданского кодекса Армении и п. 5 ст. 15 Закона о защите прав потребителей) [3; 18];

6) в Азербайджанской Республике — непреодолимая сила или нарушение потребителем правил использования или хранения товара (результатов работ, услуг) (ст. 1131 Гражданского кодекса Азербайджана) [1];

7) в Республике Таджикистан — непреодолимая сила или нарушение потребителем установленных правил использования, хранения или транспортировки товара (работы, услуги) (ст. 1114 Гражданского кодекса Таджикистана и ст. 14 Закона о защите прав потребителей) [7; 21].

По иному пути регулирования данного вопроса пошли законодатели Украины, Молдовы и Туркменистана. Например, согласно пункту 3 статьи 1209 Гражданского кодекса Украины изготовитель товара, являющегося недвижимым имуществом, исполнитель работ (услуг) освобождаются от возмещения ущерба, если они докажут, что ущерб возник вследствие непреодолимой силы или нарушения пострадавшим правил использования или хранения товара, результатов работ (услуг) [10]. При этом, как следует из статьи 9 Закона Украины от 19 мая 2011 г. № 3390-17 «Об ответственно-

сти за вред, причиненный вследствие дефекта в продукции», производитель продукции (под которой согласно статье 1 названного Закона понимается любое движимое имущество, включая готовую продукцию, сырье и комплектующее изделие, в том числе имущество, являющееся составной частью другого движимого или недвижимого имущества, а также включая электроэнергию) освобождается от возмещения вреда, если докажет одно из следующих обстоятельств:

1) он не вводил продукцию в обращение;

2) дефект, вследствие которого причинен вред, возник после введения производителем продукции в обращение, кроме случаев, когда возникновение такого дефекта было обусловлено конструкцией или составом продукции;

3) продукция была изготовлена или распространена производителем не в ходе осуществления им хозяйственной деятельности;

4) дефект в продукции возник вследствие соблюдения производителем требований законодательства или выполнения обязательных для него предписаний органов государственной власти;

5) в отношении производителя комплектующих или составных частей дефект обусловлен конструкцией готовой продукции, в состав которой эта комплектующая или составная часть включена, или технической документацией, предоставленной производителем готовой продукции [27].

Пункт 1 статьи 1425 Гражданского кодекса Молдовы [6] и статья 1044 Гражданского кодекса Туркменистана [8] содержат схожий перечень оснований освобождения от ответственности, дополнительно закрепляя следующие основания: 1) продукт имеет недостаток, однако при выпуске его для реализации он соответствовал действующим в то время нормам; 2) выявление недостатка было невозможным с учетом уровня науки и техники ко времени выпуска продукта для реализации; 3) недостатки связаны с порядком сборки (строительства) продукта, в который включена составная часть, либо с дополнениями и соединениями, произведенными изготовителем конечного продукта.

Следует отметить, что в процессе разработки указанных норм законодатели Украины, Молдовы и Туркменистана взяли за основу положения директивы ЕС 85/374/ЕС от 25 июля 1985 г. «О сближении законов, регламентов и административных положений государств — членов Европейского союза в отношении ответственности за товары, имеющие недостатки» (далее — Директива ЕС) [31].

Согласно статье 7 Директивы ЕС изготовитель освобождается от ответственности за вред, причиненный товарами, имеющими недостатки, если он докажет, что:

a) он не выпускал товар в обращение; или

b) с учетом обстоятельств дела есть вероятность того, что на момент выпуска изгото-

вителем товара в обращение недостатка, причинившего вред, не существовало или этот недостаток появился позднее; или

с) товар был им изготовлен не для продажи или любой иной формы распространения в экономических целях, а также не был изготовлен и не распространялся им в ходе осуществления своей предпринимательской деятельности; или

д) недостаток обусловлен соответствием товара обязательным к соблюдению нормам, изданным государственными органами; или

е) на момент выпуска товара в обращение уровень научных и технических знаний не позволял обнаружить наличие данного недостатка; или

ф) в отношении изготовителя составных частей недостаток обусловлен конструкцией товара, в который данная составная часть была включена, или инструкциями изготовителя товара [31].

Как отмечается в преамбуле Директивы ЕС, целью закрепления данного перечня оснований освобождения от ответственности является справедливое распределение риска между потерпевшим лицом и изготовителем [31]. По мнению некоторых авторов [39], вопрос распределения рисков должен решаться только на основании глубокого анализа возможностей управления неизвестными рисками и их минимизации, а также возможностей распределения «выгод», которыми сопровождаются эти риски. Так, например, по мнению Дж. Степлтон, «предприятие, которое получает выгоду от рисков и при этом имеет наибольший потенциальный контроль над этими рисками, должно нести ответственность за риски, если они материализуются» [38]. С другой стороны, судебная практика как стран ЕС, так и других зарубежных стран не раз демонстрировала случаи злоупотребления правом со стороны потребителей (например, в решении апелляционного суда Парижа от 10 октября 2003 г. *SARL société oasis des serres de bon pain v. SA société Algavi* производитель препарата для очистки пруда был привлечен к ответственности за гибель рыбы заявителя в связи с применением им чрезмерной дозы препарата, хотя в инструкциях к препарату указывалась доза в отношении площади поверхности воды, но не указывалась глубина пруда [35]).

Следовательно, анализ закрепленных в Директиве ЕС оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), позволяет отметить, что в рамках Директивы ЕС изготовители получили возможность освободиться от ответственности, если они докажут наличие особых обстоятельств. При этом судебная практика ЕС (например, судебные дела *A. and Others v. National Blood Authority and another*, *Scholten v. OLVG Hospital Amsterdam*, *Richardson v. LRC Products Ltd.* и др.) свиде-

тельствует о том, что, несмотря на детализацию перечня оснований освобождения от ответственности, учитывая их исключительный характер и узкое толкование, права потребителей как слабой стороны тем самым не ущемляются [см.: 30].

Основания освобождения от ответственности за вред, причиненный недостатками товаров (работ, услуг), прямо указаны и в Страсбургской конвенции [32]. По сравнению с Директивой ЕС Страсбургская конвенция содержит достаточно сжатый перечень оснований, освобождающих изготовителей от ответственности, среди которых указаны следующие обстоятельства:

а) продукт не был выпущен в обращение изготовителем; или

б) с учетом обстоятельств дела есть вероятность того, что на момент выпуска изготовителем товара в обращение недостатка, причинившего вред, не существовало или этот недостаток появился позднее; или

с) продукт не был изготовлен для продажи, найма или любой иной формы распространения в экономических целях изготовителя, а также не был изготовлен и не распространялся в ходе осуществления его предпринимательской деятельности [32, ст. 5].

Для сравнения, третья редакция свода делiktных правил США (далее — Свод США) не закрепляет единого перечня оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, при этом содержит специальные положения в отношении случаев причинения вреда вследствие недостатков товаров особых категорий с учетом их природы и особенностей поступления к конечному потребителю (например, некачественные комплектующие, лекарственные средства и изделия медицинского назначения, товары, бывшие в употреблении, продукты питания) [см.: 29, л. 179]. В частности, параграф 6 свода США закрепляет, что изготовитель рецептурных лекарственных средств и изделий медицинского назначения, реализующий или иным образом распространяющий эти товары, несет ответственность за вред, причиненный ими, в случае наличия в них производственного недостатка или при условии, что такие товары не являются достаточно безопасными вследствие конструктивного недостатка или вследствие отсутствия в отношении них достаточных инструкций или предупреждений. При этом считается, что рецептурные лекарственные средства или изделия медицинского назначения не являются «достаточно безопасными» вследствие конструктивного недостатка, если предполагаемый риск причинения вреда данными товарами значительно выше ожидаемого терапевтического эффекта от их применения [см.: 37], следовательно, лица, оказывающие медицинские услуги, зная о таких предсказуемых рисках и терапевтическом

эффекте, не станут назначать лекарственные средства или изделия медицинского назначения пациентам. Как вытекает из рассмотренной нормы, если причиненный пациенту вред будет компенсирован ожидаемым терапевтическим эффектом от применения соответствующего лекарственного средства или изделия медицинского назначения, то изготовитель таких товаров будет освобождаться от ответственности за причинение вреда [29, л. 178].

Согласно законодательству и судебной практике США ответчик может быть также освобожден от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатка товара, если будет доказано, что после реализации такого товара потребителем или иным третьим лицом был изменен его состав или конструкция, что и привело к возникновению вреда [29, л. 40]. Считаю данное положение весьма разумным для целей освобождения изготовителя товара от ответственности в случаях причинения вреда потребителю, получившему от изготовителя качественный товар.

Следует отметить, что весьма дискуссионным в рамках разработки проекта Директивы ЕС являлся вопрос включения в перечень оснований, освобождающих изготовителей от ответственности, так называемого риска разработки (*development risk*). Суть данного основания освобождения от ответственности изложена в пункте е) статьи 7 Директивы ЕС: изготовитель освобождается от ответственности за вред, причиненный товарами, имеющими недостатки, если он докажет, что «на момент выпуска товара в обращение уровень научных и технических знаний не позволял обнаружить наличие данного недостатка» [31]. Аналогичное основание освобождения от ответственности закреплено и в законодательстве Украины, Молдовы, Туркменистана, а также подтверждено судебной практикой США, Великобритании и некоторых других стран. По мнению ряда авторов, правильное толкование указанной нормы Директивы ЕС «давало небольшую возможность для ответчиков (если давало) освободить себя от ответственности» [36, р. 321].

Схожее основание освобождения от ответственности нашло отражение в Своде США. Согласно комментариям к нему «есть некоторые товары, которые при нынешнем состоянии человеческих знаний совершенно не способны быть безопасными в рамках их предполагаемого и обычного использования. Особенно распространены такие товары в области лекарственных средств. Следовательно, такой товар, который надлежащим образом подготовлен с приложением к нему надлежащих указаний и предупреждений, не является дефектным и необоснованно опасным» [34, р. 67]. Эта трактовка дает понять, что изготовитель таких продуктов будет нести ответственность только в том случае, если он не предоставит пред-

упреждающую информацию. При этом практика американских судов по данному вопросу крайне противоречива: одни решения демонстрируют, что изготовители должны нести ответственность, если они не предупреждали как об известной опасности, так и об опасности, о которой им следовало знать, но они не знали, поскольку такая опасность не была ими выявлена (дело *Beshada v. Johns-Manville Products Corp.*), другие — что изготовители не должны нести ответственность за отсутствие предупреждений, о которых изготовитель не знал (дело *Brown v. Superior Court*), третьи — что такие дела следует решать на индивидуальной основе (*Feldman v. Lederle Laboratori*). Некоторые исследователи выступают в защиту «риска разработки» (*development risk*) как основания освобождения от ответственности за вред, причиненный недостатками товаров (работ, услуг), ссылаясь на соображения государственной политики. Например, по мнению П. Фергюсон, привлечение к ответственности изготовителя фармацевтической продукции за то, что он не предупредил о невыявленном риске, повысит стоимость страхования ответственности, что будет препятствовать производству новых, потенциально полезных лекарств и повысит их цену [34, р. 70].

В отличие от указанных стран в Республике Беларусь данный аргумент в защиту интересов изготовителей не принимается во внимание. В частности, пункт 6 статьи 17 Закона прямо закрепляет, что факт того, что уровень научных и технических знаний изготовителя (исполнителя) не позволял выявить особые свойства и характеристики материалов, оборудования, инструментов и иных средств при производстве товаров (выполнении работ, оказании услуг), не является основанием для освобождения изготовителя (исполнителя) от ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью, наследственности или имуществу потребителя в связи с их использованием [19, п. 6 ст. 17]. Такой же позиции придерживаются, например, законодатели Российской Федерации, Казахстана, Кыргызстана, Армении, Таджикистана.

Следует отметить, что помимо перечисленных оснований освобождения от ответственности в судебной практике США и Великобритании были выработаны особые правила, позволяющие освободить изготовителей от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, а именно так называемые правила «информированного посредника» (*leaned intermediary rule*) и «информированного согласия» (*informed consent*) [29, л. 179].

Правило «информированного посредника» освобождает изготовителя от ответственности, при этом выделяя нового субъекта ответственности, которым является некий посредник, информированный о таких качествах

или свойствах товара, которые способны причинить вред. Примером применения правила «информированного посредника» в судебной практике является дело *Holmes v. Ashford*, в котором суд не нашел оснований для возложения ответственности на изготовителя краски для волос, в результате применения которой у гражданки возникла аллергическая реакция кожи головы. Ответственность за вред, причиненный истице, была возложена на парикмахера, который при оказании соответствующей услуги по окраске волос не ознакомился с инструкцией по применению краски, а также предварительно не проверил, будет ли ее применение являться опасным для истицы [см.: 13].

Анализ правила «информированного посредника», применяемого в Великобритании и США, позволяет сделать вывод о его направленности на изменение субъекта деликтной ответственности путем ее перенесения с изготовителя товаров на третье лицо в рамках теории небрежности [29, л. 180], когда третье лицо будет признаваться ответственным за причинение вреда лишь в том случае, если оно не проявило должной степени осмотрительности при производстве товара (выполнении работы, оказании услуги) либо не сообщило потенциальным потребителям сведения о возможных рисках в связи с использованием товара (выполнением работы, оказанием услуги), противопоказаниях к его применению, а также о мерах предосторожности, соблюдение которых необходимо для исключения вероятности причинения вреда.

Можно назвать и другие дела, рассмотренные судами США и Великобритании с применением правила «информированного посредника», в том числе касающиеся причинения вреда здоровью пациентов в результате применения рецептурных лекарственных средств (например, дела *Klink v. GD Searle & Co*, *Kaiser v. Suburban Transportation System*, *Burfitt v. Kille*) [см.: 29, л. 188—189].

Следует отметить, что в практике американских судов применение правила «информированного согласия» не раз исключалось, в частности, в делах о вакцинации населения (например, *Devis v. Wyets Laboratories* и *Givens v. Lederl*), а также в делах, возбуждаемых против изготовителей противозачаточных средств (например, *Lukaszewicz v. Ortho Pharmaceutical* и *MacDonald v. Ortho Pharmaceutical Corporation*), когда ответственными за вред, причиненный здоровью пациентов, признавались изготовители, напрямую не обеспечившие пациентов информацией о возможных негативных последствиях использования соответствующих товаров [29, л. 191]. Некоторые авторы [см., напр., 34] критикуют введение данных исключений, оперируя тем, что процессы лечения с применением тех или иных лекарственных средств и препара-

тов в целом носят избирательный характер, а значит, выделение вакцин и противозачаточных средств в особую группу лекарственных средств является необоснованным.

Правило «информированного согласия» является разновидностью общего основания освобождения от ответственности за причинение вреда при наличии согласия потерпевшего на его причинение и вытекает из обязанности врача предоставлять пациенту исчерпывающую информацию обо всех противопоказаниях по применению лекарственных средств. Данное правило было разработано в развитие правила «информированного посредника», которое обеспечивало защиту потребителей лекарственных средств и изделий медицинского назначения только в случае неисполнения изготовителем своей обязанности по информированию врачей о свойствах и характеристиках лекарственных средств и изделий медицинского назначения, а также информированию пациентов о противопоказаниях к их применению [29, л. 192]. В рамках применения правила «информированного согласия» истец принимает на себя возможные риски путем выражения своего согласия с совершаемыми с ним действиями. Так, например, в деле *Devi v. Midlands Health Authority* истица дала согласие на проведение лечебно-диагностической процедуры, в результате которой она стала бесплодной. Однако поскольку истица не выражала своего согласия на проведение процедур, которые бы привели к ее бесплодию, суд обязал врача, проводившего операцию, возместить причиненный истице вред [34, р. 68]. В целом, «информированное согласие» должно быть основано на оценке информации об альтернативных способах лечения, их преимуществах и недостатках. При этом, как подтверждено судебной практикой (например, в решениях по делам *Canterbury v. Spence* и *Sydaway v. Governors of the Bethlem Royal Hospital and Maudley Hospital and Others*), к врачам соответственно предъявляются требования информировать пациентов о всех обстоятельствах, которые они должны учитывать при принятии решения о применении либо отказе в применении соответствующего способа лечения [29, л. 193—194]. В некоторых нормативных правовых актах Республики Беларусь правило «информированного согласия» также нашло отражение. Например, условиями забора органов для трансплантации у живого донора, среди прочего, являются письменное предупреждение живого донора лечащим врачом государственной организации здравоохранения о возможном ухудшении его здоровья в связи с забором органов для трансплантации, а также наличие добровольного согласия данного живого донора на забор органов, выраженного в письменной форме и удостоверенного нотариально [26, ч. 1 ст. 8]. В то же время трансплантация осуществляет-

ся только с письменного согласия реципиента, при этом реципиент должен быть письменно предупрежден о возможном ухудшении его здоровья в результате предстоящего медицинского вмешательства [26, ст. 12]. Обязательным условием выполнения донорской функции является наличие предварительного письменного согласия донора на забор у него крови, ее компонентов [15, ст. 20], а также предварительного письменного согласия реципиента на переливание крови, ее компонентов [15, ст. 23]. При этом реципиент должен быть письменно предупрежден о возможном ухудшении его здоровья в результате предстоящего медицинского вмешательства [15, ст. 23].

Поскольку в белорусском законодательстве правило «информированного согласия» закреплено, как правило, в актах, принятых в сфере здравоохранения или оказания медицинской (психологической) помощи, и является частным случаем причинения вреда с согласия потерпевшего, считаем целесообразным расширение сферы применения данного правила на договоры, предметом которых является выполнение работ или оказание услуг. При этом, полагаем, что заблуждение заказчика в отношении результатов работы (услуги) при наличии его предварительного письменного согласия, содержащего предупреждающую информацию о неблагоприятных последствиях выбора заказчика, не должно влиять на освобождение подрядчика (исполнителя) от ответственности за вред, причиненный результатом работы (услуги) заказчику. В частности, считаем целесообразным дополнить статью 670 ГК пунктом 4 следующего содержания:

«4. В тех случаях, когда результат работы может не оправдать ожиданий заказчика в силу заблуждения с его стороны, подрядчик вправе приступить к выполнению работы согласно указаниям заказчика. При этом подрядчик освобождается от ответственности за вред, причиненный результатом работы заказчику, при условии наличия предварительного письменного согласия заказчика на выполнение такой работы с указанием в документе, выражающем согласие, предупреждающей информации о возможных неблагоприятных последствиях выбора заказчика».

В отношении вреда, причиненного вследствие недостатка услуги, считаем целесообразным дополнить главу 39 ГК статьей 737-1 следующего содержания:

«В тех случаях, когда результат услуги зависит от индивидуальных особенностей заказчика и (или) может не оправдать ожиданий заказчика в силу заблуждения с его стороны, исполнитель вправе приступить к оказанию услуги согласно указаниям заказчика. При этом исполнитель освобождается от ответственности за вред, причиненный вследствие оказания такой услуги, при условии наличия предварительного письменного согласия заказчика на

оказание такой услуги с указанием в документе, выражающем согласие, предупреждающей информации о возможных неблагоприятных последствиях выбора заказчика».

В целом можно говорить о том, что правило «информированного посредника» действует, чтобы оградить изготовителей товаров, в частности рецептурных лекарственных средств, от ответственности за их неспособность напрямую предупредить пациентов о побочных эффектах таких товаров, в то время как правило «информированного согласия» гарантирует, что соответствующие предупреждения будут переданы информированным посредником конечному потребителю (например, пациентам врачом). При этом некоторые авторы [см., напр., 34] критикуют применение данных правил, аргументируя это тем, что: 1) врачи могут не обладать достаточными знаниями о побочных эффектах лекарственных средств и иных особенностях их воздействия на организм пациентов, что ставит под сомнение их квалификацию в качестве «информированных посредников»; 2) в своей практике английские суды зачастую отказывают в удовлетворении исков о возмещении потребителям вреда, причиненного в результате ненадлежащего исполнения врачом своих обязанностей в качестве «информированного посредника», лишь на том основании, что согласие пациента на лечение требовало «информирования». Следовательно, высказывается мнение, что пациенты будут лучше защищены от рисков, связанных с рецептурными лекарственными средствами, если правило «информированного посредника» будет дополнено юридическим требованием, чтобы изготовители фармацевтических товаров предоставляли информацию о продукте конечному потребителю, т. е. пациенту, путем использования листов-вкладышей для пациентов и указания соответствующей информации на упаковке товара либо в инструкции по его применению [13].

Таким образом, на основании проведенного сравнительно-правового анализа оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), закрепленных в законодательстве Республики Беларусь и других государств — членов СНГ, США, Великобритании и других членов ЕС и подтвержденных соответствующей судебной практикой, можно сделать следующие выводы:

1) считаем обоснованным введение в действующее белорусское законодательство норм, предусматривающих освобождение изготовителя (исполнителя, продавца) от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), в том случае, если вред возник вследствие действий третьих лиц, что позволяет избежать потребительского экстремизма и защитить деловую репутацию изготовителей (продавцов, исполнителей);

2) в целях консолидации оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), закрепленных в ГК и Законе, считаем целесообразным изложить статью 967 ГК в следующей редакции:

«Продавец или изготовитель товара, исполнитель работы или услуги освобождаются от ответственности в том случае, если докажут, что вред возник вследствие нарушения потребителем установленных правил использования товара (результата работы, услуги), хранения, транспортировки товара (результата работы) или действий третьих лиц либо непреодолимой силы»;

3) белорусский законодатель выделил достаточно узкий перечень оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг). Полагаем, что опыт зарубежных стран, в частности Украины, Молдовы и Туркменистана, а также ЕС в части детализации оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, может быть учтен в нормотворческом процессе Республики Беларусь в целях справедливого распределения рисков между изготовителем и потерпевшим. Например, считаем целесообразным дополнительно отразить в статье 967 ГК и статье 7 Закона возможность освобождения изготовителей товаров (за исключением недвижимых) от деликтной ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков таких товаров, при условии, что:

а) изготовитель не вводил товар в обращение; или

б) недостаток, вследствие которого причинен вред, возник после введения изготовителем товара в обращение (кроме случаев, когда возникновение такого недостатка было обусловлено конструкцией или составом товара), в том числе в результате конструктивных изменений в составе товара и изменений его химического состава, произведенных потребителем или иным третьим лицом после введения изготовителем товара в обращение; или

в) товар не был изготовлен для продажи, найма или любой иной формы распространения в экономических целях изготовителя, а также не был изготовлен и не распространялся в ходе осуществления его предпринимательской (хозяйственной) деятельности; или

г) товар имеет недостаток, однако при выпуске его для реализации он соответствовал действующим в то время законодательным нормам и техническим стандартам; или

д) в отношении изготовителя комплектующих или составных частей недостаток обусловлен конструкцией готового товара, в состав которой эта комплектующая или составная часть включена, или технической документацией и (или) инструкциями, предоставленными изготовителем готового товара; или

е) недостатки связаны с порядком сборки товара, в который включена составная часть, либо с дополнениями и изменениями, произведенными изготовителем конечного товара;

4) считаем обоснованным отказ белорусского законодателя от закрепления в отечественном законодательстве так называемого «риска разработки», суть которого заключается в освобождении изготовителей или исполнителей от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), при условии, что при производстве товаров (выполнении работ, оказании услуг) уровень научных и технических знаний изготовителя (исполнителя) не позволял выявить их особые свойства и характеристики. Несмотря на многочисленные дискуссии по поводу «риска разработки» как основания, освобождающего от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг), и его влияния на развитие инновационных отраслей, с одной стороны, и защиту прав потребителей — с другой, по нашему мнению, отказ от закрепления в законодательстве «риска разработки» является одним из немногих эффективных средств в борьбе с недобросовестными изготовителями (исполнителями), которое позволяет обеспечить должную защиту потребителей, особенно при приобретении ими инновационных товаров (результатов работ или услуг);

5) одними из оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный недостатками товаров (работ, услуг), широко применяемыми в практике зарубежных государств, являются правила «информированного посредника» и «информированного согласия».

Сущность правила «информированного посредника» обусловлена природой отдельных видов товаров (работ, услуг), например рецептурных лекарственных средств и медицинских изделий, а также способом их доведения до конечного потребителя. Правило «информированного согласия» является разновидностью общего основания освобождения причинителя вреда от ответственности при наличии согласия потерпевшего на его причинение. Суть «информированного согласия» заключается в том, что юридическое значение придается не просто согласию, а согласию, которое является явно выраженным при условии информированности пациента о всех возможных рисках и альтернативных методах лечения;

б) в целях корректировки баланса прав сторон считаем целесообразным введение в ГК правила «информированного согласия», предусматривающего освобождение подрядчиков и исполнителей от обязанности возмещения вреда в случае получения явно выраженного согласия заказчика на причинение вреда при

условии его предварительной информированности о всех возможных рисках и (или) негативных последствиях его конечного выбора,

в отношении договоров, предметом которых является выполнение работ или возмездное оказание услуг.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики от 28 дек. 1999 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2577>. — Дата доступа: 23.09.2018.
2. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть вторая) от 5 янв. 1998 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=53>. — Дата доступа: 23.09.2018.
3. Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2998>. — Дата доступа: 23.09.2018.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-3: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 01.08.2018 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
5. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. № 409-І ЗРК [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1167>. — Дата доступа: 23.09.2018.
6. Гражданский кодекс Республики Молдова от 6 июня 2002 г. № 1107-XV [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3244>. — Дата доступа: 23.09.2018.
7. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть вторая) от 11 дек. 1999 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2165>. — Дата доступа: 23.09.2018.
8. Гражданский кодекс Республики Туркменистан от 17 июля 1998 г. № 294-І [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2363>. — Дата доступа: 23.09.2018.
9. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть вторая) от 29 авг. 1996 г. № 256-І [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=771>. — Дата доступа: 23.09.2018.
10. Гражданский кодекс Республики Украина от 16 янв. 2003 г. № 435-IV [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=8896>. — Дата доступа: 23.09.2018.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 24 дек. 1996 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2018.
12. Ивановская, Н. В. Возмещение вреда, причиненного недостатками товаров, по праву Англии и России / Н. В. Ивановская // Бизнес в законе. — 2013. — № 2. — С. 21—23.
13. Коренева, В. Г. Правило «информированного посредника» в праве Англии и США / В. Г. Коренева // Пробелы в российском законодательстве. — 2011. — № 2. — С. 107—109.
14. Марчук, К. В. Непреодолимая сила (форс-мажор) как основание для освобождения от ответственности / К. В. Марчук [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
15. О донорстве крови и ее компонентов: Закон Респ. Беларусь от 30 нояб. 2010 г. № 187-3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
16. О защите прав потребителей: Закон Азербайджан. Респ. от 19 сент. 1995 г. № 1113 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2795>. — Дата доступа: 23.09.2018.
17. О защите прав потребителей: Закон Кыргыз. Респ. от 10 дек. 1997 г. № 90 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=357>. — Дата доступа: 23.09.2018.
18. О защите прав потребителей: Закон Респ. Армения от 20 июля 2001 г. № ЗР-197 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3625>. — Дата доступа: 23.09.2018.
19. О защите прав потребителей: Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2002 г. № 90-3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
20. О защите прав потребителей: Закон Респ. Казахстан от 4 мая 2010 г. № 274-IV ЗРК [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=31140>. — Дата доступа: 23.09.2018.
21. О защите прав потребителей: Закон Респ. Таджикистан от 9 дек. 2004 г. № 72 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=8294>. — Дата доступа: 23.09.2018.
22. О защите прав потребителей: Закон Респ. Туркменистан от 8 нояб. 2014 г. № 140-V [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=71189>. — Дата доступа: 23.09.2018.
23. О защите прав потребителей: Закон Респ. Узбекистан от 26 апр. 1996 г. № 221-V [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=909>. — Дата доступа: 23.09.2018.
24. О защите прав потребителей: Закон Респ. Украина от 12 мая 1991 г. № 1023-XII [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=9258>. — Дата доступа: 23.09.2018.
25. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февр. 1992 г. № 2300-1 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: <http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1600>. — Дата доступа: 20.09.2018.
26. О трансплантации органов и тканей человека: Закон Респ. Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
27. Про відповідальність за шкоду, завдану внаслідок дефекту в продукції: Закон України від 19.05.2011 р. № 3390-VI [Электронный ресурс] // Верховна Рада України, 1994—2018. — Режим доступа: <<https://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/3390-17>>. — Дата доступа: 20.09.2018.
28. Функ, Я. И. О регулировании гражданским законодательством Республики Беларусь освобождения от ответственности вследствие непреодолимой силы / Я. И. Функ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

29. Халин, Р. В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный недостатками товаров, работ и услуг по праву России, Англии и США: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р. В. Халин. — Белгород, 2015. — 223 л.
30. Халин, Р. В. Теоретико-правовой анализ оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг в праве России, Англии и США / Р. В. Халин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2015. — № 5 (60). — С. 46–54.
31. Council Directive 85/374/EEC of 25 July 1985 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning liability for defective products [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31985L0374>>. — Date of access: 20.09.2018.
32. European Convention on Products Liability in regard to Personal Injury and Death, Strasbourg, 27.01.1977: European Treaty Series, N 91, 1977 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<https://rm.coe.int/1680077321>>. — Date of access: 20.08.2018.
33. Explanatory Report to the European Convention on Products Liability in regard to Personal Injury and Death European Treaty Series, Strasbourg, 27.01.1977: European Treaty Series, N 91, 1977 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<https://rm.coe.int/16800c9a6a>>. — Date of access: 20.08.2018.
34. Ferguson, P. Liability for Pharmaceutical Products: a Critique of the Learned Intermediary Rule / P. Ferguson // Oxford Journal of Legal Studies. — 1992. — Vol. 12, N 1. — P. 59–82.
35. Johnston, C. A personal (and selective) introduction to product liability law / C. Johnston [Electronic resource] // Professional Negligence Bar Association. — Mode of access: <<http://pnba.co.uk/wp-content/uploads/2014/06/A-Personal-Selective-Introduction-to-Product-Liability-Law.pdf>>. — Date of access: 25.09.2018.
36. Product Liability in Comparative Perspective / D. Fairgrieve [et al.]. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 378 p.
37. Restatement of the Law, Third, Torts: Products Liability. — The American Law Institute, 1998. — 382 p.
38. Stapleton, J. Product Liability Reform — Real or Illusory? / J. Stapleton // Oxford Journal of Legal Studies. — 1986. — Vol. 6, N 3. — P. 392–422.
39. Steele, J. Tort Law: Text, Cases, and Materials / J. Steele. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. — 952 p.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2018 г.

PROPOSAL FOR SALE CONTRACTS UNDER THE CISG'S REGULATIONS IN COMPARISON WITH THE PICC AND THE VIETNAMESE CIVIL LAW 2015

Luu Thi Bich Hanh

The contracting process plays an important role in the formation of a contract, which is formed by the two elements: an offer to enter into a contract and acceptance of such an offer. Therefore, these two factors are regulated by a number of legal documents, such as the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG), the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC) and Civil Code 2015 of Vietnam (CL 2015), all of which have provisions on these two issues. In order to have an overview of the law in the contracting process, this article analyzes and compares provisions on contract conclusion in the above documents through some case studies.

The objective of this article is to compare and clarify the differences in the approach to CISG contract provisions, the PICC and the Vietnamese Law. The article uses a comparative research methodology and analyzes case lawsuits, which make sense in providing key concepts and perspectives on how to deal with combined offers under the approach of the CISG, the PICC and the Vietnamese Law. The results of this comparison may help to draw some comments on the conditions of the offer to enter into a contract, the duration of the validity of the offer to enter into a contract, the right to cancel the offer to enter into a contract. The contract ensures that the contracting parties understand their rights and obligations and avoid legal risks arising in the course of performance of the contract.

Keywords: contract; offer; offeree; offeror; proposal to conclude a contract.

Author:

Luu Thi Bich Hanh — Lecturer of International Business Law of the Foreign Trade University — Ho Chi Minh Campus, e-mail: luuthibichhanh.cs2@ftu.edu.vn
Foreign Trade University. Address: 15D5, 25 ward, Binh Thanh District, Ho Chi Minh City, VIETNAM

«Оферта на основании Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров: сравнительный анализ с Принципами УНИДРУА и Гражданским кодексом Вьетнама 2015 г.» (Лью Тхи Бич Хань)

В процессе заключения договора важную роль играют такие элементы, как предложение вступить в договорные отношения (оферта) и принятие данного предложения (акцепт). Они регулируются такими правовыми документами, как Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА и Гражданский кодекс Вьетнама 2015 г. В статье дается обзор подходов к регулированию процесса заключения договора, на примерах судебных дел анализируются и сравниваются положения о заключении договора в указанных документах.

Целью статьи является выявление и сравнение различий регулирования порядка заключения договора Венской конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., Принципами международных коммерческих договоров УНИДРУА и вьетнамским законодательством. В статье используется метод сравнительного исследования, анализируется правоприменительная практика, что способствует формированию представления о том, как регулируется оферта нормами Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, Принципов УНИДРУА и вьетнамском внутреннем правом. Результаты такого сравнительного анализа могут использоваться при разработке условий предложения о заключении договора, сроке действия оферты, праве отозвать оферту. Договор оговаривает, что его стороны понимают свои права и обязанности и избегают юридических рисков, возникающих в ходе исполнения договора.

Ключевые слова: договор; оферта; оферент; предложение о заключении договора.

Автор:

Лью Тхи Бич Хань — преподаватель международного коммерческого права Университета внешней торговли (филиал в г. Хошимине), e-mail: luuthibichhanh.cs2@ftu.edu.vn
Университет внешней торговли (филиал в г. Хошимине). Адрес: 15D5, 25 ward, Binh Thanh District, Ho Chi Minh City, VIETNAM

Рецензенты:

Царёва Людмила Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета

Бакиновская Ольга Александровна — кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

A proposal to conclude a contract is the object of scientific interest and research worldwide. Many scholars devote their studies to this issue: Robert W. Emerson, John W. Hardwick, *Business Law*, Barron's educational series Inc., USA, 1997; J. Smyth, D. A. Soberman, J. H. Telfer, R. Johanson, *Australian business law*, Prentice Hall of Australia Pty. Ltd., Australia, 1980. There are also some other authors such as Corinne Renault – Brahinsky – *Outline of contract law*, Culture and Information Publisher, Hanoi, 2002; Lawrence S. Clark, Robert J. Aalberts, Peter D. Kinder, *Law and Business – The Regulatory Environment*, Fourth edition, McGraw-Hill, Inc., 1994; James Barnes, Terry Morehead Dworkin, Eric L. Richards, *Law for Business*, Fourth Edition, Irwin, USA, 1991; Paul Latimer, *Australian Business Law*, CCH Australia Limited, 1987. This issue was also covered by Larry A. DiMatteo, Lucien Dhooge, Stephanie Greene, Virginia Maurer and Marisa Pagnattaro, in their article «The Interpretive Turn in International Sales Law» (2004) in *Northwestern Journal of International Law and Business*; by John E. Murray in «An Essay on the Formation of Contracts and Related Matters under the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods» (1988) in the Issue 8 of the *Journal of Law and Commerce*. However, most of the aforementioned works have studied the regulations relating to the proposal to enter into a general contract in the analytical review of commercial law. Therefore, there is no separate and in-depth study on the proposed merger, especially proposal to enter into a contract in accordance with the provisions of the CISG in relation to the PICC and the current Civil Law of Vietnam.

In Vietnam, there are very few studies related to the proposal to enter into a contract, in particular the study of the proposal to enter into a contract under the provisions of the CISG in relation to the PICC and the Civil Law 2015 of Vietnam. In most studies, authors pay much attention to the regulations on accepting the proposal to enter into a contract. For example, «Research on the proposal to enter into contracts in the context of comparative Law in Vietnam» by Duong Anh Son (Faculty of Economics, Vietnam National University). Ho Chi Minh's article «The provisions of the Civil Code 2005 on the proposal to enter into a contract and accept the offer to enter into a contract – from a comparative law perspective» analyzes the proposal to enter into a contract and accept the proposal to enter into a contract and states that there are three legal documents regulating the signing and performance of contracts: Ordinance on Economic Contract 1989, Civil Code 1995 and Law Commercial in 1997. However, the author did not analyze all the provisions related to the offer to enter into a contract and acceptance of the proposal to enter into a contract but only analyzed and explained some provisions in relation to the practice and compared the legal

validity of the proposal to enter into contracts and acceptance of the contract with the laws of some countries.

In the current context of Vietnam, which has joined the CISG since the effective enforcement date on the 1st of January 2017, and when the Vietnam Civil Code 2015 adjustment of the offer to enter into the contract took effect on the 1st of January 2017, the study of an offer to enter into a contract under the CISG regulation, in relation to the PICC and the current Civil Code of Vietnam, contributes to the facilitation of the CISG operation in Vietnam.

In the formation of a contract, a party must have an intention to enter into a contract, which is expressed through a proposal to enter a contract. A proposal for concluding a contract may be addressed to one or more specific persons. In case of acceptance by the offeree, that offer shall become effective, and then a contract is formed and the obligations of the parties become legally binding. This may seem simple, but in the practice of the CISG, the PICC, the CL 2015, many legal issues arise.

An offer to enter into a contract is the expression of intent, indicating the will to enter into a contract, which will be addressed to the offeree and bind the offeror in case of acceptance. In this regard, the similarities and differences in the CISG, PICC and CL 2015 regulations on some key issues should be analyzed

Conditions for the validity of an offer

The CISG 1980, Article 14.1: A proposal for concluding a contract addressed to one or more specific persons constitutes an offer if it is sufficiently definite and indicates the intention of the offeror to be bound in case of acceptance. A proposal is sufficiently definite if it indicates the goods and expressly or implicitly fixes or makes provision for determining the quantity and the price. Accordingly, an offer to enter into a contract should meet three conditions: clarity of the offer, the determination of the proposed person and the will of the offeror who wishes to be bound by the proposal himself.

The Civil Code of Vietnam in 2015 (CL2015) and the PICC also have a similar approach. Under Article 386 of the Civil Code 2015, a proposal to enter into a contract is the expression of the intent of the offeror to enter into a contract, the offeror to the identified party or to the public. CL2015, Article 386: Offer to enter into a contract means a clear expression by the offeror of its intention to enter into a contract and to be bound by such offer made to another specific party or the public (hereinafter referred to as the offeree). And (Art. 2.1.2 (Definition of offer)): a proposal for concluding a contract constitutes an offer if it is sufficiently definite and indicates the intention of the offeror to be bound in case of acceptance.

Firstly, in terms of clarity of an offer, the CISG 1982 states that «A proposal is sufficiently definite if it indicates the goods and expressly or implicitly fixes or makes provision for determining the quantity and the price». Therefore, under the CISG, the conditions for an offer to enter into a contract are clear enough and must include the goods, quantity and price. In addition, according to Article 55, the CISG provides for the determination of prices by considering prices under similar conditions of the relevant trade in case contracts do not state this explicitly or implicitly, or if there is no clear pricing clause. There is a difference in the content of Article 14 and Article 55 of the CISG. Based on the principle of the interpretation of the CISG, under Article 8, in the event that the will of the parties to enter into a contract is clearly expressed, but without the price terms, the value of the intention shall be higher than the requirement of the price determination under Article 14. Thus, the price shall be determined under Article 55.

However, in practice, the laws of the countries applying Civil Law system will often require the determination of the price on the offer. Accordingly, an offer must include a definite or identifiable price. The condition for Article 55 to apply is only if «a contract has been legally established» [see: 6]. This characteristic is clearly illustrated in following case [1]:

Summary of the case: The buyer sent a letter requesting the seller to make a quotation for 220,000 at a minimum price of crystal test tubes with lids according to the normal standard with a coefficient of expansion not exceeding 5.5×10^{-7} . In addition, the buyer asked if Pyrex glass was used for producing test tubes. The seller sent the buyer a fax offering the Schott type glass which answered the description in the buyer's request. There were no other requests from the seller in the fax. After that, the buyer sent the seller a fax with the reference to the seller's offer and ordered 220,000 test tubes with lids made of colorless Duran grade 1 glass with a coefficient of expansion of 5.5×10^{-7} as per attached design. Through telephone and fax communication, the seller sent the buyer the drawing according to the request of the buyer's customer. Moreover, the seller requested the buyer to confirm that the hydrolytical-Schott grade 1 glass would be used rather than Pyrex or Duran. Through multiple exchanges, the buyer finally responded to the seller by fax saying: «We confirm our acceptance of glass tubes with lids made of Schott grade 1 glass, the hydrolytical type».

When the seller delivered test tubes with lids made of Fiolax glass to the buyer with an invoice in the amount of DM 123,380.00, the seller asked the buyer to make a payment of the trading value. The buyer refused to pay because he ordered Duran type test tubes with higher quality than those delivered by the seller. The seller filed a lawsuit against the buyer to the German court.

Arguments and conclusions of the Court: Under no circumstances will any contract be entered into by either party. Based on the buyer's written request, the seller gave an offer for the sale of colorless glass tubes to the size as per the drawings of the seller, and it is certainly that the product complies with the description of the buyer. The prices for Pyrex glass tubes at buyer's request are not included. As far as the situation is concerned, the seller only offered the Fiolax glass because that was the only glass having a 5.5×10^{-7} expansion factor as required by the purchaser. In the request letter, by referring to Pyrex glass tubes, the buyer only wanted to ask for the price for the glass of this quality, but not of the other kind of quality.

In contrast, in Common Law states, laws do not require the determination of prices in an offer. It is only necessary to determine whether the parties have a willingness to agree on the manner of determining prices. On the other hand, under Article 6 CISG, the parties to the contract have an option not to apply Article 14. Therefore, an offer for the purpose of establishing a non-price term contract will not be considered invalid. Then, Article 55 will be applied to determine the price [see: 6].

Since the CL2015 as well as Vietnamese Trade Law do not specifically regulate this issue, the clarity of the proposal to enter into a contract is very general. How is a proposal made clear in Vietnamese law? Typically, a proposal must be specific enough to form a contract when accepted. Vietnamese laws on trading do not have general provisions on the basic terms of the contract. Therefore, in practice, it depends on the nature of each type of contract. For example, for proposals to enter into sales contracts, only the subject and price need to be specified. Moreover, for a particular transaction, an offer may also contain other terms and conditions such as the time and place of delivery, and the packaging of the goods; the parties may also mutually agree what kinds of content are the important terms to form the contract, or the main terms should be laid down in each specific type of contract required by the law.

Secondly, on the determination of the offeree, under Article 14.1 of the CISG «A proposal for concluding a contract addressed to one or more specific persons», CL2015-Article 386: «Offer to enter into a contract means a clear expression by the offeror of its intention to enter into a contract and to be bound by such offer made to another specific party or the public (hereinafter referred to as the offeree)».

Besides, an offer becomes effective when it reaches the offeree (Art. 14.2 of the CISG), which the offeror clearly or expressly name in the sender section or in the proposal for the place of business (if it is a legal entity), permanent address (if it is a natural person or otherwise make it possible for the offeree to correctly identify the information. The proposed party may be one or more persons,

identifiable. There is an exception to Article 14.2 of the CISG in the case where an offer to enter is addressed to more than one unidentified person that «A proposal other than one addressed to one or more specific persons is to be considered merely as an invitation to make offers, unless the contrary is clearly indicated by the person making the proposal». This regulation of CISG is in the case where the proposal is addressed to many unidentified persons and no further statement by the proponent, such as leaflets, flyers, advertisements etc., means that it is only considered as an introduction, offer some products without forming a proposal to enter into a legally valid contract [2, p. 59].

However, if the offer is made to one or more undefined parties, but represents the offeror's genuine offer, the offer is valid. The Vietnam Civil Code 2015 also allows the proposal to enter into a contract to the public, but the PICC does not have any regulations regarding this situation. For example, buying or selling at a commodity exchange or stock exchange where is considered to conduct ongoing offering, request continuously, there should be hard to recognize the determined parties, the same with promise of prize, contest's award. The following case is an example presenting a case where an offer to enter into a contract through an intermediary, without the exactly determined offeree is still considered legally valid [5].

Case summary: On December 26th, 2011, PJICO passed a fire insurance policy with Huada through the Chung Kuo office. On January 12th, 2012, a fire occurred at the factory of Huada Company (Tam Phuoc Industrial Park, Bien Hoa City, Dong Nai Province). One day later, the examination revealed that the insurance policy had not been signed and stamped by Huada Furnire. On January 16, 2012, Huada Company transferred the insurance premium to PJICO. After that, Huada returned the signed and stamped policy to PJICO. As PJICO refused the insurance compensation, Huada Company filed a lawsuit to the People's Court of Bien Hoa City, Dong Nai Province.

Judgment of the Court: The judgment of the Court of Appeal on February 02nd 2016 of the People's Court of Dong Nai Province reported that Chung Kuo office is an insurance brokerage organization. Huada Company through this office dealing with PJICO is the contract proposal. As a result, PJICO sent insurance policy as evidence of agreement. Therefore, the People's Court of Dong Nai province decided to amend the first verdict, accept the petitioner's request and force PJICO to compensate the total amount of nearly 58 billion VND.

Thirdly, an offer is sufficiently definite and indicates the intention of the offeror to be bound in case of acceptance. CISG, Civil Code 2015 and PICC, all of which have provisions on these issues, under Article 14.1 of the CISG: «A proposal

for concluding a contract addressed to one or more specific persons constitutes an offer if it is sufficiently definite and indicates the intention of the offeror to be bound in case of acceptance». The CL2015 also requires: «Offer to enter into a contract means a clear expression by the offeror» (Art. 386). Besides, PICC-article 2.1.2 states that «a proposal for concluding a contract constitutes an offer if it is sufficiently definite and indicates the intention of the offeror to be bound in case of acceptance».

Does such a proposal clearly show the intention to enter into a contract?

How to determine that the proposer has a «desire to be bound by that proposal»? In fact, it is not necessary for the offeror to make a clear statement that he or she wishes to be bound by this proposal. Usually, the nature and the content of the offer will be taken into consideration to define the intention of the proposer. The more detailed the proposal is, the easier it is to indicate the wish of being bound by the offeror.

In fact, the brochures and even draft contracts sent to partners, which include a statement «the contents of this offer are not valid as a contract» or «this offer is not valid as a contractual offer», are just invitations to negotiation, even if the offer contains the full contents of the contract [4].

Under Article 8 of the CISG, in order to determine whether the offeror wishes to bind himself in the event that the offer is accepted, all relevant facts should be taken into account; then, the will of the offeror in accordance with Article 8.2 will be objectively considered, based on the will of an ordinary person of the same characteristics, and in the same context. For example, a buyer is considered having intention to enter into a contract when he or she sends the seller an order, stating that «we want to place an order» and requesting an «immediate delivery».

Duration and validity of an offer

The proposal to enter into a contract is a unilateral legal act from the offeror and is coercive to the offeror. The offer can only be effective when it reaches the proposed offeree. Article 15.1 of the CISG regulates that an offer of goods becomes effective when the offeree receives the offer, and Article 17 states that the offer shall terminate when rejection reaches the offeror. In addition, under Article 18.2, an acceptance is not effective if the indication of assent does not reach the offeror within the time he has fixed or, if no time is fixed, within a reasonable period of time, due account being taken of the circumstances of the transaction, including the rapidity of the means of communication employed by the offeror. An oral offer must be accepted immediately unless the circumstances indicate otherwise.

Thus, according to the CISG, a proposal to enter into a contract comes into effect from the time the proposed party receives the offer and terminates

at the end of the response deadline. In addition, the requesting party has the right to set the time validity of the request. Despite the fact that the offer does not specify a time limit for the response, the proposer still remains bound within a reasonable period of time. Similarly, Article 388-CL 2015 does not consider the timing of the reply to be the condition of the request; therefore, a contractual agreement which does not mention the deadline for response, can still be considered a contract conclusion. The time when the offer to enter into the contract comes into effect is determined by the offeror. If the offeror fails to fix the time, the offer to enter into the contract shall be effective from the time the offeree receives the offer, unless otherwise provided for by the applicable law and under article 394 when the offeror does not mention the time limit for replying, acceptance of the offeree shall be deemed to be accepted only if it is conducted within a reasonable period of time.

On the other hand, the following situation may occur: A sends B an offer to enter into a contract on August 25th, 2017, in which sets the 10 days' time period for the response without stating the starting date. In this case, how is the starting date determined? [3]

The CISG and the PICC have very specific regulations regarding such a situation. Article 20.1 of the CISG states: «A period of time for acceptance fixed by the offeror in a telegram or a letter begins to run from the moment the telegram is handed in for dispatch or from the date shown on the letter or, if no such date is shown, from the date shown on the envelope. A period of time for acceptance fixed by the offeror by telephone, telex or other means of instantaneous communication, begins to run from the moment that the offer reaches the offeree». Article 2.1.8 of the PICC stipulates: «(Acceptance within a fixed period of time) – A period of acceptance fixed by the offeror begins to run from the time that the offer is dispatched. A time indicated in the offer is deemed to be the time of dispatch unless the circumstances indicate otherwise». Accordingly, the 10 days period in the above example will be calculated from the date A sends the offer, no matter how A sends the offer. Meanwhile, if based on the CL 2015, we will stalemate in the above example because no exact date can be determined (August 25th, 2017 or the date when the offer is dispatched, or the date when B receives the offer) to be the starting date of the 10 days period for the offeree to accept due to the fact that CL2015 does not have such a specific regulation.

Withdrawal or termination of an offer

Before going into the analysis of specific legislation, the following scenario should be considered: «Ltd. Company A sends a purchasing offer to Ltd. Company B. When the purchasing offer has not been sent to company B, the director of company A called the office of company B

to change the price terms in the contract. The secretary of Company B answered the call and promised to inform the director immediately but forgot to do so. When company A's purchasing request was received, the director of Company B immediately agreed to accept the request and sent it back to company A. Company A did not reply. On the date of delivery stated on the request letter, Company B made a shipment to Company A but Company A did not receive the goods because there was no contractual agreement between A and B. Company B took Company A to court and demanded compensation. So, there was a contractual relationship between A and B».

Under Article 15.2 of the CISG, an offer may be withdrawn irrespective of the type of the offer. The only condition is that the offeree must be informed of the new intention of the offeror before or at the time the offeree receives the original offer. Vietnamese laws similarly stipulate the change and withdrawal of the offer to enter into a contract under Article 389 of the CL 2015. Thus, in this case, the change in the content of the proposal to enter into a contract is subject to the requirements of the CISG and the CL 2015: the changing content reaches the proposed party before the proposed party receives the offer, so in this case there is no contract between Company A and Company B provided that the channel information through the Secretariat is the official channel in Company B.

In terms of cancellation of a proposal to enter into a contract, under Article 16.1 of the CISG: «Until a contract is concluded, the offer may be revoked if the revocation reaches the offeree before he has dispatched an acceptance». However, also, under Article 16, the offer may not be revoked if that offer indicates by stating a time limit for acceptance or otherwise, that it is irrevocable; or, if it was reasonable for the offeree to rely on the offer as being irrevocable and the offeree has acted in reliance on the offer (Art. 16.1 of the CISG).

Under the US law, a proposal to enter into a contract may be amended or withdrawn at any time before the time it is accepted by the other party [7]. With regard to the right to cancel the offer, the Vietnamese law differs from the CISG: Article 390 of the CL 2015 stipulates that an offer to enter a contract may only be cancelled if that offer contains provisions of the offeror's right to cancel the offer, and the proposed party receives a notice of cancellation prior to sending the notice of acceptance of the offer to enter into the contract.

Some recommendations related to the proposal to enter into a contract

By analyzing the similarities and differences of the CISG and other legal documents, mainly the CL 2015, the following recommendations can be made:

1. Regarding the conditions of the offer to enter into a contract, the CISG and the CL 2015 are quite similar. However, there are some incompatible

points such as the clarity of an offer to enter into a contract. In the CISG, there must be basic provisions such as subject, quantity, price, while CL2015 does not have such kind of the general provision of the basic terms of the contract, but depends on the nature of each type of contract to consider. Hence, in establishing the offer, attention should be paid to this content when the law applicable to the contract is the CISG. In addition, one of the complexities of applying the CISG is that, although the parties are parties to the convention, the interpretation and application of the convention is different. Businesses should take into consideration their partners and the court/arbitrator that will settle disputes applying a particular legal system to interpret or predict their explanations, as well as the judges using the CISG if a dispute relating to the determination of price (as analyzed above) arises.

2. As for the duration of the validity of an offer to enter into a contract, the CL2015 should be completed with the provisions on the manner of specifying the time of commencement of the acceptance response. When the offeror states

the acceptance deadline without specifying the starting time, the solution is to refer to Article 2.1.8 of the PICC: «A period of acceptance fixed by the offeror begins to run from the time that the offer is dispatched. A time indicated in the offer is deemed to be the time of dispatch unless the circumstances indicate otherwise».

3. With regard to the right to cancel an offer, Vietnamese law differs from the CISG. Article 390 of the CL 2015 stipulates that an offer to enter into may only be canceled if the proposal contains provisions of the offeror's right to cancel the offer and the offeree receives a notice of cancellation prior to sending the notice of acceptance of the offeror. This shows that the provisions on the right of cancellation of the proposal to enter into a contract in the CL2015 are very strict if the offeror does not anticipate to include it in the contract proposal, whereas under the CISG, until contracts are concluded, an offer may be cancelled if the offeree receives a notice of cancellation prior to the time they submit their acceptance of the offer. This difference requires traders to be cautious when establishing a contract conclusion.

List of References

1. CISG case presentation [Electronic resource] // Institute of International Commercial Law. — Mode of access: <<http://cisgw3.law.pace.edu/cases/950331g1.html>>. — Date of access: 01.06.2017.
2. Nguyen Ngoc Lam. Settlement of disputes in international trade contracts, dispute identification, preventive measures and methods of resolution / Nguyen Ngoc Lam. — Hong Duc publisher, 2014.
3. Nguyễn Văn Phái. Sửa đổi bổ sung một số quy định liên quan đến chấp nhận đề nghị giao kết hợp đồng trong Bộ luật dân sự 2005 / Nguyễn Văn Phái [Electronic resource] // Civil Law Network. — Mode of access: <<https://thongtinphapluatdansu.edu.vn/2011/06/01/s%E1%BB%ADa-d%E1%BB%95i-b%E1%BB%95-sung-m%E1%BB%99t-s%E1%BB%91-quy-d%E1%BB%8Bnh-lin-quan-d%E1%BA%BFn-ch%E1%BA%A5p-nh%E1%BA%ADn-d%E1%BB%81-ngh%E1%BB%8B-giao-k%E1%BA%Bft-h%E1%BB%A3p-d%E1%BB%93ng/>>. — Date of access: 27.03.2019.
4. Phạm Anh Tuấn. Đề nghị giao kết hợp đồng và giá trị pháp lý / Phạm Anh Tuấn [Electronic resource] // Luật Sư Phạm Tuấn Anh. — Mode of access: <<http://luatsuphamtuananh.com/tu-van-soan-thao-ky-ket-hop-dong/de-nghi-giao-ket-hop-dong-va-gia-tri-phap-ly/vn>>. — Date of access: 12.06.2017.
5. Tâm Lua, Hợp đồng một bên ký vẫn có hiệu lực? / Tâm Lua [Electronic resource] // Tuổi Trẻ Online. — 21.12.2016. — Mode of access: <<http://tuoitre.vn/tin/phap-luat/20161221/hop-dong-mot-ben-ky-van-co-hieu-luc/1239583.html>>. — Date of access: 21.02.2017.
6. Vietnam International Arbitration Centre – Foreign Trade University, 101 questions and answers about the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG). — Thanh Nien publisher, 2016.
7. Vu Thi Lan Anh. US contract law and the Fundamental differences with Vietnamese law / Vu Thi Lan Anh // Journal of Law. — 2010. — Vol. 12. — P. 11–17.

The article was received in February 2018.

Статья поступила в редакцию в феврале 2018 г.

CONFLICT OF LAWS ON THE FORM OF CONTRACTS FOR THE INTERNATIONAL SALE OF GOODS BETWEEN ARTICLE 11 OF THE CISG 1980 AND THE VIETNAMESE COMMERCIAL LAW 2005

Vu Thi Bich Hai, Nguyen Ngoc Bien Thuy Huong

The form of contracts for the international sale of goods plays a key role in determining the existence of a contract in practice. Both the 1980 Vienna Convention (CISG 1980) and Vietnamese Commercial Law 2005 have different provisions on this issue. However, Vietnam has reserved the provision on contracts form in Article 11, Article 29 and Part II of the CISG 1980 (this reservation complies with Article 12 and Article 96). This reservation is the cause of the problems in the settlement of disputes over the form of the contracts the implementation of which is related to Vietnam. This article will analyze the situation of conflict of laws on the form of contracts for international sale of goods under Article 11 of the CISG and under the Vietnamese Commercial Law 2005 and also point out the importance of form of contracts in foreintrade relationships. Through these analyzes, the article will make recommendations to improve the effectiveness of the implementation of these regulations in practice, contributing to the role of law to create a strong legal framework to promote foreign trade activities.

Keywords: conflict of laws; form of contracts.

Authors:

Vu Thi Bich Hai — Lecturer of Faculty of Law of Binh Duong University, e-mail: vubichhai@gmail.com

Nguyen Ngoc Bien Thuy Huong — Lecturer of Faculty of Law of Binh Duong University, e-mail: thuyhuonglaw@gmail.com
Binh Duong University. Address: 504 Binh Duong Avenue, Hiep Thanh ward, Thu Dau Mot City, Binh Duong Province, VIETNAM

«Коллизии в правовом регулировании формы договора международной купли-продажи товаров между нормами статьи 11 Венской конвенции 1980 г. и Вьетнамского коммерческого закона 2005 г.» (Vu Thi Bich Hai, Nguyen Ngoc Bien Thuy Huong)

Форма договоров международной купли-продажи товаров играет ключевую роль в определении их действительности на практике. Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. и Вьетнамский коммерческий закон 2005 г. имеют различные подходы по данному вопросу. Однако Вьетнам сделал оговорку о неприменении положений о форме договоров статьи 11, статьи 29 и части II Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (эта оговорка соответствует ст.ст. 12 и 96). Данная оговорка вызывает проблемы при урегулировании споров о форме контрактов, имплементация которых связана с Вьетнамом. В данной статье анализируются существующие правовые противоречия в отношении формы договоров между нормами Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. и Вьетнамского коммерческого закона 2005 г. с целью дать рекомендации, как обеспечить применение этих правил на практике.

Ключевые слова: коллизия правовых норм; форма договоров.

The accession to the CISG 1980 has marked an important milestone in Vietnam's entry into international multilateral treaties on trade and the enhancement of international integration,

contributing to the improvement of the Vietnamese regulations on this field, creating a modern, fair and safe legal framework for Vietnamese enterprises to implement their own contracts for

Авторы:

Vu Thi Bich Hai — преподаватель юридического факультета Университета Бинь Дзюнг, e-mail: vubichhai@gmail.com

Nguyen Ngoc Bien Thuy Huong — преподаватель юридического факультета Университета Бинь Дзюнг, e-mail: thuyhuonglaw@gmail.com

Университет Бинь Дзюнг. Адрес: Binh Duong University. Address: 504 Binh Duong Avenue, Hiep Thanh ward, Thu Dau Mot City, Binh Duong Province, VIETNAM

Рецензенты:

Царёва Людмила Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета

Бакиновская Ольга Александровна — кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

the international sale of goods. The CISG 1980 is becoming more and more important in the situation when Vietnam is promoting export and import, expanding international trading market and many Vietnamese businessmen have to cope with the risks in trading with foreign partners. Thus, in Vietnam, before and after the President's Approval (November 24th, 2015) of the accession to the CISG 1980, the legal issues related to the international contract were discussed and analyzed in many forums of legal and economic community in Vietnam. A number of workshops were organized to research the content of the CISG 1980, such as the Workshop «*Applying the UN Convention on Contracts for International Sale of goods in international trade dispute resolution at the Vietnamese Courts*» held by the Supreme Court and the UNDP in Vietnam on 21.02.2019 [6], Workshop on «*Interpretation and application of CSIG in international trade practice*» organized by the Vietnam Commission for the Promotion of International Trade (CISGVN) in cooperation with the International Trade Lawyers Club (VBLC) on 12.09.2017 and 15.09.2017 [5], etc. Although the form of the contract of international sale of goods is also a part of the CISG 1980, this issue seems to be less attractive to the domestic researchers because the CISG allowed members to reserve this provision. Therefore, in Vietnam, the research on this issue is limited. The article «*International Business Contracts — Some problems enterprises should pay attention to*» by Nguyen Xuan Cong is one of the few papers on this issue [10]. The paper analyzes the concept, characteristics of contract and the form of contract in comparison with the Vietnamese Commercial Law 2005. However, this paper does not analyze the current situation as well as difficulties in applying this regulation in the context of Vietnam's increasing integration into the global economy.

In the world, this issue is also discussed inadequately because most developed market economies regulate the form of contracts similar to the 1980 CISG, so there is no legal conflict. This situation mainly occurs in developing countries. However, members of the CISG 1980 [3] are mostly developed countries.

In Vietnam, many enterprises still have limited understanding of the CISG, and some of them are even not aware of the CISG [8]. Therefore, the purpose of the paper is to clarify the general issues of the form of contracts for the international sale of goods in accordance with Article 11 of the CISG 1980 and the Vietnamese Commercial Law 2005 as well as to analyze some difficulties in implementing this type of contract.

The results of this paper will be a source of reference for Vietnamese legislators in finalizing Vietnamese law to conform with the international practice and the socio-economic situation of the country. Enterprises can also take this paper as a reference for the application of the provisions of CISG and provide some appropriate

recommendations on how to protect their legitimate rights and interests. Moreover, this paper is a useful source of reference for teaching, learning and researching international trade law.

1. The provisions of CISG 1980 and Vietnamese Commercial Law on the form of contracts

The form of contracts for international sales of goods is the «outer sheath» containing the unity of the will of the parties in a contractual relationship. The contracts might be expressed by: i) writing text, ii) speech, iii) act, iv) witness testimony; v) other forms. Due to different legislative views, the CISG 1980 and the Law of Vietnam regulate this issue differently.

1.1. Under the CISG 1980. The fact that the CISG 1980 provides «quite loose» regulations on the form of contracts has created the best conditions for the parties to set and obtain their goals participating in the international merchandising relation (Ms. Nguyen Thi Thu Trang. The Deputy Director of the Legal Department of the Vietnam Chamber of Commerce and Industry (VCCI) concludes: «*The CISG 1980 coming into force will carry forward a wide range of benefits to the Vietnamese enterprises. Vietnam has been enhancing its export of goods. The import-export activities are taking place excitingly and contracts on international sale of goods has accounted for a large proportion in the total number of contracts in general*» [1]). According to Article 11 of the CISG 1980, a contract of sale need not be concluded in or evidenced by writing and is not subject to any other requirement as to form. It may be proved by any means, including witnesses. This is also stated in the law of most countries having a developed market economy like England, France, America. In other words, the contract may be expressed in any form. In particular, the following can be mentioned:

Written form of contracts: This form meets the conditions on the safety, comprehensiveness and clarity of a contract for international sale of goods. Accordingly, the parties express their will as well as the content of the clause they wish to commit and can check the contract quickly and accurately. Moreover, this is also the most effective evidence if the parties have disputes [4, p. 166]. With the above advantages, this form is often applied to the important contracts which have high value or complex content, or long duration.

Apart from the traditional writing form (paper-based contracts), under Article 13 of the CISG 1980, telegram and telex are also considered as written forms of contracts.

Verbal form of contracts: A verbal contract (or an «oral contract») is made directly by speech or indirectly by voice message to express the thoughts and intentions of the parties. The advantages of this form are simplicity, speed and maximum cost savings for the parties, but it also has a downside which is the difficulty of proving

their true will if a dispute arises. Therefore, in practice, in order to avoid denial of the parties involved, this form is usually applied to contracts of minor value, the parties to which have relations of mutual goodwill and mutual trust.

Act form of contracts: Specific acts in this case must merely be action (not verbal or written) [see: 4]. This form is usually applied when the parties clearly understand the content of the contract and accept all conditions stipulated by the other party.

Witness form of contracts: The testimony of a witness is the confirmation of those who see entering into a contract, execution and termination of a contract. Nevertheless, it is not always easy to find witnesses and get their consent to testify about the existence of a contract for the international sale of goods.

Other forms: In addition to the above forms of contracts, the CISG 1980 also accepts other forms of contracts if these forms ensure the objective truth of the existence of the contract.

Basically, choosing an appropriate form for the contract is decided by the parties based on the principle of freedom to agreement. However, for written contracts, the provisions on amending and terminating contracts seem to be stricter. Under Article 29 of the CISG 1980, a contract may be modified or terminated by the mere agreement of the parties. A written contract which contains a clause stating that any amendment or termination of the contract must be made in writing by the parties cannot be altered or terminated by the agreement between the parties in any other forms. However, the conduct of either party may not allow them to invoke such a provision to the extent that the other party may rely on that conduct.

1.2. Under the Vietnamese Commercial Law 2005. Article 24.1 of the Vietnamese Commercial Law 2005 (VCL 2005) stipulates that contracts for sale and purchase of goods may be expressed in verbal or written form or established by specific acts. This provision also complies with Article 119 of the Civil Code 2015 on the form of civil transactions [9]. Nonetheless, the contracts for «international purchase and sale of goods shall be conducted on the basis of written contracts or other forms of equal legal validity» (Clause 2, Article 27 VCL 2005). Forms of validity equivalent to documents include telegraph, telex, facsimile, data message and other forms provided for by law (Clause 15, Article 3 VCL 2005). This is similar to the regulations of other developing countries in the world.

Thus, for the international purchase and sale of goods, while VCL 2005 only recognizes written contracts, the CISG 1980 recognizes the principle of freedom to agreement, that is to say, a contract for international sale of goods is not always in writing but can be established by speech or specific acts or in a manner that can be demonstrated in any way, including testimony of witnesses (Article 11 CISG 1980).

Article 5 of the VCL 2005 regulates the application of treaties, foreign laws and international commercial practices. Accordingly, in cases where a treaty to which Vietnam is a contracting party stipulates the application of foreign laws or international commercial practices, or contain provisions different from those of this Law, the provisions of such a treaty shall apply. Parties to commercial transactions involving foreign elements may agree to apply foreign laws or international commercial practices if such foreign laws or international commercial practices are not contrary to the fundamental principles of the Vietnamese law.

In addition, the Civil Code 2015 also provides for the principle of the application of foreign laws to civil relations involving foreign elements at Article 664.1, Article 665.2 and Article 683.7. Under Article 683.7 of the Civil Code 2015, the form of a contract shall be determined in accordance with the law applied to this type of contract. In case the form of a contract does not comply with the form of the law applied to such a contract but it complies with the form of the law of the country where the contract is entered into, or with the law of Vietnam, such a form of contract shall be recognized in Vietnam.

Due to the legal conflict over the form of the contract, the CISG 1980 chose a compromise by incorporating into the CISG 1980 the provisions which would recognize both forms of the contract. Article 11 of the CISG 1980 provides that the contract may be concluded verbally and it is not necessary to comply with any other requirements on the form of the contract. Article 96 of the CISG 1980 allowed a country to make a reservation of Article 11 of the CISG 1980, if the law of that country stipulates that the contract must be in written form.

To conform with those provisions mentioned above, Article 1 of the Decision N 2588/2015/QĐ-CTN dated on 24.11.2015 on Vietnam's accession to the CISG 1980 confirmed that Vietnam had reserved the provisions on the form of contracts in Article 11, Article 29 and Part II of the CISG 1980. (This reservation is in accordance with Article 12 and Article 96). Under Article 96 of the CISG 1980, if a Contracting State whose legislation requires contracts of sale to be concluded in or evidenced by writing may at any time make a declaration in accordance with Article 12 that any provision of Article 11, Article 29, or Part II of this Convention, that allows a contract of sale or its modification or termination by agreement or any offer, acceptance, or other indication of intention to be made in any form other than in writing, does not apply where any party has its place of business in that State. And under Article 12 CISG 1980, Any provision of Article 11, Article 29 or Part II of this Convention that allows a contract of sale or its modification or termination by agreement or any offer, acceptance or other indication of intention to be made in any form other than in writing

does not apply where any party has his place of business in a Contracting State which has made a declaration under Article 96 of this Convention. The parties may not derogate from or vary the effect of this article.

Therefore, although the CISG 1980 officially came into force in Vietnam on 01.01.2017, the provisions of the CISG on the form of contracts do not automatically apply to the contracts which have a Vietnamese enterprise as a party to them. China, which has been a member of the CISG since 1988, also declared that it «shall not be bound by Clause 1.b of Article 1 nor be bound by Article 11 and the provisions of CISG 1980 relating to Article 11» [3]. This discrepancy does not prevent Vietnam from participating in the CISG 1980 because Vietnam has the right to reserve this discrepancy [2]. Nevertheless, this is the main cause leading to problems in the settlement of contractual disputes related to the form of contracts for international sale of goods.

2. The practice of legal conflicts between Article 11 of the CISG 1980 and the Vietnamese Commercial Law 2005 about the form of the contracts for the international sale of goods

Vietnam stimulates the export of goods. Therefore, the activities of import and export are developing and, as a result, the number of contracts for international sale of goods is increasing among other kinds of contracts. However, as discussed above, the VCL 2005 and the CISG 1980 have different provisions on the form of contracts and Vietnam has reserved this article of the CISG 1980. In fact, various issues related to the resolution of the disputes on contracts arise because contracts are not in written form.

For the contracts one party to which is Vietnamese and the other is a CISG 1980 member: Wood, wood products, aquatic products and agricultural products (pepper, cashew nuts, etc.) are some of the key export items of the agricultural sector with a turnover of several billion dollars a year [8]. In the contracts for international sale of these kinds of products, three parties are named including: i) seller (Vietnamese); ii) buyer (foreigners); iii) broker; but only two parties (the seller and the broker) sign the contract (the buyer does not sign it). There are two cases:

Case 1: The seller (Vietnamese) did not deliver goods, the buyer (foreigners) sued the seller (Vietnamese) under Article 11 of the CISG 1980. In this case, the contract was not recognized by the Vietnamese party because they had reserved Article 11 of CISG 1980 and according to Article 12 of the CISG 1980 it «does not apply where any party has its place of business in a Contracting State which has made a declaration under Article 96 of this Convention. The parties may not derogate from or vary the effect of this article».

Case 2: The buyer (foreigners) does not receive goods but the seller (Vietnamese) can not sue the buyer (foreigners) under the law of Vietnam because the buyer (foreigners) does not sign the contract. While Vietnamese law (Clause 2, Article 27 of the VCL 2005) stipulates that the contracts must be made in writing, the seller (Vietnamese) can not sue the buyer under Article 11 of CISG 1980 because Vietnam has reserved this regulation.

For the contracts the parties to which are both foreigners and members of the CISG 1980 (without a Vietnamese party) and which are executed in Vietnam: in this case, the contract may be approved in judgment of a foreign court or in award of foreign arbitration but such judgment and award may not be recognized and enforced in Vietnam because this is «contrary to the basic principles of Vietnamese law» [11, p. 85]. Therefore, the fact that the judgments of foreign courts or awards of foreign arbitrations may not be recognized and enforced in Vietnam because the form does not comply with the provisions of Vietnamese law, is also one of the causes hindering the development of foreign trade.

The VCL 2005 only accepts contracts for international sale of goods in writing. The question is whether it is necessary to make such contracts in writing.

Previously, Vietnamese enterprises made written contracts only to comply with the customs procedures [7] because the dossier must have such a contract (Clause 1, Article 24 of the Law on Customs 2014). However, under Clauses 1 and 2, Article 16 of Circular N 38/2015/TT-BTC dated on March 25, 2015 stipulating Customs procedures, Customs inspection and supervision, Export tax, Import tax and Tax administration applied to Exported and Imported Goods, enterprises are not required to submit contracts on export or import goods, except for export or import goods subject to taxes refusal under Clause 4, Article 16 of this Circular. (According to representative of Vietnam Electronic Industries Association (VEIA), the original contract for international sale of goods for the two parties to negotiate is very long and thorough. However, it is very difficult for a partner to sign something. In fact, a commercial contract is not really necessary for the transaction but it is only for filling in the customs file.)

According to the representative of Panasonic Corporation, companies usually have long-term business partnership, so the contracts have been confirmed by email, not been signed. Therefore, the regulations requiring that contracts for international sale of goods must be included in the customs dossier will make it difficult for enterprises [12]. In fact, due to the customs dossiers requiring a contract for international sale of goods, on the one hand, the parties make a contract to «deal» with customs and this contract does not reflect the truth in the trading relations between the parties. On the other hand, the declaration of e-customs dossiers is also applied. As a result, the current

Law on customs of Vietnam has repealed these regulations (except for export and import goods subject to taxes refusal) is totally appropriate. In fact, basic information related to the customs declaration in the contract is available on the commercial invoice, the bill of lading submitted to the customs office (such as the name of goods, unit price, value, conditions of delivery, payment methods, etc.). At this time, it is unnecessary to enforce the contract in writing to save both the cost and the time for enterprises.

The accession to the CISG 1980 has marked a new milestone in the process of participation in multi-party convention on commerce, as well as enhanced the level of the integration of Vietnam. In addition, this accession has also contributed to the improvement of the Vietnamese legal system on international purchase and sale and helped Vietnamese enterprises establish a modern, fair and safe legal framework for the implementation of international contracts. Actually, most developed market economies like Britain, France, the United States, allow contracts for international sale of goods to be signed verbally, in writing, by act or any other form agreed upon by the parties freely [9]. However, for developing countries like Vietnam, the contract can only be made in writing. This can protect Vietnamese enterprises by engaging in foreign trade because written contracts help not only to monitor and supervise

the contract performance effectively, but also to obtain sufficient evidence when a dispute arises.

However, this is also the proof of the state monopoly in foreign commercial management and will be an obstacle for the development of foreign trade. From the above analysis, we suggest that Vietnam should not continue to reserve Article 11 of the CISG 1980 and give Vietnamese enterprises the freedom to choose the form of contract when engaged into a relationship of international purchase and sale, so that foreign enterprises have stronger legal beliefs when investing in Vietnam. In their turn, Vietnamese enterprises should take responsibility for choosing the contract form in accordance with their own conditions.

In conclusion, the unification and harmonization of the international law on commerce contracts is an indispensable development trend of international trade. Vietnam has been actively involved in this process by joining the CISG 1980. However, since Vietnam has reserved Article 11 of CISG 1980, it has definitely led to a number of constraints for Vietnamese and foreign enterprises when engaging in foreign trade. In the coming time, Vietnam should consider implementing Article 11 of the CISG 1980, so that our business entities are free to choose the form of contracts when entering into the relationship of international purchase and sale and to create the sustainable and healthy development of the international economy.

List of References

1. Báo Hải quan. Việt Nam áp dụng Công ước Viên về Hợp đồng mua bán hàng hóa quốc tế từ năm 2017 = Vietnam applied the UN Convention on contract for international sale of goods form 2017 / Báo Hải quan [Electronic resource] // WTO – FTA. – 28.11.2016. – Mode of access: <http://www.trungtamwto.vn/chuyen-de/9291-viet-nam-ap-dung-cong-uoc-vien-ve-hop-dong-mua-ban-hang-hoa-quoc-te-tu-nam-2017>. – Date of access: 06.12.2018.
2. Bá Tú. Công ước viên năm 1980: Cơ hội cần Doanh nghiệp Việt Nam hiện thực hóa = The CISG 1980: the chance for Vietnamese enterprises to actualize / Bá Tú [Electronic resource] // Vietnam International Arbitration Centre. – 04.12.2016. – Mode of access: <http://viac.vn/thu-vien/cong-uoc-vien-nam-1980-co-hoi-can-doanh-nghiep-viet-nam-hien-thuc-hoa-a641.html>. – Date of access: 12.04.2018.
3. CISG: List of Contracting States [Electronic resource] // Institute of International Commercial Law. – 04.02.2019. – Mode of access: <http://iicl.law.pace.edu/cisg/page/cisg-list-contracting-states>. – Date of access: 25.02.2019.
4. Do Van Dai. Law on contract and non – contractual damage compensation / Do Văn Đại. – Ho Chi Minh City: University of Law, 2013. – 611 p.
5. Hội thảo Diễn giải và áp dụng CISG trong thực tiễn hợp đồng mua bán hàng hóa quốc tế = Workshop on Interpretation and Application of the CISG in actual contracts for international sale of goods [Electronic resource] // Vietnam International Arbitration Centre. – 17.07.2017. – Mode of access: <http://viac.vn/tin-tuc/hoi-thao-dien-giai-va-ap-dung-cisg-trong-thuc-tien-hop-dong-mua-ban-hang-hoa-quoc-te-a945.html>. – Date of access: 15.12.2018.
6. Hội thảo về áp dụng Công ước của LHQ trong giải quyết tranh chấp thương mại quốc tế tại Tòa án = Workshop on Applying the UN Convention on Contracts for International Sale of goods in international trade disputes resolution at the Vietnamese Courts [Electronic resource] // Công lý. – 23.02.2019. – Mode of access: <http://congly.vn/hoat-dong-toa-an/nghiep-vu/hoi-thao-ve-ap-dung-cong-uoc-cua-lhq-trong-giai-quyet-tranh-chap-thuong-mai-quoc-te-tai-toa-an-287674.html>. – Date of access: 25.02.2019.
7. Hợp đồng ngoại thương trong XNK & Thủ tục hải quan = International trade contracts in export-import and custom [Electronic resource] // Vinalogs Container Transportation. – Mode of access: <https://www.container-transportation.com/hop-dong-ngoai-thuong.html>. – Date of access: 05.12.2018.
8. Nguyễn Thị Hồng Trinh. Phạm vi áp dụng của Công ước CISG cho hợp đồng mua bán hàng hóa quốc tế = The sphere of the CISG / Nguyễn Thị Hồng Trinh [Electronic resource] // Tạp chí Tòa án nhân dân điện tử. – 26.09.2018. – Mode of access: <https://tapchitoaan.vn/bai-viet/phap-luat/pham-vi-ap-dung-cua-cong-uoc-cisg-cho-hop-dong-mua-ban-hang-hoa-quoc-te>. – Date of access: 12.12.2018.
9. Nguyễn Thị Thu Hải. Hiệu lực của giao dịch dân sự không tuân thủ hình thức theo Bộ luật Dân sự 2015 = The effect of civil transactions does not comply with the form under the Civil Code 2015 / Nguyễn Thị Thu Hải [Electronic resource] // Kiemsat online. – Mode of access: <https://kiemsat.vn/hieu-luc-cua-giao-dich-dan-su-khong-tuan-thu-hinh-thuc-theo-bo-luat-dan-su-2015-47124.html>. – Date of access: 04.12.2018.
10. Nguyễn Xuân Công. Hợp đồng thương mại quốc tế: Những nội dung doanh nghiệp cần quan tâm = International trade contracts – Some problems should be concerned / Nguyễn Xuân Công [Electronic resource] // Cổng thông tin điện tử Bộ Tư pháp. – 28.09.2009 – Mode of access: <https://moj.gov.vn/qt/tintuc/Pages/nghien-cuu-trao-doi.aspx?ItemID=1251>. – Date of access: 24.09.2018.
11. Phan Thông Anh. Annulment of Arbitral Award: Dissertation in Law / Phan Thông Anh. – Ho Chi Minh City: University of Law, 2016. – 157 p.
12. Thành Đạt. Loại bỏ hợp đồng thương mại khỏi hồ sơ hải quan = Elimination of Commercial Contracts from the Customs Files / Thành Đạt [Electronic resource] // BÁO ĐIỆN TỬ CỦA CHÍNH PHỦ NƯỚC CỘNG HÒA XÃ HỘI CHỦ NGHĨA VIỆT NAM. – 24.11.2014. – Mode of access: <http://baochinhphu.vn/Chinh-sach-va-cuoc-song/Loai-bo-hop-dong-thuong-mai-khoi-ho-so-hai-quan/214126.vgp>. – Date of access: 04.12.2018.

The article was received in February 2018, finalised in March 2019.

Статья поступила в редакцию в феврале 2018 г., внесение изменений завершено в марте 2019 г.

НЕЗАБЫТАЯ ДАПАМОГА: ДЗЕЙНАСЦЬ ЮНРРА Ў БЕЛАРУСІ (1945—1947 гг.)

Уладзімір Снапкоўскі, Раман Курбека

У артыкуле разглядаюцца пытанні, звязаныя са стварэннем ЮНРРА, асноўнымі напрамкамі яе дзейнасці ў 1943—1947 гг., прыняццем дзвюх савецкіх рэспублік (Беларускай ССР і Украінскай ССР) у склад гэтай арганізацыі і аказаннем дапамогі Беларусі з боку ЮНРРА. Аналізуюцца дзейнасць місіі ЮНРРА ў БССР, узаемаадносіны паміж беларускай ўладай і супрацоўнікамі місіі, назіранне з боку місіі за размеркаваннем паставак арганізацыі. Падводзяцца вынікі дзейнасці ЮНРРА ў Беларусі ў 1945—1947 гг. і даецца ацэнка гэтай важнай і значнай міжнароднай акцыі па аказанні дапамогі беларускаму народу ў пасляваенным аднаўленні. Нягледзячы на тое, што рэспубліка атрымала адносна невялікі аб'ём дапамогі ад ЮНРРА, таго, што было зроблена гэтай арганізацыяй, аказалася дастатковым, каб перажыць першыя цяжкія гады пасляваеннай разрухі і закласці падмурак для аднаўлення эканомікі.

Ключавыя словы: Адміністрацыя дапамогі і аднаўлення Аб'яднаных Нацый; Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка; міжнародная дапамога; Саюз Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік; пасляваеннае аднаўленне.

«Unforgotten Assistance: UNRRA Activities in Belarus (1945–1947)» (Uladzimir Snapkouski, Raman Kurbeka)

The article considers the questions related to the creation of the UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Administration), its main activities in 1943–1947 as well as the admission of two Soviet Republics (Byelorussian SSR and Ukrainian SSR) to the organisation and UNRRA assistance to Belarus. Authors analyse the activities of the UNRRA Office in BSSR, relations between the Byelorussian authorities and mission actors, mission's monitoring of the UNRRA deliveries. The article summarises the results of the UNRRA activity in Belarus in 1945–1947 and evaluates this important international action to help Belarusian people in post-war reconstruction. The help from the UNRRA was sufficient enough to assist in overcoming the first harsh years of post-war devastation and to provide the basis for the economic recovery, despite the fact that the Republic received comparatively lower levels of the UNRRA assistance.

Keywords: Byelorussian Soviet Socialist Republic; international assistance; post-war reconstruction; United Nation Relief and Rehabilitation Administration; Union of Soviet Socialist Republic.

Authors:

Snapkouski Uladzimir — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: ulsnap44@inbox.ru

Kurbeka Raman — student of the major «International Relations» of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: roman-3011@mail.ru

Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

У апошнія гады сярод навуковых, дыпламатычных і грамадскіх колаў Беларусі ўзрастае цікавасць да дзейнасці ў БССР міжнароднай арганізацыі дапамогі пад назвай ЮНРРА (UNRRA: United Nation Relief and Rehabilitation Administration, у перакладзе на беларускую мову: Адміністрацыя дапамогі і аднаўлення Аб'яднаных Нацый). Гэта арганізацыя працавала на тэрыторыі рэспублікі ў 1945—1947 гг. і аказала ёй істотную дапамогу ў паслява-

енным аднаўленні эканомікі і пераходзе да мірнага ладу жыцця беларускага насельніцтва. Пасля спынення сваёй дзейнасці, што супала з пачаткам «халоднай вайны» паміж былымі саюзнікамі па антыгітлераўскай кааліцыі, ЮНРРА на доўгія дзесяцігоддзі амаль што знікла са старонак савецкіх навуковых выданняў, а ў дыпламатычных слоўніках згадвалася як інструмент умяшання імперыялістычных сіл Захаду ва ўнутраныя

Аўтары:

Снапкоўскі Уладзімір Еўдакімавіч — доктар гістарычных навук, прафесар кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, e-mail: ulsnap44@inbox.ru

Курбека Раман Генадзевіч — студэнт спецыяльнасці «Міжнародныя адносіны» факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, e-mail: roman-3011@mail.ru

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Адрас: 4, пр. Незалежнасці, Мінск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рэцэнзенты:

Селіванаў Андрэй Уладзіміравіч — кандыдат гістарычных навук, намеснік дэкана факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Гурын Аляксандр Валер'евіч — кандыдат гістарычных навук, дацент, дэкан факультэта інавацыйнай падрыхтоўкі Інстытута кіраўніцкіх кадраў Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь

справы суверэнных, народна-дэмакратычных (сацыялістычных) дзяржаў. Пасля заканчэння «халоднай вайны» прыйшоў час збіраць раскіданыя камяні, сярод якіх незаслужана аказалася ЮНРРА.

Мэтай артыкула з'яўляецца кароткі агляд стварэння і дзейнасці ЮНРРА, узаемаадносін паміж ЮНРРА і СССР, аказання гэтай міжнароднай арганізацыяй дапамогі Беларускай ССР, працы місіі ЮНРРА ў БССР. Тэкст пабудаваны на выкарыстанні дакументаў арганізацыі і матэрыялаў, дакументаў знешняй палітыкі СССР, ЗША і Вялікабрытаніі, апублікаваных і неапублікаваных крыніц з беларускіх архіваў. Пачатак навуковага вывучэння дзейнасці ЮНРРА ў Беларусі адносіцца да першай паловы 1990-х гг. і звязаны з першымі публікацыямі У. Е. Снапкоўскага [9]. Пазней у яго манаграфіі аб знешнепалітычнай дзейнасці БССР у 1944—1953 гг. дзейнасці ЮНРРА ў БССР быў прысвечаны асобны раздзел [10, с. 59—75]. У пачатку 2000-х гг. артыкулы пра ЮНРРА з'явіліся ў беларускіх энцыклапедыях [13, с. 278—279; 14, с. 694]. У падручніках па гісторыі знешняй палітыкі Беларусі гэта пытанне таксама прадстаўлена як важная частка міжнароднай дапамогі нашай рэспубліцы ў пасляваенныя гады [11, 163—167; 12, с. 336—339]. Асобныя артыкулы па тэматыцы ЮНРРА ці блізкай да яе былі апублікаваны беларускімі гісторыкамі В. А. Вялікай [2], Ю. В. Кірчук [5], І. А. Марцынкевіч [6]. Зараз назіраецца ўзрастанне навуковай і грамадскай цікавасці ў Беларусі да ЮНРРА, якая прызнаецца беларускімі ўладамі як важная міжнародная арганізацыя дапамогі, што садзейнічала эканамічнаму аднаўленню рэспублікі ў цяжкія пасляваенныя гады. Гэта адкрывае перспектывы для далейшага даследавання тэмы «Беларусь — ЮНРРА».

Стварэнне ЮНРРА і асноўныя напрамкі яе дзейнасці. Рашэнне аб стварэнні ЮНРРА было прынята на канферэнцыі ў Вашынгтоне 9 лістапада 1943 г. і замацавана «Пагадненнем аб Адміністрацыі дапамогі і аднаўлення Аб'яднаных Нацый», падпісаным прадстаўніцамі 44 дзяржаў, у тым ліку прадстаўніком СССР, паслом СССР у ЗША А. А. Грамыкам. Мэта новай міжнароднай арганізацыі заключалася ў неадкладным задавальненні пасляваенных патрэб краін, якія былі вызвалены з-пад акупацыі дзяржаў фашысцкага блока, у харчаванні, адзенні, медыкаментах, сельскагаспадарчым і прамысловым абсталяванні (арт. 1, п. 2а пагаднення) [26, р. 23—32]. У жніўні 1945 г. у члены ЮНРРА былі прыняты БССР, УССР і Данія, у сакавіку 1946 г. — Турцыя. Напрыканцы сваёй дзейнасці ў 1949 г. арганізацыя налічвала 48 дзяржаў-членаў.

На чале ЮНРРА стаяў Савет, які складаўся з прадстаўнікоў (ці іх намеснікаў) ад кожнай краіны — члена ЮНРРА. Савет збіраўся на

сесіі не радзей двух разоў на год, а ў перапынках паміж імі палітычную лінію арганізацыі праводзіў Цэнтральны камітэт ЮНРРА, у які ўваходзілі прадстаўнікі ЗША, Вялікабрытаніі, Кітая і СССР. Пазней у яго склад увайшлі таксама прадстаўнікі Аўстраліі, Бразіліі, Канады, Францыі і Югаславіі. Рашэнні Цэнтральнага камітэта падлягалі, як правіла, зацверджанню пад час сесіі Савета. Арганізацыя мела два рэгіянальныя камітэты — па справах Еўропы і па справах Далёкага Усходу, а таксама шэраг функцыянальных камітэтаў: забеспячэння, фінансавага кантролю, прамысловага аднаўлення, перамешчаных асоб, аховы здароўя, сельскагаспадарчы і грамадскага развіцця. Штаб-кватэра ЮНРРА знаходзілася ў Вашынгтоне, а Еўрапейскае рэгіянальнае бюро размяшчалася ў Лондане [13, с. 278].

Выканаўчая ўлада ў арганізацыі ў межах палітыкі, якая вызначалася Саветам і Цэнтральным камітэтам, засяроджвалася ў Генеральнага дырэктара, якога прызначаў і адклікаў Савет пры аднагалоснай рэкамендацыі Цэнтральнага камітэта. За ўсю гісторыю існавання ў ЮНРРА было тры генеральныя дырэктары (усе яны былі грамадзянамі ЗША). Гэта Герберт Леман (з 1 студзеня 1944 г. па 31 сакавіка 1946 г.), былы губернатар штата Нью-Ёрк; Фіарэла ла Гуардыя (з 1 красавіка па 31 снежня 1946 г.), былы мэр Нью-Ёрка; генерал-маёр Лоўэл Рукс (з 1 студзеня 1947 па 30 верасня 1948 г.) [16, с. 25—26].

Фонд арганізацыі складаўся з узносаў дзяржаў-членаў, тэрыторыя якіх не была акупіравана ворагам, у памеры 1 % ад нацыянальнага даходу краіны за 1943 г. На 3-й сесіі Савета (чэрвень 1945 г.) узнос быў падняты да 2 % ад нацыянальнага даходу [13, с. 278]. Астатнія дзяржавы заклікаліся Саветам ЮНРРА зрабіць уклад у падтрымку пасляваеннага аднаўлення па магчымасці. Асноўнымі атрымальнікамі дапамогі былі Кітай, Польшча, Чэхаславакія, Грэцыя, Італія, Украінская ССР, Беларуска ССР і Югаславія. Іншыя краіны, якім была патрэбна дапамога, атрымалі яе ў значна больш сціплым памеры. Усяго дзяржаў-атрымальнікаў было 16, столькі ж было і місій гэтай арганізацыі, уключаючы БССР і УССР.

Місіі — гэта асноўныя органы ЮНРРА, праз якія арганізацыя непасрэдна дапамагала дзяржавам-атрымальнікам. Місіі накіроўвалі ў дзяржавы-атрымальнікі, і колькасць іх супрацоўнікаў вар'іравалася ад паўтара дзясяткаў чалавек у БССР да некалькіх тысяч у Югаславіі, Грэцыі і некаторых іншых краінах. Як правіла, на чале місій ЗША і Вялікабрытанія намагаліся ставіць сваіх грамадзян, што рабілася як з прафесійных, так і палітычных меркаванняў. Так, грамадзяне ЗША і Вялікабрытаніі ўзначальвалі місіі ў найбольш важных для Захаду краінах — Кітаі,

Грэцыі, Італіі, а таксама ў дзвюх савецкіх рэспубліках. У краінах, якія знаходзіліся пад уплывам Савецкага Саюза, дзейнасць ЮНРРА была даволі аспярожнай, што было абумоўлена патрабаваннямі прымаючага боку. У чэрвені 1946 г. кіраўнік місіі ЮНРРА ў Кіеве амерыканец М. Макдафі звольніўся з пасады ў знак пратэсту супраць намераў Кангрэса ЗША абмежаваць дапамогу краінам-атрымальнікам і запланаванага рашэння аб спыненні дзейнасці ЮНРРА ў 1947 г. [19, р. 363—364].

ЗША як асноўны пастаўшчык дапамогі пацярпелым ад вайны краінам надавалі вялікае значэнне дзейнасці гэтай новай міжнароднай арганізацыі. Прэзідэнт ЗША Г. Трумэн у пасланні Кангрэсу 13 лістапада 1945 г. назваў Інструментацыю адным з найбуйнейшых інструментаў у справе пасляваеннага аднаўлення свету і заклікаў дзяржавы-донары павялічыць свае ўзносы ў фонд ЮНРРА для больш хуткага і эфектыўнага аднаўлення пацярпелых краін. Кароткі пасаж у яго выступленні быў прысвечаны дзвюм савецкім рэспублікам: «Абмежаваная праграма дапамогі таксама прызначана для савецкіх рэспублік — Беларусі (названа як «White Russia». — У. С., Р. К.) і Украіны. Гэтыя рэгіёны былі асноўным полем бою ў барацьбе паміж Расіяй і Германіяй, арэнай найгоршых нямецкіх зверстваў, разбурэнняў і рабавання» [23].

Аднак значнасць дзейнасці ЮНРРА пачала паступова памяншацца пасля стварэння ААН і шэрагу спецыяльных агенстваў і камітэтаў у структуры ААН, дзейнасць якіх была так ці інакш звязана з ЮНРРА ці паўтарала яе. У прыватнасці, у снежні 1946 г. была створана Міжнародная арганізацыя па справах бежанцаў (МАБ), якая дубліравала функцыі ЮНРРА па аказанні дапамогі бежанцам і перамешчаным асобам. Але вырашальную ролю ў спыненні дзейнасці ЮНРРА адыграла рознагалоссе паміж СССР і заходнімі дзяржавамі, якое прывяло да пачатку «халоднай вайны». Рашэнне аб згортванні дзейнасці арганізацыі і яе паступовай ліквідацыі было прынята на апошняй сесіі Савета 30 чэрвеня 1947 г. Роспуск ЮНРРА быў ухвалены ў 1947 г. рэзалюцыяй другой сесіі Генеральнай Асамблеі ААН. Гэта арганізацыя скасоўвалася, а яе паўнамоцтвы размяркоўваліся паміж МАБ, Сусветнай харчовай праграмай і Дзіцячым фондам ААН. Аднак ЮНРРА працягвала сваю дзейнасць да 31 сакавіка 1949 г., але ўжо выключна ў межах Кітая, пасля чаго цалкам спыніла свае існаванне.

Уступленне БССР і УССР у ЮНРРА. Беларусь моцна пацярпела ў гады Другой сусветнай вайны. Жахлівыя карціны разбурэнняў беларускіх гарадоў і вёсак рабілі цяжкае ўражанне на англійскіх і амерыканскіх карэспандэнтаў, якія наведалі Украіну і Беларусь ў маі—чэрвені 1946 г. [1, дак. № 67, с. 165—166; 20, *Foreign Office* 371/56758,

р. 135]. У справаздачы аб дзейнасці ЮНРРА за 1945 г., па словах газеты «Таймс», «самы жудасны раздзел» быў прысвечаны Беларусі і Украіне, тэрыторыя якіх зведала разбурэнні, «якіх не было да гэтага часу ніколі ў гісторыі...». Газета пісала, што больш за 2,5 млн жыхароў абедзвюх рэспублік, якія засталіся без жылля, ратуюцца, як могуць, у зямлянках, бліндажах і разбураных будынках [22, 1946, 3 *Jan.*]. Першы кіраўнік місіі ЮНРРА ў БССР Р. Скандрэт называў рэспубліку «найбольш пацярпелай часткай свету» [22, 1946, 6 *Sept.*]. У афіцыйнай гісторыі ЮНРРА гаварылася: «Нават людзі, якія былі сведкамі разбурэнняў у астатняй Еўропе, былі шакіраваны грудамі камянёў, у якіх ляжаў Мінск — сталіца Беларусі. Гэта нарадвала апакаліпсіс, які можна было параўнаць толькі з Варшавай. Іншыя буйныя гарады, такія як Віцебск і Гомель, мелі не лепшы выгляд. Віцебск, напрыклад, пераходзіў з рук у рукі 11 разоў, а ў Віцебскай вобласці загінула 300 тыс. жыхароў (трэцяя частка насельніцтва), што адпавядала ўсім стратам забітымі Злучаных Штатаў падчас вайны» [25, р. 232].

Юрыдычнай падставай для аказання дапамогі па лініі ЮНРРА для Беларусі і Украіны стала першапачатковае членства дзвюх рэспублік у Арганізацыі Аб'яднаных Нацый. 13 жніўня 1945 г. рашэннем Савета ЮНРРА яны былі прыняты ў склад гэтай арганізацыі. 20 жніўня старшыня СНК БССР П. Панамарэнка атрымаў тэлеграму з Вашынгтона, у якой паведамлялася аб гэтым рашэнні і ўраду БССР прапаноўвалася паслаць дэлегата ў якасці прадстаўніка БССР у ЮНРРА [7, ф. 462, воп. 5, спр. 1, арк. 91; 8, дак. № 84, с. 305]. Ім пазней быў прызначаны супрацоўнік рэспубліканскага Наркамата замежных спраў Л. Камінскі. СССР запытаў для патрэб аднаўлення дзвюх рэспублік суму ў 700 млн дол. США. Цэнтральны камітэт ЮНРРА скараціў яе да 250 млн дол., паколькі савецкі запыт патрабаваў павелічэння ўзносаў дзяржаў-донараў на суму больш чым 1 % ад нацыянальнага даходу [1, дак. № 34, с. 105; 17, р. 59—63]. Пазіцыі галоўных дзяржаў-донараў на конт памеру дапамогі істотна адрозніваліся. Вялікабрытанія хацела абмежавацца мінімальнай дапамогай савецкім рэспублікам, ЗША прапаноўвалі суму ў 250 млн дол., савецкія прадстаўнікі лічылі яе малой і саступаць не жадалі. 20 верасня Вялікабрытанія, ЗША і Канада ўзгаднілі свае пазіцыі і спыніліся на суме ў 250 млн дол. ЗША, аб чым прайнфарміравалі прадстаўніка СССР пры ЮНРРА В. Сяргеева [1, дак. № 39, с. 118; 20, *Foreign Office* 371/58068, a *Letter W. L. Clayton, Ph. Noel Baker, L. B. Pearson to Mr. Sergeev from Sept. 20, 1945*].

У верасні 1945 г. падкамітэт камітэта па забеспячэнню ЮНРРА падзяліў вызначаную суму на 61 млн дол. ЗША для Беларусі і 189 млн дол.

для Украіны. Таксама рэспублікам было рэкамендавана заявіць аб немагчымасці аплаты паставак, паколькі яны не мелі свабодна канвертыруемай валюты, якая знаходзілася толькі ў распараджэнні ўрада СССР [25, р. 234]. Пасля атрымання з Мінска і Кіева заявак аб патрэбах дапамогі ў кастрычніку пачалася падрыхтоўка паставак. У шэрагу выпадкаў ЗША для арганізацыі дапамогі для Украіны і Беларусі часова скарачалі ці прыпынялі пастаўкі ў менш пацярпелыя краіны. У выніку першы карабель з грузамі адышоў ад берагоў ЗША ў Адэсу ў канцы лістапада 1945 г. Грузы ў БССР пастаўляліся праз Адэсу і паўночныя парты — Ленінград і Мурманск.

Пасля некалькіх месяцаў цяжкіх і складаных перагавораў 18 снежня 1945 г. у Вашынгтоне былі падпісаны пагадненні паміж ЮНРРА, з аднаго боку, і ўрадамі БССР і УССР — з другога. Ад Беларусі пагадненне падпісаў член ЮНРРА ад БССР Л. Камінскі, з боку ЮНРРА — генеральны дырэктар Г. Леман. Дакумент прадугледжваў выкананне заяўкі БССР на пастаўку дапамогі на суму 61 млн дол. да 30 жніўня 1946 г. Ратыфікацыя пагаднення не прадугледжвалася, і яно ўступала ў сілу з моманту падпісання [1, дак. № 49, с. 138; 7, ф. 462, воп. 7, спр. 12, арк. 28].

Пагадненні не ўлічвалі выдаткаў на перавозку грузаў водным шляхам. Адміністрацыя лічыла, што гэтыя выдаткі трэба ўключыць у агульную суму 250 млн дол. Савецкі Саюз, мяркуючы, што гэтая лічба вызначае толькі непасрэдны кошт фактычных паставак, жадаў атрымаць дадатковыя асігнаванні на перавозку і дабіўся свайго: члены Цэнтральнага камітэта ЮНРРА ад Канады, Вялікабрытаніі і ЗША пагадзіліся, што трэба выкарыстаць усе 250 млн дол. для паставак. На перавозку грузаў марскім шляхам было дадаткова выдаткавана 23 млн дол [25, р. 237; 26, р. 387—388]. Падпісанню пагадненняў паміж БССР, УССР і ЮНРРА ў саюзнай і беларускай прэсе было прысвечана кароткае паведамленне ТАСС на пачатку студзеня 1946 г. [15, 1946, 3 янв.]. Першая партыя паставак прыбыла ў порт Адэсы ў сакавіку 1946 г. Але прадстаўнікі ўрада БССР правярылі стан груза і высветлілі, што прадукты харчавання маюць нізкую якасць ці зусім не прыдатныя да ўжывання. Дадзены факт быў адлюстраваны ў лісце Л. Камінскага на адрас Г. Лемана ад 7 сакавіка, дзе ён прывёў прыклады пражавелых банак з сухім малаком і гнілой фасолі [1, дак. № 60, с. 155; 7, ф. 462, воп. 7, спр. 9, арк. 186]. Наколькі вядома, у далейшым падобных выпадкаў з беларускага боку зафіксавана не было.

Праца місіі ЮНРРА. 19 красавіка 1946 г. пяцёра супрацоўнікаў місіі ЮНРРА на чале з яе кіраўніком Р. Скандрэтам прыбылі ў Мінск. 22 красавіка ён адправіў у штаб-кватэру арганізацыі тэлеграму з паведамленнем аб прыбыцці на месца і першых прыемных ура-

жаньнях ад прыёма і «шыкоўнага старажытнага памяшкання, спецыяльна абсталяванага для місіі Беларускай ўрада». Р. Скандрэт адзначаў, што ўрадавыя чыноўнікі садзейнічаюць працы, а гарадское насельніцтва ставіцца ветліва. «На вялікодную раніцу дзеці каталі яечкі на лужку каля штаб-кватэры місіі» [7, ф. 462, воп. 5, спр. 19, арк. 15]. З цягам часу склад місіі папоўніўся новымі супрацоўнікамі, дасягнуўшы вызначанай савецкім урадам колькасці ў 15 чалавек.

Місію размясцілі ў будынку, які належаў пладова-агародніннай навукова-даследчай станцыі Наркамата земляробства БССР ў Лошыцкім парку. На абсталяванне і рэнавацыю службовых памяшканняў і кватэр для супрацоўнікаў місіі ўрад выдаткаваў 300 тыс. руб. [7, ф. 462, воп. 4, спр. 1, арк. 50]. Супрацоўнікі місіі ў сваёй большасці былі грамадзянамі ЗША (14 амерыканцаў і 1 грамадзянін Новай Зеланды), як і ўсе кіраўнікі місіі. З красавіка 1946 г. па сакавік 1947 г. беларускую місію ЮНРРА ўзначальвалі Р. Скандрэт, Р. Фрэйз і Т. Уолер. У маі Р. Скандрэт здзейсніў невялікую аглядную паездку па Мінску, падчас якой застаўся задаволеным дзеяннямі ўраду ў пераадоленні пасляваннай разрухі і размеркаванні паставак у горадзе, аб чым паведаміў у штаб-кватэру ЮНРРА [1, дак. № 65, с. 162—163; 7, ф. 462, воп. 5, спр. 19, арк. 61].

Місія ЮНРРА даволі прадуктыўна супрацоўнічала з урадам БССР. Каардынацыю працы па размеркаванні дапамогі ажыццяўляла Упраўленне па пастаўках ЮНРРА пры Саўнаркоме (пазней — Савеце Міністраў) БССР. Супрацоўніцтва, паводле ацэнак кіраўніцтва ЮНРРА, было дзелавым, хаця кіраўнікі Упраўлення па пастаўках ЮНРРА з-за перагружанасці працай не мелі дастаткова часу, каб надаць справам арганізацыі належную ўвагу. Супрацоўнікі місіі спачатку былі абмежаваны ў перамяшчэннях па рэспубліцы, а паездкі за межы Мінска дазваляліся толькі з ведама ўрада. Некаторая «адліга» у гэтым пытанні адбылася напярэдадні візіту ў Беларусь генеральнага дырэктара ЮНРРА Ф. ла Гуардыі. Перад гэтым супрацоўнікі пачалі ажыццяўляць больш частыя візіты ў розныя куткі Беларусі і стаўленне да гэтых паездак з боку ўлад стала больш памяркоўным [25, р. 241, 243].

Планы размеркавання дапамогі складаліся ва Упраўленні па пастаўках ЮНРРА разам з Дзяржпланам і Міністэрствам гандлю, а потым зацвярджаліся Саветам Міністраў БССР. 55 % дапамогі адгружалася ў крамы і гаспадары для наступнай рэалізацыі, астатнія 45 % ішлі мясцовым саветам. Тавары размяркоўваліся паміж разнастайнымі сацыяльнымі ўстановамі: шпіталямі, дзіцячымі дамамі і садкамі, школамі, а прыярытэт аддаваўся найбольш неабароненым групам насельніцтва (дзецям, інвалідам, адзінокім маці, пажылым людзям)

[7, ф. 4п, воп. 61, спр. 236, арк. 6—7]. Асноўную частку тавараў размяркоўвалі сярод гарадскіх жыхароў, паколькі лічылася, што большасць вясковых жыхароў можа забяспечыць сябе ўласнымі сіламі. Місія назірала за тым, каб размеркаванне ажыццяўлялася справядліва і не было «перагінаў». Такі парадак размеркавання замежных назіральных ўхвалялі. Персанал місій кваліфікаваў яго як «адну з выдатных рыс савецкага жыцця». Р. Скандрэт перад ад'ездам на Радзіму ў размове з карэспандэнтам БелТА заявіў, што асабліва вялікае ўражанне на яго зрабіла тое, што перавага ў размеркаванні тавараў ЮНРРА аддавалася дзецям [3, 1946, 8 вер.].

Супрацоўнікі місій і прадстаўнікі Адміністрацыі, якія наведвалі БССР і УССР, былі здзіўлены эканомным расходваннем харчавання. Гэта дазволіла зберагчы некааторую яго частку да найцяжэйшага 1947 г., калі ў краіне пачаўся голад, хоць пастаўкі харчавання былі завершаныя ў 1946 г. Супрацоўнікі ЮНРРА не мелі фактычнага ўплыву на размеркаванне харчавання. Але ўсе яны з задавальненнем адзначалі, што кіраўніцтва БССР надзвычай умела і эканомна размяркоўвала дапамогу паміж усімі людзьмі, якія жывуць у нястачы, аддаючы пры гэтым перавагу найбольш неабароненым групам насельніцтва і самым разбураным раёнам [18, р. 41—42].

У дзейнасці ЮНРРА ў БССР і УССР меліся, вядома, цяжкасці і недахопы, звязаныя перш за ўсё з савецкай палітычнай сістэмай, яе стаўленнем да аказання дапамогі з боку заходніх дзяржаў і падазронасцю да іншаземцаў [9, с. 216—218; 19, р. 353, 356, 366]. Здараліся выпадкі, калі дапамога трапляла не па тым адрасе і размяркоўвалася сярод партыйных і савецкіх супрацоўнікаў. Другой праблемай можна назваць інфармацыйны вакуум, у якім дзейнічала арганізацыя. Савецкае кіраўніцтва намагалася па палітычных і ідэалагічных прычынах не афішыраваць аказанне дапамогі Беларусі і Украіне з боку ЮНРРА. У адпаведнасці з пастановай СНК БССР і ЦК КПБ(б) «Аб мерапрыемствах па рэалізацыі пагаднення з адміністрацыяй ЮНРРА» ад 8 студзеня 1946 г. уся дакументацыя па аперацыях ЮНРРА афармлялася з грыфам «Сакрэтна». Супрацоўнікам забаранялася ў перамовах і дакладах прыводзіць лічбы па пастаўках ЮНРРА і спасылання на яе дапамогу [7, ф. 4п, воп. 61, спр. 236, арк. 8]. У беларускім друку пра дзейнасць арганізацыі ў рэспубліцы публікаваліся рэдкія афіцыйныя матэрыялы [3, 1947, 19 лют.; 15, 1947, 19 февр.]. У адпаведнасці з пастановай СНК СССР паведамленні місіі ў савецкай прэсе павінны былі быць абмежаваны кароткай інфармацыяй аб фактычным становішчы спраў з пастаўкамі ЮНРРА і дзейнасці місіі [7, ф. 462, воп. 4, спр. 1, арк. 90].

Трэцяй праблемай была сувязь. Паміж Кіевам, Мінскам, Белградом, Будапештам і Тыранай, якія знаходзіліся ў полі дзейнасці ЮНРРА, на пачатковым этапе работы місій не было ніякай сувязі. У Кіеве праблема была вырашана пры дапамозе тэлеграфа. Па прычыне дрэннай сувязі адзіным спосабам сувязі са знешнім светам для місіі ў Мінску была пошта, якой ЮНРРА не давярала праз тое, што яе кантралявалі савецкія спецслужбы. Сувязь са знешнім светам у беларускай місіі ажыццяўлялася праз звычайную пошту ў сярэднім са спазненнем на 7—11 тыдняў(!), што негатыўна адбівалася на працы па аказанні дапамогі рэспубліцы. Адміністрацыя таксама не хацела прыймаць і адпраўляць матэрыялы па коду ЮНРРА з-за таго, што гэта можа паставіць пад небяспеку добрую волю ўрада. З цягам часу місія пачала выкарыстоўваць для сувязі са знешнім светам дыпламатычную пошту Велікабрытаніі і ЗША ў Маскве. Таксама місія выходзіла са становішча, адпраўляючы матэрыялы праз міжнародную авіяпошту [24, р. 275—276].

Пасля таго як БССР і УССР былі прыняты ў ЮНРРА, іх уключылі ў склад камітэта Савета ЮНРРА па Еўропе. Там іх прадстаўнікі актыўна праводзілі лінію савецкага ўрада, крытыкуючы кіраўніцтва арганізацыі, абвінавачваючы яго ў зацягванні паставак і іх недастатковай колькасці. На гэтым фоне было зрастала, што план па пастаўках да 30 чэрвеня 1946 г. выкананы не будзе. Тады было прынята рашэнне аб падаўжэнні тэрмінаў паставак да 31 снежня 1946 г., аднак і гэтага часу атрымалася недастаткова. Падобнае зацягванне было выклікана вялікімі аб'ёмамі паставак у Беларусь і экстрэмальна кароткімі тэрмінамі выканання паставак, у якія немагчыма было ўкласціся. На гэтых тэрмінах, дарэчы, настойвалі ўрады БССР і УССР. Напрыклад, у іншых краінах Еўропы ЮНРРА наогул не мела часовых межаў для паставак прадукцыі [13, с. 279].

27 жніўня 1946 г. Мінск з афіцыйным візітам наведаў генеральны дырэктар ЮНРРА Ф. ла Гуардыя, які цёпла выказаўся аб дзейнасці арганізацыі ў Украіне і Беларусі і яе супрацоўніцтве з мясцовымі органамі ўлады [4, 1946, 27 авг.]. На прэс-канферэнцыі ў Маскве ён заявіў, што ў студзені—лютым 1947 г. план паставак дапамогі будзе цалкам выкананы, і пацвердзіў свае станоўчае ўражанне пра паездку па БССР і УССР. У гэты ж самы дзень кіраўнік ЮНРРА был прыняты старшынёй Савета Міністраў СССР І. Сталінам [1, дак. № 71, 72, с. 176—177; 4, 1946, 30 авг.]. У гэты ж час выконваючы абавязкі кіраўніка місіі ЮНРРА Р. Фрэйз здзейсніў аглядавую паездку па Беларусі з мэтай маніторынгу сітуацыі па пытаннях аднаўлення і размеркавання дапамогі. Па яе выніках 6 кастрычніка 1946 г. у Лондан і Вашынгтон была накіравана тэлеграма, дзе з задавальненнем адзначалася, што праграма выконваецца поўным ходам, аднак

аб'ёмы паставак недастатковыя. Прыводзячы словы падзякі, з якой звычайныя людзі і кіраўнікі раённых, гарадскіх і абласных устаноў сустракалі дапамогу, Р. Фрэйз падкрэсліваў і іх вялікую заклапочанасць тым, што праграма хутка будзе скончана, а сама ЮНРРА закрыта [7, ф. 462, воп. 5, спр. 24, арк. 68—71; 1, дак. № 78, с. 182—185].

Вынікі дзейнасці ЮНРРА на Беларусі.

Праграма паставак выконвалася з канца 1945 г. па 31 сакавіка 1947 г., хоць некаторыя тавары працягвалі паступаць пасля яе заканчэння. Прывядзем некаторыя лічбы ў параўнанні з іншымі дзяржавамі-атрымальнікамі. Памер прадстаўленай рэспубліцы дапамогі складаў 2,6 % ад агульнаеўрапейскага ўзроўню ў грашовым вымярэнні і 0,9 % — у вагавым (у тонах). Доля УССР у пастаўках ЮНРРА для Еўропы складала 7,9 % ад кошту і 1,5 % танажу. У БССР была пастаўлена тавараў на 60 820 000 дол. і 141 853 т, а ва УССР — на 188 199 300 дол. і 467 049 т адпаведна. У цэлым рэспубліка атрымала адносна невялікі аб'ём дапамогі ЮНРРА, аднак яна знаходзілася ў групе А, што значыла яе прыярытэтнае становішча сярод іншых дзяржаў-атрымальніц. Беларусь атрымала тавараў з разліку ў 5,8 дол. на аднаго жыхара, што была некалькі больш за аналагічны паказчык для Украіны, але істотна менш узроўня Грэцыі (46,5 дол. на чалавека). Аб'ём дапамогі арганізацыі, аказанай Беларусі і Украіне, быў найменшым сярод усіх еўрапейскіх краін, за выключэннем Албаніі [9, с. 217—219; 21, р. 38, 42, 62, 64].

Асноўнымі катэгорыямі паставак былі (у акругленых лічбах): харчовыя тавары — 29,6 млн дол., абсталяванне і тавары для прамысловага аднаўлення — 17,8 млн, адзенне, тэкстыль і абутак — 7 млн, тавары для аднаўлення сельскай гаспадаркі — 5,4 млн, медыцынскае абсталяванне і медыкаменты — каля 1 млн дол. Ліст намесніка кіраўніка місіі ЮНРРА ў БССР Т. Уолера начальніку Упраўлення па пастаўках ЮНРРА пры Савеце Міністраў БССР І. Былінскаму ад 20 студзеня 1947 г. паведамляў аб стане аператыўнай праграмы дапамогі Беларусі на пачатак 1947 г., якая на той час ужо была выканана на суму ў 61 млн дол. Па просьбе беларускага ўрада 100 тыс. дол. былі пераведзены з бюджэта вопраткі ў бюджэт харчавання [7, ф. 462, воп. 5, спр. 28, арк. 188; 1, дак. № 86, с. 194]. 72 % дапамогі было пастаўлена з ЗША, што давала нагоду мясцовым жыхарам называць гэтую дапамогу «амерыканскай» і ўзмацняла сімпатыі да гэтай краіны. Р. Скандрэт з гэтай нагоды адзначаў: «Афіцыйным асобам ЮНРРА цяжка растлумачыць беларусам, што ЮНРРА з'яўляецца не амерыканскай, а міжнароднай арганізацыяй» [19, р. 351; 22, 1946, 6 Sept.].

У структуры паставак дамінавала харчаванне, якое складала больш за 50 % у якасным вымярэнні і 71 % ад агульнага танажу. Без

гэтых паставак насельніцтва Беларусі «моцна пакутавала б ад недадання», як заяўляў у Нью-Ёрку ў маі 1946 г. кіраўнік місіі ЮНРРА ў Беларусі Р. Скандрэт. За выключэннем хлеба, збожжавых і бульбы, харчаванне, атрыманае па лініі ЮНРРА, складала больш за 90 % усіх харчовых тавараў у крамах рэспублікі [7, ф. 462, воп. 5, спр. 19, арк. 61; 1, дак. № 65, с. 162—163]. Значная частка харчавання размяркоўвалася бясплатна. Тры чвэрці аб'ёму харчовага забеспячэння шпіталюў, дзіцячых дамоў і школ у Брэсце і Баранавічах ішло па праграме ЮНРРА. Прыярытэт сярод харчовых тавараў аддаваўся мясу, малочным прадуктам, глушчу, алею. Гэта была абумоўлена амаль поўнай адсутнасцю ўказаных прадуктаў на ўнутраным рынку. У Беларусь пастаўлялася таксама збожжа, бабовыя, рыба і морапрадукты. Траціна ўсяго харчавання, накіраванага ў рэспубліку, паступала са складоў арміі ЗША ў Еўропе [18, р. 7—8; 26, р. 438].

Істотнымі для БССР з'яўляліся і пастаўкі прамысловай прадукцыі, станкоў і абсталявання. У той час, калі вуліцы ад завалаў вызваліліся пры дапамозе рыдлёвак і тачак з прымяненнем ручной працы, дзякуючы пастаўкам ЮНРРА ў БССР з'явіліся першыя спецыяльныя машыны. У сувязі з разбурэннем гарадскіх электрасетак, газа- і водазабеспячэння, жылога фонду, заводаў і мануфактур місія ЮНРРА зрабіла ўпор на пастаўку абсталявання для гарадской інфраструктуры і камунікацый, стымуляванне тарфяной і будаўнічай галін, вытворчасць канструкцыйных матэрыялаў. Не менш вострую патрэбу адчувала Беларусь у трактарах, аб чым місія паведаміла ў Вашынгтон. ЮНРРА прыклала шмат намаганняў, каб паставіць да пасяўной кампаніі ў 1947 г. 783 трактары (653 колавых і 130 гусенічных). Украіна, для параўнання, атрымала за гэты ж перыяд 1477 трактароў. Наша рэспубліка таксама атрымала два спецыяльныя высокатэхналагічныя комплексы па апрацоўцы збожжа [18, р. 45, 47; 24, р. 471—472, 485; 25, р. 251—252].

Адзенне і абутак (у асноўным з ЗША і Канады) размяркоўвалі ў дзіцячыя дамы і дабрачынныя установы ці праз мясцовыя саветы ўдовам, інвалідам вайны, працоўным прамысловых прадпрыемстваў. Тэкстыль размяркоўваўся ў кааператыўных майстэрнях і выстаўляўся на продаж у межах вызначаных нормаў.

Важную частку дапамогі складалі пастаўкі медыкаментаў і медыцынскага абсталявання, аднак у цэлым яны былі нязначнымі ў параўнанні з пастаўкамі іншых тавараў. Гэта тлумачылася тым, што сістэма аховы здароўя ў БССР, па ацэнках ЮНРРА, была на прымальным узроўні нават ва ўмовах пасляваеннага разбурэння. Некаторыя заводы, якія пастаўляліся на Беларусь, дапамаглі рэспубліцы не толькі справіцца з цяжкасцямі

пасляваеннага аднаўлення, але і ў далейшым эканамічным развіцці. Напрыклад, прывезены з Канады ў Мінск пеніцылінавы завод пазней зрабіўся вядомым на ўвесь Савецкі Саюз прадпрыемствам па вырабу лекаў [18, р. 42, 44—45; 25, р. 256].

У лютым 1947 г. план па пастаўках у БССР быў амаль выкананы, да сакавіка дапамога была ў асноўным размеркавана і місія ЮНРРА, заявіўшы аб выкананні ўсіх пастаўленых задач, пакінула БССР. У сувязі з гэтым прадстаўнік Савета Міністраў БССР у Еўрапейскім камітэце ЮНРРА У. Смолья 2 чэрвеня 1947 г. накіраваў ліст на адрас першага сакратара ЦК КП(б)Б М. Гусарава, у якім адзначаў, што план паставак выкананы на 98 % і гэта аказала станоўчае ўздзеянне на ўсю рэспубліку і жыццё простых людзей [1, дак. № 98, с. 209—211; 7, ф. 4, воп. 29, спр. 591, арк. 445—447].

Варта адзначыць, што дзейнасць ЮНРРА захавала жыццё шматлікіх людзей, выратавала іх ад голаду і галечы, несучы такім чынам «прамень жыватворнага святла ў чорную пасляваенную разруху», у якой апынуліся дзесяткі краін пасля заканчэння вайны. У цэлым стасункі савецкіх рэспублік з ЮНРРА можна ахарактарызаваць як «стрыманае ўзаемадзеянне». Гэтыя кантакты не адрозніваліся вялікай інтэнсіўнасцю з-за насяржанаасці ўрада СССР у адносінах да гэтай арганізацыі, але ўсё ж дапамога, аказаная беларускаму і ўкраінскаму народам, была істотнай. У 1946—1947 гг. афіцыйныя прадстаўнікі СССР, БССР і УССР неаднаразова выказвалі падзяку ЮНРРА за дапамогу,

якую атрымалі Беларусь і Украіна [7, ф. 907, воп. 1, спр. 7, арк. 394—395; спр. 8, арк. 5—7; 8, с. 73—74]. Але пазней, у гады «халоднай вайны», савецкія ўлады замоўчвалі юнрраўскую дапамогу.

ЮНРРА задавальняла толькі мінімальныя патрэбы рэспублікі. Кіраўнікі місіі ЮНРРА ў размовах з прадстаўнікамі друку БССР, ЗША, Вялікабрытаніі і Швейцарыі неаднаразова ўказвалі, што разбурэнні, прынесеныя рэспубліцы, настолькі вялікія, што пастаўкі ЮНРРА могуць кампенсаваць толькі нязначную частку гэтых стратаў і сведчаць больш аб сяброўстве дэмакратычных краін, чым аб сапраўднай міжнароднай дапамозе [15, 1947, 19 февр.; 22, 1946, 3 *Jan.*]. Аднак і таго, што было зроблена гэтай арганізацыяй, аказалася дастаткова, каб перажыць першыя цяжкія гады пасляваеннай разрухі і закласці падмурак для аднаўлення эканомікі. Кіраўнік місіі ЮНРРА ў БССР Т. Уолер заявіў на сваёй заключнай прэс-канферэнцыі ў Маскве 2 чэрвеня 1947 г.: «Простыя людзі вельмі добра ведаюць аб дапамозе, якую аказвалі Злучаныя Штаты, Канада і іншыя краіны, па-сапраўднаму шануюць і выказваюць падзяку за гэта» [1, дак. № 99, с. 212; 7, ф. 4, воп. 29, спр. 591, арк. 304—312].

У незалежнай Беларусі дзейнасць ЮНРРА разглядаюць як важную і незабыўную старонку гуманітарнай салідарнасці з боку міжнароднай супольнасці, аб'яднанай у антыгітлераўскую кааліцыю, і шануюць памяць супрацоўнікаў місіі Адміністрацыі, якія самаахвярна дапамагалі рэспубліцы ў пераадоленні цяжкасцяў пасляваеннага аднаўлення.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 4 (4 ліпеня 1944 г. — 25 жніўня 1991 г.) / склад. У. Е. Снапкоўскі [і інш.]. — Мінск: Юніпак, 2015. — 448 с.
2. Вялікая, В. А. Ажыццяўленне харчовай праграмы ЮНРРА ў Беларусі (1945—1947 гг.) / В. А. Вялікая // *Весці БДПУ. Сер. 2. Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, культуралогія.* — 2007. — № 3. — С. 35—37.
3. Звезда.
4. Известия.
5. Кірчук, Ю. В. Дзейнасць Місіі ААН — ЮНРРА ў гады пасляваеннага аднаўлення гаспадаркі Беларусі / Ю. В. Кірчук // *Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.].* — Мінск, 2012. — Вып. 7. — С. 78—85.
6. Марцынкевіч, І. А. Месца ЮНРРА ў справе сацыяльнага запеспячэння інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны / І. А. Марцынкевіч // *Достижения фундаментальной, клинической медицины и фармации: материалы 71-й науч. сессии сотрудников ун-та (27—28 янв. 2016 г.).* — Витебск: ВГМУ, 2016. — С. 393—395 [Электронны рэсурс] // *Электронны архіў бібліятэкі Віцебскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта.* — Рэжым доступу: <<https://elib.vsmu.by/handle/123/2468>>. — Дата доступу: 12.09.2018.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.
8. Освобожденная Беларусь: документы и материалы. В 2 кн. Кн. 2. Январь—декабрь 1945 / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск: НАРБ, 2005. — 506 с.
9. Снапкоўскі, У. Е. Аб дапамозе ЮНРРА Беларусі (1945—1947 гг.) / У. Е. Снапкоўскі // *Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): Усебел. канф. гісторыкаў.* У 2 ч. Ч. 1: *Гісторыя Беларусі.* — Мінск: Універсітэцкае, 1994. — С. 214—219.
10. Снапкоўскі, У. Е. Знешнеплітчыная дзейнасць Беларусі: 1944—1953 гг. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: Беларус. навука, 1997. — 207 с.
11. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вучэб. дапам. У 2 ч. Ч. 2. Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. — Мінск: БДУ, 2004. — 303 с.
12. Снапковский, В. Е. История внешней политики Беларуси / В. Е. Снапковский. — Минск: БГУ, 2013. — 495 с.
13. Снапкоўскі, У. Е. ЮНРРА (Адміністрацыя Аб'яднаных Нацый па справах дапамогі і аднаўлення, 1943—1947 гг.) / У. Снапкоўскі // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.* У 6 т. Т. 6. Кн. 2: Усвея — Яшын; Дадатак. — Мінск: Беларус. энцыкл., 2003. — 616 с.
14. Снапковский, В. ЮНРРА / В. Снапковский // *Республика Беларусь. Энциклопедия.* Т. 7. — Минск: БелЭн, 2008. — 744 с.
15. Советская Белоруссия.

16. Соколов, В. В. ЮНППА и Советский Союз. 1943—1948 годы (по новым архивным материалам) / В. В. Соколов // Новая и новейшая история. — 2011. — № 6. — С. 24—33.
17. Documents on British Policy Overseas. Ser. I. Vol. III. Britain and America: Negotiations of the United States loan. 3 August — 7 December 1945 / ed. by R. Bullen and M. E. Pelly. — London: Her Majesty's Stationary Office, 1986. — 453 p.
18. Ford, R. UNRRA in Europe 1945—1947: Operational Analysis Papers. N 49 / R. Ford. — London: UNRRA, European Regional Office. Division of Operational Analysis, 1947. — 160 p.
19. Harder, A. The Politics of Impartiality: The United Nations Relief and Rehabilitation Administration in the Soviet Union, 1946—1947 / A. Harder // Journal of Contemporary History. — 2012. — Vol 47, N 2. — P. 347—369.
20. The National Archives of the Great Britain.
21. Redmer, M. Economic rehabilitation in Byelorussia: Operational Analysis Papers. N 48 / M. Redmer. — London: UNRRA, European Regional Office. Division of Operational Analysis, 1947. — 56 p.
22. The Times.
23. Truman, H. S. Special Message to the Congress on U. S. Participation in the United Nations Relief and Rehabilitation Administration, November 13, 1945 / H. S. Truman [Electronic resource] // The American Presidency Project. — Mode of access: <<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=12295>>. — Date of access: 08.08.2018.
24. UNRRA. The History of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration. Vol. I / Compiled by G. Woodbridge. — New York: Columbia University Press, 1950. — 564 p.
25. UNRRA. The History of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration. Vol. II / Compiled by G. Woodbridge. — New York: Columbia University Press, 1950. — 520 p.
26. UNRRA. The History of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration. Vol. III / Compiled by G. Woodbridge. — New York: Columbia University Press, 1950. — 540 p.

Артыкул паступіў у рэдакцыю ў жніўні 2018 г.

КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ (1992—2018 гг.)

Сунь Инцзе

Статья посвящена исследованию развития взаимодействия Китайской Народной Республики с Республикой Беларусь в области культуры в 1992—2018 гг. Автором выделены периоды развития сотрудничества. Рассмотрены развитие правовой базы, основные тенденции китайско-белорусского сотрудничества в сфере культуры. Выявлены отдельные факторы, влиявшие на данный процесс. В статье показано, что визиты на высшем и высоком уровне играли определяющую роль в создании договорно-правовой базы, отражая степень развития контактов в области культуры. Деятельность соответствующих государственных органов обеих стран по активизации культурных связей обусловила значительное увеличение количества проводимых культурных мероприятий.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; культура; культурно-гуманитарные связи; Республика Беларусь.

«Interaction between China and Belarus in the Field of Culture (1992—2018)» (Sun Yingjie)

This article is devoted to the study of the development of interaction between China and Belarus in the field of culture from 1992 to 2018. The author highlighted the periods of the cooperation development. Legal base and main trends of China—Belarus cooperation in the sphere of culture are considered. Certain factors that influenced this process were identified. The article shows that High-level meeting played a decisive role in creating of the legal framework that reflects the extent of contact development in the field of culture. The number of cultural activities carried out by national institutions in the cultural fields of both countries has increased significantly in order to strengthen cultural ties. The activities of the relevant state bodies of both countries to intensify cultural relations led to a significant increase in the number of events in this field.

Keywords: Belarus; China; cultural and humanitarian ties; culture.

Author:

Sun Yingjie — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: 2325763320@qq.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

20 января 1992 г. Китай и Беларусь официально установили дипломатические отношения. С этого времени отношения обеих стран постоянно развивались. С начала XXI в. взаимодействие в сферах политики, экономики, культурно-гуманитарной области постепенно поднялось до уровня доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества. Многогранное и всестороннее взаимодействие между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь явно отражается в области культуры.

Цель данной статьи — определить особенности китайско-белорусского взаимодействия в сфере культуры в 1992—2018 гг. Актуальность темы объясняется тем, что в настоящее время укрепляется

двустороннее взаимодействие в рамках инициативы КНР «Один пояс, один путь». Как известно, углубление сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере является одной из пяти основных задач в реализации китайской инициативы, чем и определяются новые тенденции культурно-гуманитарного взаимодействия с другими странами, включая Беларусь — одного из ведущих партнеров КНР на постсоветском пространстве.

Рассматриваемая проблематика частично освещалась в работах китайских и белорусских ученых. В последнее десятилетие они начали постепенно фокусировать свое внимание на культурно-гуманитарных исследованиях связей КНР и Беларуси, изучая данную тему в основном в контексте развития двусторонних отношений.

Автор:

Сунь Инцзе — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: 2325763320@qq.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Лазоркина Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рубо Олеся Петровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Международного университета «МИТСО»

В КНР до сих пор отсутствуют прикладные научные работы о сотрудничестве Китая с Беларусью в области культуры. В апреле 2018 г. исследователь Ма Ли опубликовала тематическую рецензию на книгу, кратко затронув вопрос изучения взаимодействия между Китаем и Беларусью в сфере культуры [30]. Другими китайскими исследователями, затрагивавшими данную тематику в своих статьях, являются Ся Лэй [41], У Хунбинь [46], Цуй Цимин [48].

В Беларуси лишь несколько ученых уделили определенное внимание сотрудничеству между КНР и Республикой Беларусь в культурно-гуманитарной области, рассматривая его в основном в общем контексте развития отношений или же в контексте развития сотрудничества Беларуси с зарубежьем в сфере культуры (В. С. Дубовик [27], В. М. Мацель [31], В. Е. Снапковский, О. И. Лазоркина [36], А. А. Тозик [43–45]). Отдельно развитие сотрудничества в сфере искусства было затронуто в статьях Т. Н. Бабич [1], Е. В. Шамарова [54].

Избранная тема, таким образом, нуждается в более полном и систематизированном раскрытии. В основу данной статьи положен метод описательного анализа.

Начальный период взаимодействия (1992—2006 гг.)

Несмотря на географическую отдаленность, Китай и Беларусь изначально развивали взаимодействие в культурно-гуманитарной сфере. Соответствующая договорно-правовая база начала формироваться постепенно. 25 ноября 1992 г. в Пекине было подписано межправительственное соглашение, предусматривавшее обмен и сотрудничество между соответствующими учреждениями обеих стран в области культуры. Стороны договорились осуществлять его в различных форматах, таких как проведение культурных и художественных выставок, взаимных дней культуры, обмен и сотрудничество между музеями и библиотеками [53, с. 99].

В это время визиты на высшем и высоком уровне стали играть определяющую роль в создании договорно-правовой базы, отражая степень развития контактов в области культуры. В 2001 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь посетил Беларусь с официальным визитом. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко посещал КНР в 1995, 1997, 2001, 2005 гг. В Совместной декларации от 5 декабря 2005 г. было заявлено о том, что отношения вышли на новый этап «всестороннего развития и стратегического сотрудничества». Стороны отдельно заявили о готовности стремиться к сотрудничеству в области культуры [37].

По мере реализации достигнутых соглашений взаимные визиты делегаций министерств культуры обеих стран становились более ча-

стыми. Так, в декабре 1995 г. Беларусь посетила делегация Министерства культуры КНР во главе с заместителем министра культуры Чен Чанбэнем. В июне 1996 г. делегация Министерства культуры Республики Беларусь, возглавляемая его руководителем А. В. Сосновским, нанесла ответный визит в КНР. В 1997 г. группы работников музеев и библиотек КНР и Беларуси впервые изучали опыт работы в стране-партнере. В сентябре 1998 г. в Минске с официальным визитом побывала делегация Министерства культуры КНР во главе с заместителем начальника управления международных связей Юань Сюэ, был подписан протокол о сотрудничестве между министерствами культуры на 1998—2000 гг., успешно реализуемый обеими сторонами. В апреле 2001 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Белорусским обществом дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Китайским народным обществом дружбы с границей. В мае 2002 г. состоялся визит в КНР директора Национального художественного музея Республики Беларусь В. Прокопцова и был заключен договор о сотрудничестве между Национальным художественным музеем и Всекитайским союзом художников. По мнению В. Мацеля, белорусские органы государственного управления, в первую очередь Министерство культуры, стали активнее работать с заинтересованными в сотрудничестве министерствами и ведомствами КНР [31, с. 138]. В 2004 г. состоялся первый визит директора Национальной библиотеки Беларуси Р. Мотульского в Китай, где он встретился с руководством Национальной библиотеки КНР и подписал протокол о сотрудничестве в целях активизации связей между библиотеками [9].

Деятельность соответствующих государственных органов обоих государств по активизации культурных связей обусловила значительное увеличение количества проводимых культурных мероприятий. В обеих странах стали проходить выставки, гастроли белорусских и китайских художественных коллективов. Например, Государственный ансамбль танца Республики Беларусь гастролитировал в КНР в 1996, 1997, 1998, 2000 гг. Во время празднования 50-летия образования КНР в октябре 1999 г. в Беларуси состоялись гастроли труппы Пекинской оперы (в Минске и Бресте), выставка китайских вееров и вышивки была проведена в Национальном музее истории и культуры Беларуси. В июле 2006 г. китайские исполнители впервые приняли участие в международном фестивале искусств «Славянский базар» в Витебске [16], а в декабре 2006 г. белорусские и китайские молодые артисты совместно выступили на рождественском концерте в Минске [22].

Проведение дней культуры на взаимной основе с 1999 г., безусловно, стало одной из главных форм взаимодействия. В июне 1999 г.

в КНР впервые прошли Дни культуры Республики Беларусь, были организованы выставки работ белорусских художников-графиков из фондов Национального художественного музея. Позднее, в 2001, 2003, 2005 гг., в КНР состоялись очередные Дни культуры Беларуси. Ответные мероприятия прошли в Минске в 2000, 2002, 2004 гг. Стороны выступили за наращивание региональных и неправительственных контактов, углубление понимания и дружбы двух народов посредством публичных выступлений деятелей искусства, выставок. В 2005 г. Дни культуры в КНР прошли одновременно с визитом Президента Республики Беларусь [54, с. 36]. В 2006 г. Дни культуры состоялись в Минске и Витебске. Министр культуры Беларуси В. Матвейчук отметил, что белорусско-китайское культурное сотрудничество имеет большое значение для развития отношений между двумя странами, а проведение мероприятий, посвященных Дню культуры, является хорошей формой укрепления взаимопонимания между двумя народами [7; 21].

Таким образом, 1992—2006 гг. можно рассматривать как первый период взаимодействия. В это время сотрудничество по большинству направлений находилось на начальном уровне. Главной движущей силой взаимодействия стали визиты на высшем и высоком уровнях, способствовавшие становлению договорно-правовой базы взаимодействия в культурной сфере. Анализ соответствующих событий данного периода свидетельствует о положительных тенденциях развития сотрудничества двух стран.

Период активизации (2007—2012 гг.)

В январе 2007 г. в своем выступлении в политбюро ЦК КПК, посвященном вопросам государственного управления сетью Интернет, председатель КНР Ху Цзиньтао впервые упомянул о «мягкой силе». В докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК тема «мягкой силы» была официально включена в раздел, посвященный развитию культуры. Председатель КНР подчеркнул необходимость «укреплять строительство национальной культурной «мягкой силы» внешнего национального влияния» [47]. Культурная дипломатия является важной частью современной внешней политики Китая. КНР активно развивает стратегию «мягкой силы». В этой связи правительство Китая предпринимает ряд мер, в том числе создание институтов Конфуция по всему миру. В ноябре 2007 г. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао посетил Беларусь. Была отдельно отмечена необходимость укрепления сотрудничества в сфере культуры: в ходе данного визита было подписано Соглашение о сотрудничестве между министерствами культуры на 2007—2011 гг. [38]. Был инициирован переход к более активной фазе развития сотрудничества в

области культуры, что соответствовало официальным задачам, поставленным руководством КНР.

Проведение дней культуры оставалось важным компонентом китайско-белорусского сотрудничества. С 2007 до 2012 г. стороны успешно провели пять подобных мероприятий. В июле 2008 г. министр культуры Беларуси В. Матвейчук посетил КНР во время проведения Дней культуры Беларуси и отметил рост интереса к белорусскому искусству в Китае [10; 49]. В 2009 г. масштабные тематические дни китайской культуры были проведены в Беларуси накануне 60-й годовщины образования КНР [26]. В 2010 г. Министерство культуры Беларуси направило в КНР творческие коллективы всех областей и Минска для участия во Всемирной выставке в Шанхае, а также проведения Дней культуры. Осенью 2011 г. в Беларуси прошли очередные Дни культуры Китая [59]. В Пекине в ноябре 2012 г. были проведены Дни культуры Беларуси, приуроченные к 20-летию установления отношений. Одновременно был подписан очередной Протокол о сотрудничестве в сфере культуры на 2012—2016 гг. [25]. Проведение Недели белорусского кино явилось важным культурным мероприятием, проходящим в рамках Дней культуры Республики Беларусь. 28 ноября 2012 г. в Пекине состоялась торжественная церемония открытия Недели белорусского кино [12].

Китай и Беларусь стали чаще посещать творческие коллективы обеих стран. В феврале 2007 г. в Минске в Доме дружбы состоялся вечер китайской музыки и поэзии с участием артистов Тяньцзиньской консерватории [23]. Ряд китайских и белорусских скульпторов и художников приняли участие в выставках: «Современный дизайн Китая» в Белорусской государственной академии искусств (2007 г.), совместной выставке «Формула движения» в Национальном художественном музее Беларуси (2007 г.) [29]. Накануне Олимпиады 2008 г. заслуженный хореографический ансамбль Беларуси «Хорошки» получил приглашение выступить в КНР [10]. 10 сентября 2009 г. открылась выставка современной китайской живописи тушью в Национальном историческом музее Беларуси [34]. 26 ноября 2012 г. состоялась выставка белорусских народных костюмов и современной живописи в Пекинской библиотеке [14].

В целом в 2007—2012 гг. сотрудничество КНР и Республики Беларусь в сфере культуры стало более насыщенным: была дополнена договорно-правовая база сотрудничества, более частым стало проведение художественных выставок, получили реализацию новые формы взаимодействия: проведение недель кино, совместные выставочные проекты. Это свидетельствовало как о большем внимании, уделявшемся китайской стороной сотрудниче-

ству в сфере культуры, так и о желании белорусской стороны углублять взаимодействие с КНР в различных сферах.

Период текущего развития (2013—2018 гг.)

16 июля 2013 г. по итогам седьмого визита А. Лукашенко в КНР была подписана Совместная декларация об установлении всестороннего стратегического партнерства. В статье 7 документа отдельно подчеркивалось намерение прикладывать большие усилия для развития сотрудничества в культурной сфере [51], что вскоре подтвердилось на практике. С 2014 г. началась институционализация сотрудничества — был создан двусторонний межправительственный комитет по сотрудничеству. В его рамках заработала Комиссия по сотрудничеству в области культуры [39].

В сентябре и октябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул концепции экономического сотрудничества в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» [35]. Началось активное продвижение китайской стороной нового проекта. В мае 2015 г. Председатель КНР Си Цзиньпин посетил Беларусь. В подписанном во время визита Договоре о дружбе и сотрудничестве были отдельно оговорены необходимые меры развития сотрудничества в области культуры (ст. 11) [52]. В сентябре 2016 г. Президент Беларуси А. Лукашенко находился с ответным визитом в КНР, где была подписана Совместная декларация об установлении отношений доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества [50]. Таким образом, было заявлено о выведении двусторонних отношений на новый уровень. В июне 2018 г. на очередной встрече Председателя КНР Си Цзиньпина с А. Лукашенко было отмечено, что Китай рассматривает Беларусь в качестве важного партнера в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Беларусь же, по словам А. Лукашенко, всячески готова укреплять обмена и сотрудничество с Китаем, в том числе и в культурно-гуманитарной области [42].

Культурные связи ощутимо активизировались, чему способствовала их институционализация. 13 октября 2015 г. прошло первое заседание Комиссии по культурному сотрудничеству в Национальной библиотеке Беларуси [28]. 27 мая 2017 г. второе заседание комиссии прошло в Пекине. На нем министр культуры КНР Ло Шуган и министр культуры Беларуси Б. Светлов отметили, что установление всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества заложило прочную основу обменов и прямых контактов между организациями в сфере культуры на всех уровнях [15].

В декабре 2016 г. в Минске был открыт Китайский культурный центр. Позднее, в мае 2017 г., открытие Культурного центра Беларуси состоялось в Пекине [3]. Такие центры стали не только новой площадкой для тематических выставок: здесь стали проходить научные семинары и презентации. В сентябре 2017 г. министерствами культуры обеих стран был принят очередной план сотрудничества (на период до 2020 г.) [40].

Дни культуры на взаимной основе по-прежнему оставались важным инструментом взаимодействия, способствуя знакомству масс с культурой страны-партнера. В 2015—2018 гг. стороны успешно провели три подобных мероприятия. Так, в рамках Дней культуры в мае 2015 г. в КНР состоялась выставка работ белорусской художницы М. Эльшевич в китайском стиле гохуа [2]. В октябре 2015 г. группа Пекинского художественного театра впервые выступила в Минске, в Национальном художественном музее прошла выставка «Шелковое искусство». В мае 2017 г. в Пекине в Художественном музее университета Цинхуа состоялась выставка белорусской графики [40].

Помимо дней культуры развитие связей в рассматриваемой сфере наблюдалось по ряду различных направлений: проведение дней кино, выставок, гастролей сценических коллективов. Так, в декабре 2013 г. в Китае были организованы гастроли симфонического оркестра Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь. В феврале—марте 2014 г. в Пекине состоялись гастроли Национального академического театра имени Янки Купалы. С 4 марта по 15 мая 2015 г. в Китае прошли гастроли Государственного ансамбля танца Беларуси с концертной программой, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне [24]. С 14 по 24 октября 2015 г. прошла выставка китайского костюма «Великолепный шелк» в Национальном художественном музее Республики Беларусь [18]. В июне 2016 г. выставка белорусских художников имела большой успех в Чунцине [13]. В мае 2017 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Китайским национальным Большим театром и Национальным академическим Большим театром оперы и балета Республики Беларусь [4]. 9 октября 2018 г. открылся фестиваль «Дни китайского кино» в столичном кинотеатре «Центральный» в Минске [11]. По сравнению с предыдущим периодом взаимодействие стало более активным.

Контакты в области музейного и библиотечного дела также расширились. В 2013 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Национальным художественным музеем Республики Беларусь и Музеем современной европейской живописи Тяньцзиня [32]. В июле 2013 г. в Пекине было подписано Соглашение о сотрудничестве между Столичной библиотекой Пекина и Национальной библио-

текой Беларуси, был активизирован обмен библиотечными материалами [57]. 29 мая 2017 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между Национальным историческим музеем Республики Беларусь и Национальным историческим музеем КНР [33]. В октябре 2017 г. в Национальном художественном музее КНР экспонировались выставка «Шедевры Национального художественного музея Республики Беларусь» [55]. В марте 2018 г. в художественном музее Гуаньюаня (провинция Сычуань) была проведена выставка белорусских художников «К друзьям в Сычуань» [8]. 7 декабря 2018 г. открылась выставка известного китайского художника Ян Минъи в Национальном художественном музее в Минске [19].

В 2017 г. в рамках мероприятий по празднованию 25-летия установления дипломатических отношений состоялся ряд взаимных визитов художественных коллективов, в обеих странах были проведены крупные выставки. Государственный театр песни и танца провинции Ганьсу выступил в Беларуси. Выставка «Беларусь и Китай: 25 лет успешного сотрудничества» была проведена в Музее современной белорусской государственности. В мае в Чанчуне состоялась Неделя дружбы между Беларусью и Китаем, в июле в Минске прошла Неделя нематериального культурного наследия Китая, в октябре был организован первый совместный молодежный художественный фестиваль «Один пояс — один путь». По мнению А. Тозика (белорусский эксперт по Китаю), китайская сторона все больше убеждалась в перспективах культурного сотрудничества с Беларусью [44, с. 131].

Помимо двустороннего сотрудничества, также получило развитие многостороннее взаимодействие на площадке Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В сентябре 2016 г. в Дуньхуане (Синьцзян) прошла первая международная культурная выставка «ЭКСПО Шелкового пути». В мероприятии приняла участие делегация Республики Беларусь во главе с министром культуры. Перед зрителями из КНР и стран ШОС выступил народный коллектив Белорусской государственной филармонии «Купалинка». Летом 2016 г. фольклорный ансамбль «Грамніцы» Белорусского государственного университета культуры и искусств принял участие в первом Хоровом лагере ШОС в Пекине [40]. В октябре 2016 г. заместитель директора Национального академического Большого театра оперы и балета Республики Беларусь приняла участие в мероприятиях Международной театральной лиги Шелкового пути. По мнению Ма Ли, более частые обмены в сфере культуры и искусства — хороший способ популяризации китайской культуры на Шелковом пути [30, с. 106]. В январе 2017 г. в Секретариате ШОС впервые был проведен День культуры Беларуси [20]. В августе 2017 г. в КНР был организован Вто-

рой летний лагерь ШОС по нематериальному культурному наследию, Беларусь также участвовала в данных мероприятиях [17]. В июне 2018 г. в Циндао был проведен кинофестиваль ШОС, во время которого были показаны пять фильмов из Беларуси [6]. Таким образом, Беларусь также стала использовать площадку ШОС для продвижения ее имиджа за рубежом.

Национальные кухни являются одним из важных компонентов национальной культуры. В рассматриваемый период в Беларуси были открыты девять китайских ресторанов, в том числе в Минске — «Пекин», «Ян Цзы», «Восточный», «Китайский город», «Юйшань», «Шанхай», «Кунг-фу», в Могилеве — «Пекин», в Витебске — «Золотой дракон». Хотя посещают рестораны в основном китайцы (по данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, сейчас в Беларуси учатся и работают 8826 китайцев [56]), китайская кухня становится все более популярной и среди белорусов. В Китае белорусских ресторанов на данный момент нет (с 2007 г. некоторое время работал белорусский ресторан в Пекине). В январе 2018 г. в Чунцине состоялось открытие первого магазина белорусских продуктов питания «Валоса» [5]. В мае 2018 г. в отеле «Новотель» в Пекине была проведена Неделя белорусской кухни [58].

В целом в 2013—2018 гг. сотрудничество КНР и Республики Беларусь в сфере культуры углубилось: были созданы культурные центры, расширялось сотрудничество в области музейного и библиотечного дела. Эти мероприятия успешно укрепили связь между народами обеих стран посредством знакомства с картинами, музыкой, кино, танцами, национальной кухней и т. п.

Таким образом, во взаимодействии в области культуры между Китаем и Беларусью можно выделить три периода развития: 1992—2006 гг. — начальный период, 2007—2012 гг. — период конкретизации взаимодействия, 2013—2018 гг. — текущий период активизации сотрудничества.

Среди факторов, влияющих на данное взаимодействие, выделяются: 1) на начальном этапе — политическая воля сторон и заинтересованность в установлении контактов, 2) на втором этапе — активизация «мягкой силы» во внешней политике КНР и желание белорусской стороны углублять сотрудничество, 3) на текущем этапе — продвижение КНР международной инициативы «Один пояс, один путь» и участие Беларуси в ШОС в статусе наблюдателя, содействующие дальнейшему расширению взаимодействия. В настоящее время уже реализован или начат ряд совместных проектов, способствующих улучшению имиджа и «узнавания» КНР и Беларуси в стране-партнере. Перспективы взаимодействия в сфере культуры, несомненно, можно рассматривать как оптимистические.

Список использованных источников

1. Бабич, Т. Н. Международное сотрудничество Китая и Беларуси в сфере культуры и искусства: перспективы развития / Т. Н. Бабич // Культура: открытый формат — 2015 (библиотекведение, библиографоведение и книговедение, искусствование, культурология, музееведение, социокультурная деятельность): сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. — Минск, 2015. — С. 353—357.
2. «Байлосы вэньхуажи» цзайцзин кайму = Пекин отмечает дни культуры Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Синьхуа. — 08.05.2015. — Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/politics/2015-05/08/c_1115225231.htm>. — Дата доступа: 05.02.2017 (на кит. яз.).
3. Байлосы вэньхуа чжунсинь Цзай бэйцзин цзепай = Белорусский культурный центр открылся в Пекине [Электронный ресурс] // Чжонго вэньхуа ван = Китайская культура. — 31.05.2017. — Режим доступа: <<http://cn.chinaculture.org/portal/pubinfo/news/d094103acedd2c3b.html>>. — Дата доступа: 31.07.2017 (на кит. яз.).
4. Байлосы гунян Оля и Чунцин «Валоша» = Белорусская девушка Оля и Чунцин «Валоша» [Электронный ресурс] // Чунцин и мир. — 14.03.2018. — Режим доступа: <<http://www.cqworld.cn/?pa=35&newsid=16305>>. — Дата доступа: 26.05.2017 (на кит. яз.).
5. Байлосы гоцзя гэцзой балэйву цзяюань хэ Чжонго гоцзя дэзююань цянью сеи = Белорусский национальный театр оперы и балета и Китайский национальный Большой театр подписали соглашение [Электронный ресурс] // Байлосы гохэго дашигуань = Посольство Республики Беларусь в КНР. — Режим доступа: <<http://china.new.mfa.gov.by/zh/embassy/news/d094103acedd2c3b.html>>. — Дата доступа: 31.07.2017 (на кит. яз.).
6. Байлосы цаньцзя Циндао шанхэцзучжи гоцзя дяньинцзе = Беларусь принимает участие в кинофестивале ШОС в Циндао [Электронный ресурс] // Синьхуа. — 17.06.2018. — Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/local/2018-06/17/c_1122998380.htm>. — Дата доступа: 19.06.2017 (на кит. яз.).
7. Байлосы цзюйсин вэньхуажи ходун = Дни культуры КНР прошли в Беларуси [Электронный ресурс] // Netease. — 29.09.2006. — Режим доступа: <<http://news.163.com/06/0929/02/2S5EDLL1000120GU.html>>. — Дата доступа: 19.10.2018 (на кит. яз.).
8. Белорусские художники выставились в Китае [Электронный ресурс] // Правда Гомель: новостной портал. — 29.03.2018. — Режим доступа: <<http://gp.by/category/news/culture/vystavki/news176695.html>>. — Дата доступа: 24.05.2018.
9. Визит директора НББ Мотульского Р. С. в Китайскую Народную Республику [Электронный ресурс] // Национальная библиотека Беларуси. — 14.04.2004. — Режим доступа: <https://www.nlb.by/content/news/national-library-of-belarus/vizit-direktora-nbb-motulskogo-r-s-v-kitayskuju-narodnuju-respubliku_13278/>. — Дата доступа: 13.09.2017.
10. В Китае с 15 по 20 июля пройдут Дни культуры Беларуси [Электронный ресурс] // Naviny.by: белорусские новости. — 30.06.2008. — Режим доступа: <<https://naviny.by/node/140787/talk>>. — Дата доступа: 13.09.2017.
11. В Минске прошли Дни китайского кино [Электронный ресурс] // СБ — Беларусь сегодня. — 11.11.2018. — Режим доступа: <<https://www.sb.by/articles/sovmetstnoe-kommuynike-pravitelstva-respubliki-belarus-i-pravitelstva-kitayskoj-narodnoj-respubliki-.html>>. — Дата доступа: 05.12.2018.
12. В Пекине торжественно открылась Неделя белорусского кино [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. — 29.11.2012. — Режим доступа: <<http://russian.people.com.cn/31516/8039713.html>>. — Дата доступа: 21.05.2018.
13. Выставка белорусских художников открылась в китайском Чунцине [Электронный ресурс] // Национальный художественный музей Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://www.artmuseum.by/ru/news/novosti-2019/novosti-2016/vystavka-belorusskih-hudozhnikov-otkrylas-v-kitajskom-chuncine.html>>. — Дата доступа: 21.05.2018.
14. Выставки белорусских народных костюмов и современной живописи в Пекине [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. — 27.11.2012. — Режим доступа: <<http://russian.people.com.cn/31516/8036977.html>>. — Дата доступа: 21.05.2018.
15. Вэньхуабу бучжан Ло Шуган чусин ЧжонБайэ чженфуцзянь хэчжо вейюаньхуй вэньхуа хэчжо фэнвейхуй диэрсы хуйт = Второе совместное заседание комиссии по культурному сотрудничеству белорусско-китайского межправительственного комитета по сотрудничеству, выступил министр культуры Ло Шуган [Электронный ресурс] // Sina. — 31.05.2017. — Режим доступа: <<http://news.sina.com.cn/o/2017-05-31/doc-ifyfuvpm6832018.shtml>>. — Дата доступа: 31.07.2017 (на кит. яз.).
16. Вэньхуа линъю хэчжо = Сотрудничество в области культуры [Электронный ресурс] // Байлосы хэ Чжонго чжэньфу цзянь хэчжо вэйюаньхуй = Белорусско-китайский межправительственный комитет по сотрудничеству. — Режим доступа: <http://www.belaruschina.by/cn/belarus_china/relations/present/humanitarian/sotrudnichestvo-v-oblasti-kultury.html>. — Дата доступа: 31.07.2017 (на кит. яз.).
17. Гришкевич, А. Беларусь участвует в летнем лагере по культурному наследию ШОС в Китае / А. Гришкевич [Электронный ресурс] // БЕЛТА: Белорусское телеграфное агентство. — 16.08.2017. — Режим доступа: <<https://www.belta.by/culture/view/belarus-uchastvuet-v-letnem-lagere-po-kulturnomu-naslediju-shos-v-kitae-261782-2017/>>. — Дата доступа: 13.12.2017.
18. Гришкевич, А. Выставка китайского костюма «Великолепный шелк» открылась в Минске / А. Гришкевич [Электронный ресурс] // БЕЛТА: Белорусское телеграфное агентство. — 13.10.2015. — Режим доступа: <https://www.belta.by/culture/view/vystavka-kitajskogo-kostjuma-velikolepnyj-shelk-otkrylas-v-minske-166559-2015/?keepThis=true&TB_iframe=true&height=500&width=1100&caption=RSS+%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%A2%D0%90>. — Дата доступа: 15.05.2018.
19. Гришкевич, А. Выставка работ Ян Минъи в НХМ знакомит с образами китайской природы / А. Гришкевич [Электронный ресурс] // БЕЛТА: Белорусское телеграфное агентство. — 07.12.2018. — Режим доступа: <<https://www.belta.by/culture/view/vystavka-rabot-jan-minji-v-nhm-znakomit-s-obrazami-kitajskoj-prirody-328486-2018/>>. — Дата доступа: 31.03.2019.
20. Гришкевич, А. День культуры Беларуси впервые прошел в секретариате Шанхайской организации сотрудничества / А. Гришкевич [Электронный ресурс] // БЕЛТА: Белорусское телеграфное агентство. — 10.01.2017. — Режим доступа: <<https://www.belta.by/culture/view/den-kultury-belarusi-vpervye-proshel-v-sekretariate-shanhajskoj-organizatsii-sotrudnichestva-227618-2017/>>. — Дата доступа: 15.05.2018.
21. Гришкевич, А. Дни культуры КНР пройдут в этом году в Беларуси / А. Гришкевич [Электронный ресурс] // news.21.by: стартовая страница Беларуси. — 04.03.2006. — Режим доступа: <<http://news.21.by/culture/2006/03/04/474073.html>>. — Дата доступа: 13.05.2018.
22. Гришкевич, А. Талантливые белорусские и китайские молодые артисты выступили на рождественском концерте в Минске / А. Гришкевич [Электронный ресурс] // news.21.by: стартовая страница Беларуси. — 27.12.2006. — Режим доступа: <<http://news.21.by/culture/2006/12/27/494134.html>>. — Дата доступа: 13.05.2018.

23. Гришкевич, А. Творческий вечер китайской музыки и поэзии прошел в Доме дружбы в Минске / А. Гришкевич [Электронный ресурс] // news.21.by: стартовая страница Беларуси. — 14.02.2007. — Режим доступа: <http://news.21.by/culture/2007/02/14/498157.html>. — Дата доступа: 13.05.2018.
24. Гуманитарное взаимодействие [Электронный ресурс] // Генеральное консульство Республики Беларусь в г. Шанхае. — Режим доступа: <http://shanghai.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/cultural/e86b854f538a98e8.html>. — Дата доступа: 21.05.2018.
25. Дни культуры Беларуси открылись в Пекине [Электронный ресурс] // СБ — Беларусь сегодня. — 27.11.2012. — Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/dni-kultury-belarusi-otkrylis-v-pekine.html>. — Дата доступа: 15.05.2018.
26. Дни культуры Китая начались в Беларуси [Электронный ресурс] // СБ — Беларусь сегодня. — 11.09.2009. — Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/dni-kultury-kitaya-nachalis-v-belarusi.html>. — Дата доступа: 13.05.2018.
27. Дубовик, В. С. Беларусь — Китай: на пути всестороннего сотрудничества: монография / В. С. Дубовик. — Минск: Звезда, 2015. — 104 с.
28. Заседание комиссии Белорусско-Китайского межправительственного комитета [Электронный ресурс] // Национальная библиотека Беларуси. — 13.11.2015. — Режим доступа: <https://nlb.by/content/news/national-library-of-belarus/zasedanie-komissii-belorussko-kitayskogo-mezhpravitelstvennogo-komiteta_16986/>. — Дата доступа: 15.05.2018.
29. Культура [Электронный ресурс] // Посольство КНР в Республике Беларусь. — Режим доступа: <http://by.china-embassy.org/rus/zgxx/WH/>. — Дата доступа: 13.05.2018.
30. Ма Ли. «Идай Илу» вэньхуа чуанбо шицзяо ся Чжунго юй Байлосы вэньхуа шуанбо юй жунхэ яньцзю — пин «Идай Илу» цзяньшэ юй цюаньцю маои, вэньхуа цзяолю = Исследование культурной коммуникации и интеграции между Китаем и Беларусью в контексте строительства «Пояса и пути» и глобального торгово-культурного обмена / Ма Ли // синьвэнь айхаочжэ = Любители новостей. — 2018. — № 4. — С. 106—107 (на кит. яз.).
31. Мацель, В. М. Становление и развитие дружественных белорусско-китайских отношений / В. М. Мацель. — Барановичи: Баранович. укр. тип., 2004. — 190 с.
32. Национальный художественный музей Беларуси и Музей европейской живописи Тяньцзиня планируют совместные проекты [Электронный ресурс] // belarus.by: официальный сайт Республики Беларусь. — 29.04.2013. — Режим доступа: <https://www.belarus.by/ru/press-center/press-release/natsionalnyj-xudozhestvennyj-muzej-belarusi-i-muzej-evropejskojzhivopisi-tjantszinja-planirujut-sovmestnye-proekty_i_5893.html>. — Дата доступа: 21.05.2018.
33. Подписание Меморандума о сотрудничестве между Национальным музеем Китая и Национальным историческим музеем Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный исторический музей Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://histmuseum.by/ru/news/976/>. — Дата доступа: 21.05.2018.
34. Сазанович, И. В Минске открылась выставка современной китайской живописи тушью / И. Сазанович [Электронный ресурс] // TUT.BY: белорусский портал. — 10.09.2009. — Режим доступа: <https://news.tut.by/culture/147214.html>. — Дата доступа: 21.05.2018.
35. Си Цзиньпин цзай Начжаэрбаефудасое дэ яньцзян (цюаньвэнь) = Председатель КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст) [Электронный ресурс] // Чжонхуа жэнмин гонхэгуо вай цзяоубу = Министерство иностранных дел КНР. — 08.09.2013. — Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/ziliao_611306/zt_611380/dnzt_611382/ydy_667839/zyxw_667918/t1074151.shtml>. — Дата доступа: 05.06.2017 (на кит. яз.).
36. Снапковский, В. Е. Международное культурное сотрудничество Республики Беларусь (1991—2011 гг.) / В. Е. Снапковский, О. И. Лазоркина // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2011. — № 4. — С. 32—40.
37. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Беларусь от 5 дек. 2005 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. — Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t225267.shtml>. — Дата доступа: 13.09.2017.
38. Совместное коммюнике правительства Республики Беларусь и правительства Китайской Республики от 5 нояб. 2006 г. [Электронный ресурс] // СБ — Беларусь сегодня. — 06.11.2007. — Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/sovmestnoe-kommuunike-pravitelstva-respubliki-belarus-i-pravitelstva-kitayskoj-narodnoj-respubliki.html>. — Дата доступа: 05.11.2017.
39. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о создании Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству [Электронный ресурс] // Pravoby.info: Белорусский правовой портал. — Режим доступа: <http://www.pravoby.info/bel/05/735.htm>. — Дата доступа: 05.02.2018.
40. Сотрудничество в области культуры [Электронный ресурс] // Белорусско-Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству. — Режим доступа: <http://www.belaruschina.by/ru/belarus_china/relations/present/humanitarian/sotrudnichestvo-v-oblasti-kultury.html>. — Дата доступа: 13.09.2017.
41. Ся Лэй. Становление двустороннего сотрудничества Китая и Беларуси в сфере искусства / Ся Лэй // Вести Ин-та современных знаний. — 2016. — № 3. — С. 43—48.
42. Тан Цзин. Си Цзиньпин хуйцзянь Байлосы цзун тун Лукашенко = Встреча Си Цзиньпина с Президентом Беларуси А. Лукашенко / Тан Цзин, Пань Линьцин [Электронный ресурс] // Синьхуа. — 10.06.2018. — Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/2018-06/10/c_1122964702.htm>. — Дата доступа: 12.06.2018 (на кит. яз.).
43. Тозик, А. А. Китай — Беларусь: к новому качеству сотрудничества / А. А. Тозик // Китай. — 2008. — № 4. — С. 24—27.
44. Тозик, А. А. От стратегического сотрудничества к всестороннему стратегическому партнерству / А. А. Тозик // Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях белорусских послов к 25-летию установления дипломатических отношений / А. А. Тозик; под общ. ред. А. А. Тозика. — Минск: Звезда, 2017. — С. 128—174.
45. Тозик, А. А. У белорусско-китайских отношений прекрасная перспектива / А. А. Тозик // Вестн. внешнеэкон. связей. — 2007. — № 1. — С. 24—32.
46. У Хунбинь. Мы дорожим дружбой с Беларусью / У Хунбинь // Вестн. внешнеэкон. связей. — 2007. — № 1. — С. 33—39.
47. Ху Цзиньтао цзай чжунго гунчаньдан дишицы цюаньго дэбиао дахуйшан дэ баогао = Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК [Электронный ресурс] // Чжунго гунчаньдан синьвэньван = Коммунистическая партия Китая: Новости сети. — 25.10.2007. — Режим доступа: <http://src.people.com.cn/GB/104019/104099/6429414.html>. — Дата доступа: 05.11.2017 (на кит. яз.).
48. Цуй Цимин. ЧжунБай гуаньси цянцзин мэйхао = Перспективы отношений между Китаем и Беларусью / Цуй Цимин // Жэньминь жибао. — 2015. — № 4. — С. 3 (на кит. яз.).
49. Чжонго тун Байлосы дэ гуаньси = Отношения между КНР и Республикой Беларусь [Электронный ресурс] // Чжонгован = Китай. — 21.08.2012. — Режим доступа: <http://www.china.com.cn/international/zhuanti/dwj/2012-08/21/content_26295545_6.htm>. — Дата доступа: 05.11.2017 (на кит. яз.).
50. Чжонхуа жэнмин гонхэгуо хэ Байлосы гонхэгуо гуаньюй цзяньли сяньху синьжэн, хэцзо гунин дэцюаньмянь чжаньлюе хобань гуанси дэ ляньхэ шэньмин = Совместная декларация Беларуси и КНР об установлении отношений

доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества: [закл. в г. Пекине 29.09.2016 г.] [Электронный ресурс] // Чжонхуа жэнмин гонхэгуо вай цзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — Режим доступа: <<http://www.mfa.gov.cn/chn/pds/ziliao/1179/t1402587.htm>>. — Дата доступа: 09.08.2017 (на кит. яз.).

51. Чжонхуа жэнмин гонхэгуо хэ Байлосы гонхэгуо гуаньйи цюаньянь чжаньлюе хобань гуанси дэ лянхэ шэнмин = Совместная декларация об установлении всестороннего стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Чжонхуа жэнмин гонхэгуо вай цзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — Режим доступа: <<http://www.mfa.gov.cn/chn/gxh/zlb/smzg/t1059443.htm>>. — Дата доступа: 09.08.2017 (на кит. яз.).

52. Чжонхуа жэнмин гонхэгуо хэ Байлосы гонхэгуо юхао хэцзо тяюе = Договор о дружбе и сотрудничестве Беларуси и КНР [Электронный ресурс] // Чжонгуо жэньдаван = Сеть новостей Всекитайского собрания народных представителей. — Режим доступа: <http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2016-02/26/content_1987073.htm>. — Дата доступа: 09.08.2017 (на кит. яз.).

53. Чжонхуа жэнмин гунхэгуо чжэнфу хэ Байлосы гонхэгуо чжэнфу вэньхуа седин = Соглашение между Правительством КНР и Правительством Республики Беларусь о культурном сотрудничестве / Чжонхуа жэнмин гонхэгуо вай цзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — Бэйцзин: шиджие цзиши чубаньшэ = Пекин: Мир знаний, 1996. — 893 с. (на кит. яз.).

54. Шамарова, Е. В. Культурное сотрудничество Китая и Беларуси в начале XXI века: основные формы / Е. В. Шамарова // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. VI. В 2 ч. Ч. 2. — Минск: РИВШ, 2017. — С. 34–38.

55. Шедевры Национального художественного музея экспонируются в Пекине [Электронный ресурс] // Belarus.by: официальный сайт Республики Беларусь. — 14.10.2017. — Режим доступа: <https://www.belarus.by/ru/press-center/press-release/shedevry-natsionalnogo-xudozhestvennogo-muzeja-eksponirujutsja-v-pekine_i_67369.html>. — Дата доступа: 13.12.2017.

56. Шилак, О. Китаец, который живет в Беларуси: в Китае много рекламы вашей страны, она становится для нас все более привлекательной / О. Шилак [Электронный ресурс] // Комсомольская правда — Беларусь. — 22.01.2018. — Режим доступа: <<https://www.kp.by/daily/26784.5/3818530/>>. — Дата доступа: 05.02.2018.

57. Шоуду тушугуань юй Байлосы гоцзя тушугуань чяньшу хэцзо сеи = Соглашение о сотрудничестве между Столичной библиотекой г. Пекина и Национальной библиотекой Беларуси [Электронный ресурс] // Шоуду тушугуань = Столичная библиотека. — 18.07.2013. — Режим доступа: <<http://www.cln.net.cn/modules/information/view.php?id=994>>. — Дата доступа: 09.08.2017 (на кит. яз.).

58. Шоуке соусян бэйцзин синьянофутэ фаньянь Байлосы мэйши = В отеле «Новотель» открылась Неделя белорусской кухни в Пекине [Электронный ресурс] // Шоуху. — 15.05.2018. — Режим доступа: <http://www.sohu.com/a/231699674_124450>. — Дата доступа: 21.05.2018 (на кит. яз.).

59. Щербаков, З. В Беларуси проходят Дни культуры Китая / З. Щербаков [Электронный ресурс] // БелаПАН. — 26.09.2011. — Режим доступа: <<https://belapan.by/archive/2011/09/26/498901/>>. — Дата доступа: 13.05.2018.

Статья поступила в редакцию в июле 2018 г.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ СТРАН СНГ: ЕДИНСТВО ПОДХОДОВ ИЛИ СИТУАТИВНЫЙ ДУАЛИЗМ»

5 декабря 2018 г. в Минске состоялся «круглый стол», организованный Центром евразийских и европейских исследований БГУ совместно с Евразийской ассоциацией международных исследований на тему «Политика Европейского союза в отношении стран СНГ: единство подходов или ситуативный дуализм».

В мероприятии были задействованы ученые, политологи, эксперты, а также представители общественных объединений Беларуси и Казахстана.

В работе «круглого стола» приняли участие заместитель декана ФМО БГУ А. Селиванов, профессор кафедры международных отношений В. Фрольцов и доцент А. Тихомиров, директор Центра стратегических и внешнеполитических исследований А. Сивицкий (Беларусь), заместитель начальника управления «Исследовательского центра “ЮПИТЕР”» Т. Мармонта (Казахстан). Модератором мероприятия являлась директор Центра евразийских и европейских исследований ФМО БГУ Р. Турарбекова.

В ходе мероприятия обсуждались основные направления политики Европейского союза на пространстве СНГ. В частности, был сделан вывод о наличии двойных стандартов со стороны ЕС в отношении стран СНГ.

Т. Мармонта в своем докладе осветила основные сферы взаимодействия ЕС и стран Центральной Азии: сотрудничество в области энергетики, безопасности, транспорта и логистики. Отдельное внимание было уделено находящейся в разработке новой стратегии ЕС для региона. Кроме того, она отметила, что в рамках предыдущей стратегии на 2007—2017 гг. не были в полной мере достигнуты обозначенные цели, в том числе демократизация и повышение качества госуправления, борьба с коррупцией и наркотрафиком. Докладчик выразила надежду на то, что при составлении нового документа будут учтены все нюансы, возникшие в ходе реализации предыдущей внешнеполитической стратегии.

А. Тихомиров в своем докладе оценил значимость стратегии «Восточного партнерства» во внешнеполитической стратегии Республики Беларусь. В частности, на примере анализа основных групп экспорта-импорта выявил диспропорции, которые показывают динамику роста и убыли интересов, а также перспективы формирования справедливого сотрудничества между Европой и постсоветским пространством.

А. Сивицкий особое внимание обратил на анализ позиций институтов европейской дипломатии в рамках структурирования отношений со странами СНГ.

В. Фрольцов в своем докладе сделал сопоставительный анализ позиций КНР и ЕС в контексте вызовов глобализации и регионализации.

Р. Турарбекова провела анализ стереотипов, восприятий и опасений по поводу политики ЕС на пространстве СНГ. В частности, она отметила наличие неадекватной оценки позиций ЕС в отношении СНГ, например в отношении событий на Украине.

По итогам «круглого стола» участники предложили продолжить сотрудничество на экспертном уровне, в том числе посредством использования виртуальных площадок.

*Мероприятие было организовано благодаря Евразийской ассоциации
международных исследований и Т. Мармонтавой*

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОТ РАСПАДА СССР К РЕГИОНАЛЬНОМУ КОНСТРУИРОВАНИЮ (1991—2004 гг.)

Роза Турарбекова

Статья посвящена проблеме генезиса евразийских интеграционных проектов, таких как СНГ, Союзное государство и ЕврАзЭС. Поставлены вопросы соотношения интеграционных и дезинтеграционных тенденций на постсоветском пространстве, а также существенной характеристики европейской региональной политики. Опираясь на методы исторического институционализма и контекстуального анализа, автор рассматривает создание региональных организаций в связи с внутренним институциональным дизайном основных стран — участниц евразийской интеграции. Таким образом, не отделяя внутренние политические процессы от региональных, автор выделил основные факторы, обусловившие евразийскую региональную интеграцию.

Ключевые слова: евразийская интеграция; Евразийский экономический союз; Евразийское экономическое сообщество; институциональный дизайн; исторический институционализм; контекстуальный анализ; постсоветское пространство; региональная политика Европейского союза; реинтеграция; Содружество Независимых Государств; Союзное государство Беларуси и России; стереотипы.

«Eurasian Integration Projects in the Field of European Union Regional Policy: from the Collapse of the USSR to Regional Design (1991—2004)» (Roza Turarbekova)

The article is devoted to the problem of the genesis of Eurasian integration projects such as the CIS, the Union State and EurAsEC. Raised questions: the issue of integration and disintegration trends in the post-Soviet space, as well as the essential characteristics of European regional policy. Based on the methods of historical institutionalism and analysis of the context, the author considers the creation of regional organizations in connection with the internal institutional design of the main participating countries in Eurasian integration. Therefore, without separating internal political processes from the regional ones, the author pointed out the main factors that determined the Eurasian regional integration.

Keywords: Commonwealth of Independent States; contextual analysis; Eurasian Economic Community; Eurasian Economic Union; Eurasian integration; European Union regional policy; historical institutionalism; institutional design; post-Soviet space; reintegration; stereotypes; Union State of Russia and Belarus.

Author:

Roza Turarbekova — Candidate of History, Associate Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: turarbekova@tut.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

С начала 1990-х гг. Европейское сообщество было заявлено как «глобальный актор», что повлекло за собой переименование в Европейский союз (ЕС) в соответствии с Маастрихтским договором 1992 г. (далее — Договор). В тексте Договора отмечалась необходимость реализации общей внешней политики и политики в области безопасности в рамках единой институциональной рамки [15]. В целом такой уровень интеграции означал институционализацию внешней и оборонной

политики ЕС и, соответственно, и создание нового субъекта (актора) мировой политики, которого можно охарактеризовать как правового субъекта. Соответственно, такими исследователями региональной интеграции, как Л. Делкур, была сформулирована проблема выработки стратегического видения внешней, в том числе региональной, политики ЕС [13, p. 25].

Появление столь важного игрока на Евразийском континенте, вслед за исчезнове-

Автор:

Турарбекова Роза Маратовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: turarbekova@tut.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Шевелёв Дмитрий Леонидович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Ковьяко Ирина Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

нием другого глобального актора — СССР, уже само по себе означало старт нового регионализма.

Необходимо также отметить сильную нормативно-ценностную составляющую европейской интеграции. Акцент на европейской системе ценностей стал главным лейтмотивом политики ЕС, особенно в отношении региона Евразии. В Договоре указанное положение было сформулировано в следующем порядке: во-первых, Союз должен уважать национальные идентичности стран-членов, государственные системы которых основаны на принципах демократии; во-вторых, Союз должен уважать фундаментальные права и свободы (основа которых заложена в Европейской конвенции по правам человека) как главные принципы европейского права; в-третьих, Союз должен при проведении политики добиваться решения задач через проведение своей политики, используя все имеющиеся средства и необходимые меры [15]. Универсализм этого видения стал основой региональной политики ЕС в отношении Евразийского пространства. Такое представление нашло отклик и было отчасти обоснованным, исходя из тех принципов, которые были приняты бывшими советскими республиками — развитие демократических институтов, уважение прав и основных свобод человека.

Учитывая, что европейская интеграция была заявлена как открытая, для постсоветского пространства это также стало частью перспективы. Но предпринимались и собственные попытки регионального конструирования.

После распада СССР была предпринята первая попытка обозначить региональную идентичность в рамках СНГ. Содружество сформировалось в 1991—1992 гг. после подписания Соглашения о создании СНГ [9] (больше известного как Беловежские соглашения) и Алма-Атинской декларации [1]. Несмотря на различные подходы к оценке понятия Содружества Независимых Государств, в тексте Соглашения очевидно присутствуют все признаки региональной идентичности. Об этом ярко свидетельствует как вступительная часть Договора, так и статьи 6, 7. Нормативный компонент не являлся оригинальным и отчасти повторял европейский. В частности, в статье 2 Соглашения отмечалось, что стороны гарантируют своим гражданам равные права и свободы. Тем не менее, не было ссылок на конкретные правовые акты, а лишь упоминалось об общепризнанных международных нормах и правах человека [1].

Необходимо также отметить, что документ был подписан только тремя субъектами — Россией, Беларусью и Украиной. Этот случай требует отдельного рассмотрения. Следует добавить, что, учитывая отсутствие республик Центральной Азии и Южного Кавказа, в полной мере это Соглашение назвать Договором

было сложно, несмотря на то, что стороны ссылались на Договор 1922 г., где указанные три страны выступали подписантами.

Расплывчатые формулировки относительно нормативно-ценностной составляющей Содружества являются отдельным предметом исследования. Однако необходимо подчеркнуть, что европейское «влияние» было очевидным. И такое представление соответствовало намерениям ЕС в отношении стран Содружества. Тем не менее, по вопросам региональной самоидентификации в стратегии ЕС возник ряд неясностей.

Конкуренция региональных проектов была неизбежной после распада СССР. Обозревая недавнее прошлое, хотелось бы отметить, что активная политика регионального строительства со стороны ЕС как молодого интеграционного образования в начале 2000-х гг. привела к пространственному расширению за счет стран Центральной и Восточной Европы, включая Прибалтийские страны. Тем самым, несмотря на то, что всегда оговаривалось добровольное стремление этих государств включиться в европейскую интеграцию, это означало двойственность политики ЕС.

Двойственность заключалась в том, что базовый принцип ЕС поддержки региональной интеграции где бы то ни было, а также межрегионального взаимодействия входил в противоречие с видением постсоветского пространства как малоэффективного и внутренне слабосвязанного регионального целого. Дифференциация пространства, особенно четко обозначенная в Европейской политике соседства, была запущена в 2003—2004 гг. Россия рассматривалась как стратегический партнер, соседний регион — Восточная Европа, наименьшее значение имел регион Центральной Азии. Пространство, конечно, не является единым и во многом совпадает с самоидентификацией государств и регионов. Но факт остается фактом: под этой политикой не просматривалось отношение к постсоветскому пространству как бывшему единому государству, которое по множеству признаков могло быть расценено как единый регион.

Практически политика соседства материально воплощалась больше на двустороннем уровне, о чем свидетельствует подписание двусторонних договоров, где с одной стороны выступает ЕС, а с другой — национальное государство, а не региональная организация.

Несмотря на то, что создание Содружества Независимых Государств — это, по нашему утверждению, первая попытка региональной самоидентификации, оно стало частью дальнейшего процесса «мягкой» дезинтеграции.

Таким образом, цель статьи — определить генезис и эволюцию характерных черт институционального дизайна евразийских интеграционных проектов в контексте политики ЕС. Мы попытались избежать одного из базовых

исследовательских стереотипов — восприятия ЕС как субъекта, который, от начала и до конца обладая политической волей, воплощает свои стратегии в отношении постсоветского пространства, а интеграционные проекты, как и воля политических элит этого пространства, не рассматриваются как равнодействующая сила.

Обзор литературы

Постановка проблемы евразийского регионального строительства в контексте политики ЕС на постсоветском пространстве является в некотором смысле инновационной, так как традиционно изучались такие темы, как региональная политика ЕС. Об этом свидетельствует значительное количество не только публикаций и периодических изданий, но и центров, академических институтов.

Тем не менее, в данной статье проблема рассматривается как евразийское региональное самоконструирование в контексте политики ЕС. Такая постановка проблемы предполагает деконструирование ЕС как субъекта политики: например в работе К. Смит [14, р. 2] или известной работе Б. Бузана [12, р. 71], в том числе с точки зрения исторического институционализма, представленного в вышеупомянутой работе Л. Делкур [13, р. 12—13]. Под ним понимается политологический подход, в котором особое внимание уделяется институциональной динамике. В частности, исторический институционализм подчеркивает роль институтов в преобразовании предпочтений акторов, структурировании процесса принятия решений и важности исторического контекста изменений внутри институтов.

С другой стороны, имеются аналитические доклады и статьи, посвященные евразийской интеграции в контексте политики ЕС, а также проблемы ее восприятия в России. В частности, доклад группы экспертов РИСИ «Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции» [8], который рассматривает проблему конкуренции проектов европейской и евразийской интеграции в крайне острой политизированной форме. Более академичный подход к анализу важного элемента — конфликтного восприятия европейской политики в России — предложен И. Грецким и Е. Трещенковым [3].

Зеркальная точка зрения доклада РИСИ представлена в работе итальянских авторов В. Акчуриной и В. Делла Сала «Европейский союз, Россия и постсоветское пространство: общее соседство, поле битвы или транзитная зона на новом Шелковом пути?» [11].

Малоизученной темой продолжает оставаться проблема восприятия регионов постсоветского пространства в ЕС в рассматриваемый

период (имеется в виду лицами, принимающими решения). Частично этот момент был затронут в монографии И. Болговой [2].

Методика

Необходимо пояснить, какие методические инструменты и концепции наиболее полно могут объяснить региональное строительство Евразийского экономического союза. Понимая, что самой серьезной проблемой продолжает оставаться конфликтное восприятие России в глазах Запада, мы пытались обратиться к анализу контекста возникновения и развития проекта евразийской интеграции.

Контекстуальный анализ, так же как исторический институционализм, является перспективным научным концептом и инструментом понимания процессов регионального строительства. Собственно только с учетом истории можно говорить о таких социальных явлениях, как традиции, нормы и ценности.

В целом институциональные подходы фокусируются на институциональных рамках и механизмах принятия решений. Они лучше всего подходят для освещения организационных процессов, ведущих к разработке политических решений.

Исторический институционализм показывает, как институты стимулируют структурных акторов и таким образом влияют на распределение власти, а также культурного контекста.

В этом отношении интеграционные процессы в Евразии (постсоветское пространство, за исключением Прибалтийских стран) могут быть описаны как результат действия бывших советских институтов, а также структурных акторов, которые использовали идентичный политический дискурс, в определенной мере действуя в схожем культурном контексте.

Вместе с тем Евразийский мегарегион состоит из множества регионов, субрегионов, с различным набором признаков, включающих социальные структуры и институты, нормы, культурные традиции как материального, так и нематериального характера. Именно поэтому Евразию сложно идентифицировать как единый регион с одной культурой, цивилизацией, социальной практикой.

Институциональный дизайн евразийской интеграции 1990-х гг.

Возвращаясь к моменту создания СНГ, необходимо подчеркнуть разницу между беловежскими соглашениями (Соглашение о создании СНГ) и Алма-Атинской декларацией. Первый документ означал, что распад СССР был инициирован тремя правовыми субъектами, но он не может считаться полноценным, так как оставшиеся такие же равноправные субъекты — союзные республики — не участвовали в подписании документа. Соответ-

ственно, процесс был начат, но не завершен. Роспуск СССР требовал равноправного участия всех союзных республик. Поэтому 21 декабря в Алма-Ате состоялся саммит, на котором и был окончательно закреплён роспуск Советского Союза и создание СНГ путем подписания Декларации. Интересен тот факт, что в одной из последних частей документа указано, что участники стремятся к созданию «общего экономического пространства», понимая его как пространство «общеευропейского и евразийского рынков» [1]. Таким образом, с самого начала была обозначена разнородность евразийского пространства, которое разделилось на европейское (республики, подписавшие Декларацию в Беловежской пуще 8 декабря) и евразийское (те, кто присоединился в Алма-Ате).

Фрагментация бывшего советского пространства осуществлялась на протяжении всех 1990-х гг. В связи с государственным строительством в России внешняя политика ее администрации в СНГ была не активной, а скорее реактивной. Ключевым вопросом всех встреч глав государств СНГ, которые проводились в 1992 г., была проблема раздела общесоюзной собственности. Одним из самых ярких эпизодов стала неудачная попытка сохранить единый Черноморский флот. Украина заявила о своих претензиях на часть флота 5 января 1992 г. За весь 1992 г. было организовано шесть саммитов глав государств СНГ. Институционализация СНГ проходила быстро, но не очень эффективно. Представления об интересах, как и в целом политические системы, у всех бывших республик только формировались. Поэтому вести параллельно передаче части суверенных прав было фактически невозможно. Тем не менее, с самого начала функционировали Совет глав государств и Совет глав правительств (Временное соглашение о создании Совета глав государств и Совета глав правительств). **Эта же «пирамида» с доминированием авторитарных элементов наблюдается и в ЕАЭС.**

Экономически слабые и в основном сырьевые республики Центральной Азии при их континентальной замкнутости оказались в наихудшем положении, так как, несмотря на большие запасы минеральных ресурсов, они оказались отрезанными от Мирового океана. Российское правительство, сделав ставку также на экспорт нефти и газа, не было мотивировано к такому сотрудничеству. Поэтому в дальнейшем на протяжении первой половины 1990-х гг. становится очевидным, что интеграция в рамках СНГ является форматом «мягкого» или «цивилизованного» развода. Тем не менее, военно-стратегические интересы России требовали поддерживать идею евразийской интеграции в целях сохранения влияния на «южном фланге». В своих мемуарных «Записках Президента» Б. Ельцин вспоминал, что самой важной задачей этого периода

считал создание единой системы безопасности для предотвращения региональных конфликтов на территории СНГ. Для ее решения он выдвинул Главнокомандующего ОВС СНГ Е. Шапошникову, который вел работу по созданию единых сил коллективной безопасности СНГ [6, с. 171]. 15 мая 1992 г. в Ташкенте был подписан Договор о коллективной безопасности (ДКБ) президентами России, Казахстана, Армении, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. **При сравнении состава участников ДКБ с составом ОДКБ и ЕАЭС необходимо отметить определенную закономерность.**

Несмотря на частые саммиты, принятие большого количества соглашений, деятельность СНГ не была приоритетным направлением во внешней политике России в начале 1990-х гг. Курс на реформы в России снижал ее активность в СНГ. В частности, экономия государственных средств в военной сфере влияла на ее позиции в сохранении единого пространства обороны. В бюджетном Послании Президента России на 1992 г. декларировалась политика существенных сокращений оборонных расходов (составили всего 50 млрд руб.) (Известия. 1991. 24 янв.). После публикации Послания Президента Б. Ельцина он сделал сенсационное заявление во время визита в Лондон, в частности, заявив, что российский ядерный арсенал не будет нацелен на американские города с 27 января 1992 г. (Известия. 1991. 25 янв.). Это стало началом «новой эры» отношений России и Запада. В обмен на сокращения ядерных арсеналов вопросом номер два было предоставление кредитов для реформ в России. На встрече Большой семерки в Мюнхене в июне 1992 г. было решено выделить Москве заём в 3,5 млрд дол. США (Рос. вести. 1992. 18 июня). Тем не менее, размеры кредитов были значительно меньше ожидаемых.

Выделение небольших кредитов, нарастание напряженности в отношениях Президента Б. Ельцина и Верховного Совета, негативные последствия реформ и распада советской экономики, а также дезинтеграция постсоветского пространства контрастировали с «романтическими» отношениями между российским Президентом и Западом. В 1993 г. акценты во внешней политике России меняются. Ключевым событием 1993 г. было принятие Устава СНГ (22 января). Документ не был подписан Украиной и Туркменистаном, которые де-юре не считаются государствами — членами организации [10]. Принятие Устава стало прологом активизации внешней политики России в отношении бывших советских республик. Во второй половине 1993 г. Россия стала активным участником в разрешении региональных конфликтов на постсоветском пространстве.

В целом политика ЕС в 1992—1993 гг. во многом опиралась на комбинацию уже разработанного подхода к региону как единому це-

лomu, исходя из того, что правовая рамка была рассчитана на единый Советский Союз, и реакции на распад единого государства и в этой связи необходимости дифференциации бывших республик. Единство подхода выразилось в единых требованиях политического и экономического характера. Такой рамкой стала Программа технической помощи, известной как Техническая помощь СНГ (TACIS), название которой было дано в 1992 г., но ее основа была спроектирована еще для СССР.

Тем не менее, уже в феврале 1992 г. Европейская комиссия предложила основывать свою стратегию на различии между бывшими советскими республиками. По мнению Л. Делкур, принцип дифференциации был нацелен на три Прибалтийских государства, которые были быстро интегрированы в Европейскую политическую рамку для Центральной Европы. На примере трех Прибалтийских государств принцип дифференциации был также поддержан общим подходом ЕС по отношению к постсоветскому пространству. По мнению Л. Делкур, введение этого принципа довольно необычно для внешней политики ЕС, которая была направлена на поддержание связей с другими региональными группами и вытекала из анализа СНГ как «огромного и неэффективного» уже через 2 месяца после его создания [13, р. 27]. По мнению автора, негативная оценка может быть лучше понята, если вспомнить обстоятельства, которые привели к созданию СНГ, и объяснения расхождения представлений лидеров бывших советских республик.

Последнее замечание особенно важно с точки зрения оценки вклада лидеров бывших советских республик в видение всего пространства глазами Европейской комиссии.

«Возврат» России на постсоветское пространство в 1993 г. не был полным и носил спонтанный характер. Были также ограничения активности России. Противоречие между декларируемым желанием реинтеграции и практическими шагами особенно сильно демонстрирует решение вопроса о сокращении зоны российского рубля до границ самой России, за исключением Таджикистана.

Наиболее активной была деятельность Президента России при вовлечении Азербайджана и Грузии в состав СНГ. Вступление в Содружество Азербайджана проходило на фоне вооруженного конфликта с Арменией. Лидером азербайджанского государства Г. Алиевым было сделано обращение к Президенту России с просьбой о посредничестве в урегулировании конфликта. В результате было подписано Временное соглашение о перемирии. Взамен была обсуждена проблема вступления Азербайджана в СНГ (Новости. Останкино. 1993. 6—7 сент.). В это же время в Москве проходили переговоры по урегулированию грузино-абхазского конфликта, который резко перешел

в кризисную фазу 15—16 сентября. Президент Грузии Э. Шеварднадзе также обратился с просьбой к Б. Ельцину повлиять на абхазскую сторону. В результате Министерство иностранных дел России 17 сентября сделало заявление, в котором отмечалось, что в случае прекращения военных действий в Сухуми до 20.00 в тот же день будет отключена электроэнергия на территории всей Абхазии. В октябре 1993 г. Грузия также подала заявку на участие в СНГ (Известия. 1993. 16—19, 24 сент.).

Таким образом, исходя из вышесказанного можно заключить, что проект СНГ — это проект реинтеграции, в институциональном дизайне которого использовались инструменты, не характерные для обычной дипломатии. Несомненно, это было следствием того, что де-факто единое пространство все еще отчасти было функциональным, но дезинтеграция продолжалась. С точки зрения исторического институционализма СНГ воспринималось как форма не региональной интеграции, а центробежных тенденций. В них немаловажную роль играли местные элиты (бывших советских республик), а также капитализация идей модернизации как европеизации для стран — подписантов беловежских соглашений.

Распад единой системы безопасности из-за сокращения расходов на оборону со стороны России вынуждали Президента Б. Ельцина корректировать позицию по вопросу о создании коллективных сил Содружества. После отставки Главнокомандующего ОВС СНГ Е. Шапошникова (15 июля 1993 г.) 23 августа состоялась встреча министров обороны Содружества. Российская сторона предложила создать не объединенные, а коалиционные силы (Известия. 1993. 23 авг.).

Одним из серьезных факторов дезинтеграции стала фрагментация валютного пространства. К середине 1993 г. такие страны Содружества, как Украина, Молдова, Азербайджан, Грузия, Армения, Туркменистан, заявили о намерении ввести свою национальную валюту. Отмечаем, что **список стран, решивших ввести свою валюту, повторяет список тех государств, которые не вошли в состав ЕАЭС и ОДКБ, за исключением Армении.**

Сокращение зоны рубля было практически завершено к концу 1993 г. с выходом из нее Узбекистана, Кыргызстана и Казахстана. Позиция России по этому вопросу отличалась двойственностью. 27 августа 1993 г. был опубликован Указ Президента России о реорганизации системы рубля в новую рублевую зону, куда должны были войти Казахстан и Узбекистан. Центральному банку России было поручено оказание помощи отмеченным странам Содружества (Комсомольская правда. 1993. 20—23 авг.). Такое решение стало возможным благодаря давлению со стороны Верховного Совета, который выступал за сохранение

зоны рубля и в целом настаивал на сохранении пространства СНГ в военном и финансовом смысле.

В результате конфликта 3–4 октября 1993 г. между Верховным Советом и Правительством, который был решен силовым путем, давление парламента исчезло. Реформистское либеральное правительство во главе с премьер-министром Е. Гайдаром настояло на выходе центральноазиатских государств из рублевой зоны (Новости. Останкино. 1993. 3–4 нояб.).

В целом очевидно, что внутренний конфликт в России стал фактором противоречивой позиции. Отдельно необходимо отметить, что в сентябре 1993 г. заместитель министра иностранных дел Российской Федерации А. Адамишин заявил, что Российская Федерация рассматривает Центральную Азию как зону жизненно важных интересов («Красный квадрат». Останкино. 1993. 18 сент.). Тем не менее, в октябре 1993 г. курс на реформы стал более актуальным и геостратегические интересы сместились на периферию.

Процесс государственного строительства в России был конфликтным, и различные группы выступали за разные приоритеты во внутренней и внешней политике. Представительные институты, такие как Верховный Совет, а затем Государственная Дума, настаивали на защите русского населения в бывших советских республиках и более активной политике в СНГ.

Пауза в октябре и декабре 1993 г., когда в стране не было парламента, была использована либеральным правительством Е. Гайдара для решения вопроса зоны рубля. В результате ее сокращения страны Центральной Азии оказались в крайне сложном финансово-экономическом положении, но это стало началом строительства национальных экономик.

Выборы в Государственную Думу в декабре 1993 г. показали, что для избирателей значительно важнее положение русских в бывших советских республиках, так как это касалось родственных связей, вопросов передвижения, безопасности. Политика правительства Е. Гайдара не нашла поддержки в новом парламенте. Напротив, негативный имидж правительства реформаторов стал частью российского политического и даже экспертного дискурса на долгое время. Победа таких партий, как ЛДПР и КПрФ, показала, какая повестка внешней политики будет актуальной.

Несмотря на желание реинтеграции ряда стран Содружества, процесс дезинтеграции в контексте с крахом единой финансово-экономической системы привел к буквальному «разрыву» связей. Постсоветское пространство как единое пространство становилось все более дисфункциональным. Более того, Содружество не стало региональной организацией, несмотря на формальные процедуры и соглашения.

Площадка использовалась для решения таких проблем, как раздел советского наследия. Даже потенциал самого крупного актора — России не был достаточным для поддержания минимального уровня интеграции. Инерция была главным признаком имитируемой реинтеграции.

После принятия Конституции Российской Федерации 1993 г., а также выборов в Государственную Думу внутренняя институциональная среда в России сильно изменилась, создав долгосрочные рамки для основных трендов внутренней и внешней политики. Подобное утверждение касается и основных участников ЕАЭС — Беларуси и Казахстана. С принятием конституций в Казахстане в 1993 и в 1995 гг. конфликт с национальными представительными институтами завершился аналогично — усилением института президентства с акцентом на авторитарные элементы. В Беларуси подобный институциональный замысел был в основном воплощен к 1996 г.

Важным вопросом при создании институциональной структуры политического управления стала проблема разделения власти во внешней политике. Для того чтобы осуществлять процесс интеграции, необходимо определить, кто будет принимать решения о вступлении в союзы и организации, кто будет отдавать часть своей власти, кто будет контролировать этот процесс. Ответ, казалось, был очевиден. Такие серьезные решения должен принимать представительный орган — Парламент или Дума, или Мажилис. Но в случае с Россией, Казахстаном и Беларусью все сложнее.

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., ясно демонстрирует полномочия Президента России в сфере внешней политики количественно и качественно объемными по сравнению с такими известными моделями президентских республик, как в США или во Франции. Широкие экспертные дискуссии в 1990-е гг. относительно конституционных основ государственного строительства показывали, что, несмотря на попытки приблизить модель президентства к западным аналогам, в России и в еще большей степени в Казахстане и Беларуси были созданы суперпрезидентские республики. Особенно это касалось ведения внешней и оборонной политики. Фактически система сдержек носила формальный характер.

При этом возникает ряд вопросов.

В том случае, если государства с суперпрезидентской формой правления создают интеграционное объединение, то та часть власти, которая должна быть отдана наднациональным органам, — это президентская власть?

Какой должна быть институциональная основа региональной евразийской организации в том случае, если страны-участницы обладают такими особенными политическими системами, которые являются пирамидальными, а значит, негибкими?

Несмотря на сверхполномочия, Президент России не мог не учитывать мнение оппозиционной Государственной Думы в 1994—1996 гг. Две важнейшие темы в политике России в отношении СНГ фактически диктовала Дума: 1) положение русскоязычного меньшинства в странах Содружества; 2) непрекращающееся имитирование процесса инициации реинтеграции. Если СНГ как не оправдавший себя проект в связи с фрагментацией оборонного и валютного пространства все больше подвергался критике, то значит возникал все больший спрос на иные интеграционные проекты. В числе таковых стали идеи создания Союзного государства со стороны Беларуси (выдвинутая Президентом А. Лукашенко в 1996 г.) и Евразийского союза государств (выдвинутая Президентом Казахстана в 1994 г.).

Отличительными чертами этих региональных проектов является то, что в первом случае он подразумевал максимальное сближение государств и в итоге создание собственно Союзного государства. Двигателем интеграции помимо белорусского Президента стала Государственная Дума. Своеобразный альянс против Б. Ельцина. Молодой белорусский Президент и Коммунистическая партия Российской Федерации надеялись в короткие сроки восстановить связи в сфере индустрии, транспортной инфраструктуры, а также в военно-стратегической сфере. Проект был почти воплощен, но в 2000 г. политические изменения в России (Президентом России стал В. Путин) повлияли на темпы белорусско-российской интеграции. «Камнем преткновения» стал вопрос о создании валютного союза.

Институциональная структура Союзного государства выстраивалась по образцу СНГ, но с включением парламентского измерения, благодаря активной оппозиции Государственной Думы, где коммунисты пытались реализовать собственную внешнеполитическую повестку. В соответствии с Уставом Союза Беларуси и России в 1997 г. был образован Высший Государственный Совет и Исполнительный комитет Союза. Парламентское собрание уже существовало с 1996 г. Более сбалансированная структура Союзного государства со временем все больше становилась иерархичной с возрастанием роли Высшего Государственного Совета. Об этом свидетельствует распределение полномочий между Высшим Государственным Советом и парламентом Союзного государства в разделе V Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. [4].

Закономерно последствие политического внутреннего институционального дизайна и в России, где также суперпрезидентская власть была сосредоточена в руках нового президента.

Попытка инициировать региональное строительство в рамках Евразии была предпринята Президентом Казахстана. Его лекция в МГУ 29 марта 1994 г. по праву считается началом

введения в политический дискурс понятия евразийского проекта [7]. Но прежде чем начать его реализацию, казахстанскому президенту надо было получить согласие Москвы, так как без России этот проект не имел шансов на реализацию.

Реинтеграционные проекты 1990-х гг., а по сути попытки сохранить отдельные фрагменты постсоветского пространства и трансформировать их в новые союзы, выдвигались на фоне активного процесса европейской интеграции. Европейский союз отстраивал институциональный каркас общей внешней политики в период между Маастрихтским и Лиссабонским договорами.

По заключению И. Болговой, в отношении СНГ это выразилось в выделении отдельного постсоветского департамента Комиссии, который вплоть до 1997 г. не разделял географически регионы бывшего Советского Союза и соответственно не было отдельных штатных единиц. Институционально ситуация изменилась в 2002 г. [2, с. 20]

10 октября 2000 г. в Астане был подписан Договор о создании Евразийского экономического сообщества — ЕврАзЭС. Его до сих пор путают с ЕАЭС из-за похожего названия. Тем не менее, это разные проекты по ряду причин. Во-первых, ЕврАзЭС — идея только казахстанской стороны. Во-вторых, изначально он предполагал включение всех желающих по мере готовности какой-либо страны, в отличие от Союзного государства, которое основано де-факто на эксклюзивных принципах. Как говорится, на официальном информационном ресурсе — это международная экономическая организация, созданная для эффективного продвижения процесса формирования Таможенного пространства и Единого экономического пространства [5].

Странами — основательницами ЕврАзЭС стали Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. С мая 2002 г. статус наблюдателя при ЕврАзЭС имели Украина и Молдова, а с января 2003 г. — Армения.

Политика ЕС выступала в качестве определенного контекста для советской дезинтеграции. Подход поддержания региональной кооперации в случае с постсоветским пространством был отброшен как несоответствующий более сильным дезинтеграционным процессам. Акцент на двустороннее сотрудничество со стороны Европейского союза в рамках программы TACIS, а также политика расширения объективно приводили к завышенным ожиданиям у части постсоветских элит на быструю модернизацию за счет европейской интеграции. С другой стороны, двойственность подходов ЕС объяснялась противоречивыми тенденциями на самом постсоветском пространстве.

Содружество Независимых Государств как форма реинтеграции носила в большей степени имитационный характер, так как

очевидный социальный запрос на сохранение связей между бывшими республиками конвертировался в сохранение ряда элементов общности бывшего единого пространства.

Европейская общая внешняя политика как региональная политика в отношении постсоветского пространства вплоть до 2002 г. формировалась медленно в институциональном плане. Это выражалось в том числе и в отсутствии географического разделения обязанности штатных единиц, отвечающих за отдельные регионы или страны постсоветского пространства. Региональное восприятие стало формироваться только с 2003 г., что отчасти подтверждает гипотезу скорее о реактивности, чем об активности.

Главным трендом являлось национальное строительство. Создавая собственные политические системы, основные участники евразийского пространства (Беларусь, Казахстан и Россия) объективно дистанцировались друг от друга. Внутренний институциональный дизайн предполагал меньшую гибкость при создании интеграционных объединений. Однако идея интеграции и определенные мотивы у политических элит способствовали появлению новых проектов регионального конструирования.

Два проекта — Союзное государство и ЕврАзЭС — вполне можно было бы назвать чем-то вроде прототипов ЕАЭС, но отличием является то, что они предлагались не Россией. Это и есть главный вопрос, почему вплоть до 2011 г. не было регионального проекта от Москвы. И почему он возник именно в это время? Это требует отдельного рассмотрения на позициях исторического институционализма и контекстуального анализа.

После того, как Беларусь и Казахстан предложили и пытались реализовать с разной степенью успешностью свои проекты, в регионе начали происходить события, которые стали причиной опасений российского руководства потерять свое еще немалое влияние на постсоветском пространстве.

Так называемые «цветные революции» в 2003 г. в Грузии, в 2004 г. в Украине и в 2005 г. в Кыргызстане были расценены российским руководством достаточно однозначно как вмешательство во внутренние дела этих государств со стороны США и начало новой геополитической игры на «великой шахматной доске». И в данном случае не имеет значения, какого рода были эти события. Их восприятие российской политической элитой было однозначно негативным и конфликтным. Ключевым эпизодом также является расширение ЕС на Восток.

Список использованных источников

1. Алма-Атинская декларация (21.12.1991 г.) [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. — Режим доступа: <<http://cis.minsk.by/page.php?id=178>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
2. Болгова, И. В. Политика ЕС в Закавказье и Центральной Азии. Истоки и становление / И. В. Болгова; под общ. ред. А. В. Мальгина. — М.: Навона, 2008. — 184 с.
3. Грецкий, И. Европейская политика соседства: нюансы восприятия в России / И. Грецкий, Е. Трещенков // Междунар. процессы. — 2012. — № 3-4 (30-31). — С. 124–133.
4. Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. — Режим доступа: <<http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
5. Евразийское экономическое сообщество. История [Электронный ресурс] // Евразийское экономическое сообщество. — Режим доступа: <<http://www.evrzases.com/about/history>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
6. Ельцин, Б. Записки Президента / Б. Ельцин. — М.: Огонек, 1994. — 512 с.
7. Оригинальный текст выступления Н. А. Назарбаева 29 марта 1994 г. в Московском государственном университете. [Электронный ресурс] // QAZAQSTAN TARİHY. — Режим доступа: <<https://e-history.kz/ru/publications/view/567>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
8. Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции: докл. / Т. Гузенкова (рук. группы экспертов РИСИ) [и др.] [Электронный ресурс] // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. — Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/rus/desk/politika_jevrosojuza_v_otnoshenii_stran_postsovetskogo_prostranstva_v_kontekste_jevrazijskoj_integracii_2015-07-08.htm>. — Дата доступа: 22.12.2018.
9. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (г. Минск, 8 дек. 1991 г.) [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. — Режим доступа: <<http://cis.minsk.by/page.php?id=180>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
10. Устав Содружества Независимых Государств (22.01.1993 г.) [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. — Режим доступа: <<http://cis.minsk.by/page.php?id=180>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
11. Akchurina, V. The European Union, Russia and the Post-Soviet Space: Shared Neighbourhood, Battleground or Transit Zone on the New Silk Road? / V. Akchurina, V. Della Sala // *Europa-Asia Studies*. — 2018. — Vol. 70, N 10. — P. 1543–1551 [Electronic resource] // Taylor & Francis Online. — Mode of access: <<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09668136.2018.1546490>>. — Date of access: 23.12.2018.
12. Buzan, B. *Regions and Powers: The Structure of International Security* / B. Buzan, O. Wæver. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 564 p.
13. Delcours, L. *Shaping the Post-Soviet Space? EU Politics and Approaches to Region-Building* / L. Delcours. — Oxford: Routledge, 2011. — 194 p.
14. Smith, K. *European Union Foreign Policy in a Changing World* / K. Smith. — Cambridge: Polity Press, 2008. — 288 p.
15. Treaty on European Union. I/A/7 [Electronic resource] // European Union. — Mode of access: <https://europa.eu/european-union/sites/europaen/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf>. — Date of access: 26.12.2018.

Статья поступила в редакцию в декабре 2018 г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ВЗГЛЯД ИЗ КАЗАХСТАНА

Таисия Мармонтова

Автор делает попытку проанализировать текущую ситуацию в системе взаимоотношений между Европейским союзом (ЕС) и странами Центральной Азии. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в 2019 г. должна быть принята новая стратегия ЕС по отношению к Центральной Азии.

Центральная Азия представляет собой формирующийся регион. Прошедшие годы после распада СССР стали периодом становления новых независимых государств. В эти годы сформировалась внешняя политика стран региона, определилась геополитическая конфигурация. Европейский союз является значимым игроком. Влияние ЕС на ситуацию в Центральной Азии достаточно серьезно и определяется тремя аспектами, такими как экономика, безопасность и поддержка демократических преобразований.

Ключевые слова: внешняя политика; Европейский союз; стратегия; Центральная Азия.

«Central Asia in the European Union Policy: View from Kazakhstan» (Taissiya Marmontova)

The author tries to analyse the current situation in st of relations between the European Union and Central Asia. The relevance of this research is due to the fact that a new EU strategy should be adopted in relation to Central Asia in 2019.

The article shows that Central Asia is a new emerging region. The past years after the dissolution of the USSR became the period of the new independent states formation. As well as the recent foreign policy of Central Asian States and geopolitical configuration formed at this time. The European Union is an important actor. The European Union's influence in Central Asia is great and defines through such aspects as economy, security and support of democracy.

Keywords: Central Asia; European Union; foreign policy; strategy.

Author:

Marmontova Taissiya — Candidate of History, Deputy Head the Department of Work Regulation and Social Analysis of the «Research Centre JUPITER», Executive Secretary of the Eurasian Association for International Studies, e-mail: marmontova@mail.ru

Research Centre JUPITER. Address: 22, Auezov str., Astana, KAZAKHSTAN

Центральная Азия представляет собой формирующийся регион. Прошедшие годы после распада СССР стали периодом становления новых независимых государств. В эти годы сформировалась внешняя политика стран региона, определилась геополитическая конфигурация.

Можно сказать, что Европейский союз является одним из ключевых партнеров государств Центральной Азии. Влияние ЕС на ситуацию в Центральной Азии достаточно серьезно и в большей степени определяется экономическим фактором.

Целью данной статьи является попытка проанализировать текущую ситуацию в системе взаимоотношений между ЕС и странами

Центральной Азии. Это правомерно в связи с тем, что в 2019 г. должна быть принята новая стратегия ЕС по отношению к Центральной Азии.

Исходя из поставленной цели автор рассматривает комплекс задач, связанных с анализом места Казахстана в системе взаимодействий с ЕС. При этом специфика поставленных задач заключается в аналитическом осмыслении роли крупнейшего интеграционного объединения в геополитической конфигурации в странах Центральной Азии.

Анализируя источниковую базу, отметим ощутимый недостаток исследований комплексного характера, посвященных политике

Автор:

Мармонтова Таисия Викторовна — кандидат исторических наук, заместитель начальника управления нормирования труда и социальных исследований ТОО «Исследовательский центр ЮПИТЕР», исполнительный секретарь Евразийской ассоциации международных исследований, e-mail: marmontova@mail.ru
Исследовательский центр ЮПИТЕР. Адрес: 22, ул. Ауэзова, г. Астана, ВП-1, КАЗАХСТАН

Рецензенты:

Турарбекова Роза Маратовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Селиванов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Евросоюза в регионе Центральной Азии. Одна из таких работ написана авторами из Республики Узбекистан В. Парамоновым, А. Строковым и З. Абдуганиевой [2]. При этом имеется достаточное число работ, связанных с попытками анализа тех или иных аспектов политики ЕС в регионе или в отношении одной из стран. Такие эксперты, как А. Бурханов [1], И. Сидоров [3], в своих статьях проводят детальный анализ европейских интересов в регионе. Солидный хронологический разрыв во времени появления данных документов позволяет видеть эволюцию европейских интересов.

Фактологический материал, характеризующий уровень отношений Центральной Азии и Европейского союза, можно получить, проанализировав документы юридического и правового характера [см., напр.: 6–8].

При работе над данной статьей автор использовал комплекс аналитических методов, принятых в исследовании проблем международных отношений и вопросов внешней политике: ивент-анализ, сравнительный метод, статистический анализ.

Анализ особенностей внешней политики ЕС в Центральной Азии

Стратегия ЕС строится на сбалансированном двустороннем и региональном подходе. ЕС в развитии своей внешнеполитической доктрине в направлении Центральной Азии балансирует исходя из уровня необходимых потребностей.

Двустороннее сотрудничество имеет значение в развитии таких аспектов взаимодействия, как права человека, экономическая диверсификация, энергетика и другие секторальные вопросы.

Региональный подход актуален в разрешении таких вопросов, как борьба с организованной преступностью, трафиком, и пр. В рамках регионального подхода разрешаются также такие вопросы, как межкультурный диалог, миграция, и пр.

Европейский союз можно уверенно считать одним из самых эффективных интеграционных объединений в мире. ЕС объединяет 28 государств, которые производят 28 % мирового ВВП. На его территории проживают около 0,5 млрд жителей.

Основной геополитический интерес для Евросоюза в Центральной Азии состоит в сохранении в регионе стабильности, поддержке ориентации на демократические ценности и модели. Это позволит понизить конфликтность, криминогенный потенциал региона (нелегальная миграция, наркотрафик), сделать более комфортными условия работы европейских компаний в регионе.

Инструментами для реализации поставленных целей являются различного рода программы: ТАСИС и ТЕМПУС, программы модерни-

зации транспортной инфраструктуры региона: ТРАСЕКА и ИНОГЕЙТ.

В преимущественной степени ЕС заинтересован в своем присутствии в Центральной Азии из-за энергетических интересов. Ближний Восток вследствие своей перманентной нестабильности перестает быть по-настоящему надежным партнером в области энергетических взаимодействий. Европейские месторождения могут быть выработаны в ближайшие десятилетия. Таким образом, месторождения, расположенные на Каспии, могут стать одним из главных направлений диверсификации энергоснабжения стран ЕС.

Актуальным направлением сотрудничества является торгово-экономическое взаимодействие. Это подтверждается анализом торговых оборотов между ЕС, Казахстаном и Узбекистаном.

По итогам 2017 г. товарооборот Узбекистана и Евросоюза достиг 2,5 млрд дол. США, из которых 420,7 млн дол. США составляет экспорт. Узбекистан обладает большим потенциалом в экспорте текстильной, плодоовощной, транспортной, электротехнической и другой продукции. Однако существует ряд барьеров, препятствующих росту объемов экспорта [см.: 5].

Согласно официальным данным, в период с января по сентябрь 2018 г. объем взаимной торговли между ЕС и Республикой Казахстан составил 28,6 млрд дол. США, что на 30 % превышает объем внешнеторгового оборота 2017 г. (22 млрд дол. США). Внешняя торговля Казахстана с ЕС занимает 41,9 % от общего объема товарооборота (68,2 млрд дол. США). Доля ЕС увеличивается последние два года (в 2016 г. — 38,4 %) [4]. Однако вопрос состоит в том, что объем экспорта практически в 5 раз больше, чем доля импорта. Доминирует продукция сырьевого сектора, около 90 % продукции, экспортируемой в Европу, — это нефть и нефтепродукты, черные и цветные металлы.

Главными потребителями казахстанского экспорта являются Италия (8,8 млрд дол., +38,2 %), Нидерланды (4,8 млрд дол., +32,7 %), Франция (2,7 млрд дол., +26 %), Испания (1,5 млрд дол., +46,6 %) и Румыния (1,1 млрд дол., +63,8 %). Пиковым в плане импорта стал 2004 г. Тогда ЕС стал главным импортером казахстанской продукции. Объемы импорта Казахстана превысили показатели России — 26 и 14,7 % соответственно [1, с. 26; 4].

Вопросы безопасности составляют третье направление, определяющее европейские интересы в регионе. В контексте роста нестабильности и повышения угрозы радикализации интерес ЕС в недопущении превращения Центральной Азии в еще один очаг нестабильности становится определяющим.

Проблема состоит в том, что Центральная Азия является одним из путей наркотрафика, запрещенных веществ, произведенных в Афганистане, а также основным маршрутом

трафика оружия и людей. К другим вопросам безопасности относятся ядерная сфера и проблемы окружающей среды.

Причем нельзя анализировать перспективы развития отношений между ЕС и странами Центральной Азии исходя из динамики развития взаимодействия между наиболее влиятельными Узбекистаном и Казахстаном.

Кыргызстан представляет интерес исходя из наличия у него богатых водных ресурсов. Опасностью для него является угроза распространения идей радикального ислама из Афганистана и Таджикистана. Для Европы важен факт того, что меры по противодействию экстремизму не должны быть использованы как средство борьбы с политической оппозицией.

Ключевой задачей ЕС в Таджикистане является поддержка в процессе мароэкономического реформирования.

Фактор участия ЕС в развитии отношений с Туркменистаном анализировать достаточно сложно. Несмотря на значительный потенциал и возможности в плане развития энергетической дипломатии, сложно прогнозировать какой-то серьезный прорыв в отношениях с ЕС в связи с особенностями политического режима [см.: 1].

Эволюция политики Европейского союза в Центральной Азии в преддверие принятия новой стратегии

Партнерство ЕС и стран Центральной Азии — важный аспект в системе региональных взаимодействий. Для обеих сторон вопросы сохранения стабильности и процветания делают Европу и Центральную Азию перспективными партнерами.

Доминанты развития внешней политики ЕС в регионе определяются тем, что:

- стратегическое, политическое и экономическое развитие, а также комплекс трансрегиональных проблем в Центральной Азии имеют влияние на уровень отношений;
- с расширением ЕС, активизацией программ сотрудничества происходит сближение внешнеполитических курсов;
- значительные энергетические ресурсы в Центральной Азии делают ее интересной для Европы.

Центральная Азия геостратегически представляет собой возможность для глобальных игроков продвинуться в другие районы Евразийского континента. В настоящее время в активной стадии находятся процессы трансформации Центральной Азии из периферийного региона (где геополитические тенденции вообще не проявлялись) в регион, в котором все настойчивее пересекаются интересы ряда крупных держав и других секторов международной жизни. Центральная Азия как географически, так и экономически и культурно связана с КНР, Турцией, Россией, Кавказом и пр.

Для основной части внерегиональных игроков Центральная Азия интересна именно своим расположением между Россией и Китаем. Кроме того, геополитическое значение региона возрастает ввиду наличия больших запасов энергоносителей, а также крупных залежей полезных ископаемых.

Геополитика региона такова, что в настоящее время «коллективный Запад» в лице ЕС и США теряет свое влияние, уступая авторитету Китая и России. При этом ошибочно считать КНР и Россию абсолютными геополитическими доминантами в регионе. Это связано с изменениями общественных настроений, ростом инерции консерватизма и традиционализма. За десятилетия, которые прошли с момента распада СССР, выросло новое поколение, которое имеет более традиционалистское мировоззрение. Молодое поколение склонно менее полагаться на классический либеральный мировой порядок, носителями которого выступают страны ЕС.

Нужно также отметить, что на падение авторитета ЕС в Центральной Азии оказывает влияние ситуация усиливающихся трений между Россией и Западом. Стоит указать на то, что истеблишмент региона в этом противостоянии находится на стороне России, вследствие лучшего знания и долгой истории взаимодействий. При этом страны Центральной Азии не желают рвать связи с западными странами, которые представляются противовесом России и Китаю, ценятся за качество жизни, образование, науку, технологии и т. д.

В настоящее время подготовка новой Стратегии ЕС в Центральной Азии входит в завершающую стадию. В 2017 г. закончился срок реализации первой стратегии. Объемный документ рассматривал стратегические аспекты взаимодействия в таких сферах, как политические отношения, права человека, а также ставил задачи по развитию сотрудничества в таких отраслях, как энергетическое взаимодействие, водные ресурсы, образование и пр.

В рамках реализации Стратегии — 2007 активность ЕС была максимальной в Таджикистане и Кыргызстане. Реализованы проекты по борьбе с бедностью, содействию экономическому развитию, развитию сельской местности, гендерным вопросам и т. д. В Казахстане Евросоюз нацелен на осуществление проектов сотрудничества в области высшего образования.

Заключение

Итоги первой стратегии ЕС в Центральной Азии следует трактовать как неоднозначные. Нереализованной осталась такая ключевая цель, как демократизация и повышение качества госуправления; неудачей закончились проекты по борьбе с коррупцией и наркотрафиком. В целом за прошедшие де-

сять лет образ Евросоюза, сформировавшийся в Центральной Азии, далек от абсолютно положительного.

Главный недостаток стратегии ЕС заключается в слишком высокой степени абстракции при очевидном недостатке действенных инструментов и низкой заинтересованности центральноазиатских государств в активном взаимодействии. Анализируя политику стран Центральной Азии в европейском направлении, можно сделать вывод о том, что часть совместных образовательных или правовых программ начата только для того, чтобы получить материальную помощь. В итоге, несмотря на привлекательность европейской стратегии для стран Центральной Азии, реализовать ее в полной мере так и не удалось.

Неудачи ЕС в реализации программ взаимодействия на территории Центральной Азии не смогли повлиять на уровень интереса к региону. Наиболее перспективной сферой европейского интереса в Центральной Азии является энергетика. В 2014 г. в связи с мировой тенденцией, связанной с падением мировых цен на углеводороды, конкуренция между основными европейскими поставщиками — Россией, Норвегией и Алжиром — многократно возросла. Кроме того, при данных обстоятельствах в Европе появился новый перспективный игрок — США.

Успех прошлой стратегии не умаляет силу европейской дипломатии. Основная доминанта европейской внешнеполитической доктрины состоит в том, чтобы максимально четко представлять собственный национальный интерес. Традиционно в Центрально-Азиатском регионе Европейский союз стремился содействовать развитию энергетики, экономики, инфраструктуры, безопасности. Остальные элементы европейской политики в сфере образования, государственного управления, прав человека и т. д. будут играть роль настолько, насколько это необходимо для успешной реализации основных целей стратегии.

Таким образом, в рамках развития внешнеполитической стратегии ЕС в Центральной Азии необходимо проработать решение ряда проблем.

В этой связи вопрос о необходимости диверсифицировать импорт энергоресурсов в целях защиты собственного суверенитета и политической стабильности для Европы стал как никогда актуальным. Этот факт и определяет последовательный рост интереса европейцев к альтернативным регионам добычи нефти и газа — Азербайджану, Ирану, Ираку и странам Центральной Азии.

Транспорт и инфраструктура — один из самых актуальных аспектов взаимодействия Европейского союза и Центральной Азии. Новые рынки сбыта продукции — это то, что интересно в Центральной Азии для Европы. Специфическое географическое положение

Центральной Азии обуславливает высокую ценность транзитного потенциала. В перспективе Европа может усилить взаимодействие с Китаем, участвуя в реализации мегапроекта «Один пояс, один путь».

Проблема безопасности, а также вопросы борьбы с угрозами терроризма, исламского фундаментализма и радикализма связаны с тем, что затяжной военно-политический кризис в Сирии стал катализатором распространения экстремистских идеологий и возникновения новых террористических организаций. Центральная Азия, которая находится в непосредственной близости к опасному с точки зрения риска распространения терроризма и радикализма региону, представляется для Европы опасной. Отрицательным фактором является также проблема распространения радикального ислама. Европа, которая неоднократно подвергалась террористическим атакам, является для республик Центральной Азии достойным образцом организации систем национальной безопасности [см.: 3].

Работа над текстом новой стратегии Евросоюза в Центральной Азии продолжается. Сейчас идут переговоры, которые должны завершиться, принятием новой стратегии в 2019 г. Совершенно очевидным является намерение европейцев сделать стратегию более эффективной, пусть и за счет сокращения ее масштаба.

В целом можно предположить, что новый документ будет структурирован в соответствии с формированием политических отношений и отношений в области безопасности. Новая стратегия ЕС также обозначит приоритеты для каждой страны, которые будут служить основными областями сотрудничества: современное общество и программы инклюзивного образования. В региональной части следует указать программы в области энергетики и связи, которые могут быть реализованы в регионе.

Один из вопросов, который необходимо решить до принятия документа, — это достижение согласия по поводу того, каким должно быть присутствие ЕС в Центральной Азии. Успех новой стратегии возможен только в том случае, если будут приняты во внимание такие факторы, как падение интереса США к региону, а также роль, которую Россия и КНР играют в Центрально-Азиатском регионе. Самой эффективной станет стратегия, которая будет сконцентрирована на «мягкой безопасности», образовании и науке, отношениях народов и миграции.

Хотя сами европейцы признают ограниченность собственных возможностей в Центральной Азии, более активная политика Европы в регионе приведет к заметным геополитическим сдвигам и переменам в отношениях между основными региональными игроками — США, Россией и Китаем.

Анализируя перспективы развития отношений между ЕС и странами Центральной Азии, хочется отметить возможность усиления конкурентной борьбы с США в области энергетики. Не исключается обострение противоречий с Россией, что будет на руку США в борьбе за новые рынки сбыта для американских поставщиков в Европе.

Китай является одним из важнейших партнеров для стран Центральной Азии. Последовательная экономическая экспансия Китая, принимая вялотекущий характер для внешней политики Европейского союза, не играет большой роли. Наоборот, это выгодно для европейцев в связи с их намерением заниматься укреплением региональной безопасности и

развитием инфраструктуры и транспортных путей, что является для самого Пекина важной внешнеполитической целью. Наименее выгодна европейская политика в Центральной Азии для России, поскольку ЕС будет стремиться не только ослабить ее позиции на энергетических рынках, но и постепенно нивелировать политическое и идеологическое влияние Москвы в регионе.

При этом не стоит забывать еще об одной существенной особенности европейской внешней политики. Зачастую Евросоюз очень качественно и детально формирует внешнеполитические стратегические концепции, однако далеко не все из них реализуются на практике.

Список использованных источников

1. Бурханов, А. Стратегия Европейского союза в Центральной Азии: успехи и неудачи / А. Бурханов // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 3 (51). — С 18—29.
2. Парамонов, В. В. Влияние Европейского союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз / В. В. Парамонов, А. В. Строков, З. А. Абдуганиева; под общ. ред. В. В. Парамонова. — Алматы: Фонд им. Ф. Эберта, 2017. — 117 с.
3. Сидоров, И. Стратегия ЕС в Центральной Азии 2019: цели, задачи и перспективы / И. Сидоров [Электронный ресурс] // Inozpress: переводы зарубежных СМИ о Кыргызстане и Центральной Азии. — 26.07.2017. — Режим доступа: <<http://inozpress.kg/news/view/id/51616>>. — Дата доступа: 09.12.2018.
4. Товарооборот между Евросоюзом и Казахстаном вырос на 30 % [Электронный ресурс] // Капитал. Центр деловой информации. — Режим доступа: <<https://kapital.kz/economic/73830/tovarooborot-mezhdu-evrosoyuzom-i-kazahstanom-vyros-na-30.html>>. — Дата доступа: 09.12.2018.
5. Узбекистан заинтересован в получении от ЕС новых торговых преференций [Электронный ресурс] // Мосты. Аналитика и новости о торговле и устойчивом развитии. — Режим доступа: <<https://www.icts.org/bridges-news/%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8B/news/%D1%83%D0%B7%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%B7%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD-%D0%B2-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D1%82-%D0%B5%D1%81-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85-%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B9>>. — Дата доступа: 08.12.2018.
6. Council conclusions on the EU Strategy for Central Asia 2015 [Electronic resource] // European Union External Action. — Mode of access: <https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/st_10191_2015_init_en.pdf>. — Date of access: 21.12.2018.
7. Progress Report on the implementation of the EU Strategy for Central Asia Implementation Review and outline for Future Orientations [Electronic resource] // European Union External Action. — Mode of access: <https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/20120628_progress_report_en.pdf>. — Date of access: 05.12.2018.
8. The EU and Central Asia: Strategy for a new Partnership [Electronic resource] // European Union External Action. — Mode of access: <https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/st_10113_2007_init_en.pdf>. — Date of access: 05.12.2018.

Статья поступила в редакцию в декабре 2018 г.

КИТАЙ И ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: ДИАЛОГ ИДЕОЛОГИЙ В НАЧАЛЕ XXI в.

Владислав Фрольцов

Автор выявил и охарактеризовал важнейшие предпосылки сближения позиций руководства КНР и ведущих европейских государств, прежде всего Германии, по ряду актуальных международных проблем. В качестве ключевых предпосылок для такого сближения были выделены не только усиление унилатерализма в политике США после прихода к власти администрации Д. Трампа, но и обозначившиеся после 19-го Всекитайского съезда КПК отдельные сходные идеологические установки. Среди них необходимость обеспечения высоких социальных и экологических стандартов в процессе развития национальных экономик, преодоление бедности и оказание помощи развивающимся странам, приверженность принципам свободной торговли и мультилатерализма в международных отношениях.

Расширение возможностей долгосрочного конструктивного диалога между КНР и европейскими государствами будет способствовать успешной реализации инициативы «Один пояс, один путь» по созданию трансконтинентальной транспортной системы и Евразии.

Ключевые слова: борьба с бедностью; 19-й Всекитайский съезд КПК; инициатива «Один пояс, один путь»; мультилатерализм; помощь развивающимся странам; свободная торговля; социальные и экологические стандарты; унилатерализм.

«China and the European States in the Face of Global Problems: a Dialogue of Ideologies in the Beginning of the XXI Century» (Vladislav Froltsov)

The author defined and characterised the most important prerequisites for rapprochement of the People's Republic of China and leading European states governments' positions, and first of all Germany, on a number of urgent international issues. The key preconditions for such rapprochement were not only a strengthening of unilateralism in the US policy after the administration of Donald Trump came to power, but also some similar ideological positions, which appeared after the 19th National Congress of the Communist Party of China. These include a need to ensure high social and environmental standards in the process of national economies development, an overcoming poverty and assisting developing countries, adherence to the principles of free trade and multilateralism in the International Relations.

The expanding opportunities for a long-term constructive dialogue between the People's Republic of China and the European states will contribute to the successful implementation of the Belt and Road Initiative to create a transcontinental transport system in Eurasia.

Keywords: Belt and Road Initiative; development aid; fight against poverty; free trade; multilateralism; 19th National Congress of the Communist Party of China; social and environmental standards; unilateralism.

Author:

Froltsov Vladislav — Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: vlad.froltsov@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Значительные изменения, произошедшие в 2010-е гг. в общественно-политическом развитии и внешней политике ведущих стран мира, обусловили поиск новых точек соприкосновения во взаимоотношениях между государствами, видение руководством которых путей решения актуальных мировых проблем

ранее значительно различалось. Одним из наиболее заметных проявлений этой тенденции стало фактическое сближение позиций КНР и ведущих стран Европы, прежде всего Германии как экономического и политического лидера ЕС, по целому ряду ключевых вопросов современных международных отношений.

Автор:

Фрольцов Владислав Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: vlad.froltsov@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Острога Виктор Александрович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Гросс Елена Петровна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра истории геополитики Национальной академии наук Беларуси

В наибольшей степени оно обозначилось в последние два года на фоне обострения противоречий между США и их европейскими союзниками, усиления конкуренции США и Китая, роста изоляционистских и популистских настроений во многих влиятельных странах мира. Все эти явления и процессы стали наиболее важными отличительными признаками эволюции системы международных отношений в 2017—2018 гг.

Актуальность изучения такого сближения позиций обусловлена необходимостью выработки новых подходов к характеристике и оценке идеологических установок, которые лежат в основе современной политики КНР и ведущих европейских государств. Они по-прежнему значительно различаются, когда речь идет о таких сложных для достижения консенсуса вопросах, как понимание сущности демократии или оценка соблюдения прав человека. Значительный интерес для исследования представляют те направления диалога, по которым у сторон в последние годы наметились сходные подходы. Их выявление и всесторонняя оценка позволят сформулировать и обосновать развернутый прогноз относительно дальнейшего взаимодействия КНР и ключевых европейских государств как на глобальном уровне, так и в целом ряде важных регионов, к числу которых, безусловно, следует отнести Восточную Европу и Центральную Азию. Оба региона крайне важны для реализации крупномасштабной инициативы по созданию нового Шелкового пути, призванного связать два крупнейших экономических центра: европейский и китайский.

По этой причине определение точек соприкосновения в позициях КНР и ведущих европейских государств по важнейшим вопросам мировой политики и экономики представляет большой интерес для исследователей-международников Республики Беларусь. Наше государство весьма заинтересовано в успешной реализации этой инициативы, дальнейшее развитие которой в значительной мере зависит от характера взаимоотношений между Китаем и ведущими странами Европы. Это предопределило особое внимание белорусских авторов, среди которых необходимо, прежде всего, указать А. М. Байчорова, М. В. Данилович, Ю. И. Малевич, Р. М. Турарбекову, к проблеме определения места и роли Китая в современных международных отношениях с учетом усиления геополитического и геоэкономического соперничества КНР и США на глобальном и региональном уровнях [1—4; 8; 9; 15]. Автор настоящей статьи, в свою очередь, посвятил ряд публикаций динамике германо-китайских отношений в конце XX — начале XXI в. [16; 17]. Следует отметить также диссертацию молодого белорусского исследователя О. П. Рубо, которая проанализировала и детально охарактеризовала внешнеполи-

тический курс ЕС в отношении КНР в 1975—2016 гг., что позволило выделить основные этапы его формирования и эволюции, каждый из которых отличался особым видением места Китая во внешнеполитической повестке ЕС представителями политических элит наиболее влиятельных государств — лидеров европейской интеграции [10].

Усиление унилатерализма во внешней политике США как глобальный вызов

Приход к власти в США президента Д. Трампа ознаменовал не только наличие серьезных проблем системного характера, связанных, прежде всего, с механизмом обновления политической элиты и несовершенством выборной процедуры, в политической системе единственной мировой сверхдержавы. Он также обозначил резкое усиление тех групп американского истеблишмента, которые считали ошибочным внешнеполитический курс всех прежних администраций: от Дж. Буша-старшего до Б. Обамы, нацеленный на всемерную поддержку глобализации, свободы торговли и вовлечения США в многосторонние форматы трансконтинентальной экономической интеграции. Такой подход в силу разных причин разделяли на протяжении 25 лет существования постбиополярного мира как неолибералы, формировавшие идеологическую повестку Демократической партии, так и неоконсерваторы, определявшие внешнеполитическую миссию США в первые годы нынешнего столетия. Им на смену пришли сторонники изоляционизма и протекционизма, которые до недавнего времени находились в Республиканской партии на вторых ролях. Однако структурные диспропорции в экономическом развитии США, вызванные в том числе последствиями глобализации, помогли им изменить партийную идеологию путем обвинений представителей умеренного крыла республиканцев, олицетворением которого стала политическая династия Бушей, в игнорировании национальных интересов США в угоду обязательствам перед американскими союзниками и партнерами.

Понимание современного международного порядка нынешним истеблишментом Республиканской партии основывается на принципах неоклассического реализма, что подразумевает жесткое продвижение воли США и поддержание американской гегемонии путем сдерживания конкурентов и потенциальных противников. В XIX—XX вв. восприятие международных отношений в духе классического реализма как арены столкновения интересов и разрешения противоречий путем демонстрации или применения силы неоднократно приводило к локальным и глобальным военным конфликтам. В начале XXI в. попытки реализации администрацией Д. Трампа его предвы-

борного лозунга «*America First*» («Америка прежде всего») вызвали перманентный конфликт с европейскими союзниками, странами-соседями и обострили отношения с ключевыми геополитическими конкурентами США, прежде всего с Китаем. Весьма характерным в этой связи является содержание Стратегии национальной безопасности США, которая была представлена президентом Д. Трампом 18 декабря 2017 г. В этом программном документе КНР была упомянута более 30 раз и рассматривалась в качестве конкурента и потенциально-го военного противника, который продолжает усиливаться и способен в будущем оспорить глобальное американское лидерство [20].

Ухудшение отношений с Китаем сопровождалось ростом недоверия к политике США со стороны их традиционных союзников и партнеров и, в первую очередь, ведущих европейских государств, обеспокоенных угрозой дестабилизации всей системы международных отношений. Такой результат последовательного отказа администрации Д. Трампа от следования принципу мультилатерализма во внешней политике в очередной раз наглядно продемонстрировал, что видение международных отношений исходя из присущего представителям как классического, так и неоклассического реализма приоритета национальных интересов над международными обязательствами способно помочь решению отдельных актуальных и краткосрочных задач, однако ослабляет позиции государства в мировой политике в долгосрочной перспективе. Так, протекционистские меры администрации Д. Трампа, направленные в 2018 г. против китайского экспорта, обусловили начало длительных переговоров между сторонами, целью которых являлось достижение консенсуса относительно дальнейших условий торговли и ее расширения. На встрече председателя КНР Си Цзиньпина и президента США Д. Трампа в ходе саммита «Группы 20» в Буэнос-Айресе 1 декабря 2018 г. были достигнуты договоренности об отмене ранее введенных в этом году тарифов, отказе от введения дополнительных ограничительных пошлин, а также необходимости немедленно приступить к урегулированию спорных вопросов [7; 14]. Тем не менее, именно односторонние протекционистские меры стали одним из факторов, оказавших негативное влияние не только на нынешнее состояние американо-китайских отношений, но и на стабильность всей мировой экономики.

КНР и европейские государства: общие вызовы и проблемы развития

Признавая значительную роль изменений в политике США в сближении позиций европейских государств и Китая, следует все же обратить внимание на более фундаментальные и долгосрочные причины, обусловившие этот

процесс. Речь идет о целом ряде внутривнутриполитических и внешнеполитических вызовов и рисков, с которыми в начале XXI в. столкнулись эти страны. Среди них можно выделить следующие:

— *замедление темпов экономического роста на фоне расширения социальных обязательств государства, которое вынуждает как европейские страны, так и Китай сосредоточиться на решении застарелых внутренних проблем, связанных с диспропорциями в развитии отдельных регионов, ростом безработицы, неэффективностью программ социальной поддержки населения, усилением демографической нагрузки. Существенным различием является лишь то, что население «депрессивных регионов» уже является дестабилизирующим фактором для внутривнутриполитического развития многих европейских государств, что наглядно продемонстрировали его массовое голосование за «правых» и «левых» популистов на выборах в странах континентальной Европы, а также решительная поддержка выхода Великобритании из ЕС. С учетом специфики политической системы Китая хроническое отставание отдельных регионов может привести к иным формам протестного поведения, эффект от которых, тем не менее, может оказаться таким же негативным, как и в европейских странах;*

— *значительная зависимость от экспорта, которая сближает экономики КНР и ведущих европейских государств, прежде всего ФРГ. Китай она делает уязвимым для протекционистских мер со стороны ключевых импортеров, в первую очередь США. Для европейских экспортеров критически важным является сохранение, а в перспективе и расширение европейской зоны свободной торговли, стабильное развитие которой — необходимое условие роста экспортно ориентированной экономики Германии и ряда других стран. Это фактически предопределяет необходимость оказания помощи в стабилизации более слабых экономик еврозоны, например греческой, что не встречает поддержки со стороны значительной части собственного населения. Характерным примером может послужить создание в 2013 г. в ФРГ правящей популистской «Альтернативы для Германии», которая первоначально выступала против масштабной правительственной программы помощи Греции и другим странам еврозоны, столкнувшимся с серьезными финансовыми проблемами [18, с. 1, 3]. В дальнейшем на фоне миграционного кризиса в Европе эта партия превратилась к выборам в бундестаг 2017 г. в третью по популярности политическую силу ФРГ;*

— в отличие от США экономики как КНР, так и абсолютного большинства европейских государств продолжают в значительной степени зависеть от сырьевого импорта, прежде всего в энергетической сфере, который среди прочих обеспечивают страны, против которых были введены экономические санкции. Примерами являются Россия и Иран. Дальнейшее сохранение, а тем более усиление этих санкций способны не только нанести урон их национальным экономикам, но и вызвать серьезные проблемы у потребителей российского газа в Европе или иранской нефти в Китае. По этой причине сама возможность введения санкций в отношении какой-либо страны рассматривается в КНР как исключительная мера, а руководство ведущих европейских государств вынуждено учитывать в процессе их применения собственные экономические интересы, что позволяет, в частности России, против которой введены санкции ЕС, продолжать строительство второй ветки газопровода «Северный поток», усиливая тем самым позиции на европейском газовом рынке;

— значительной угрозой для Китая и европейских государств явилось усиление центробежных тенденций, обусловленных сложным сочетанием политических, экономических и социальных процессов в ряде регионов. Необходимость сдерживания сепаратистских проявлений, заметно активизировавшихся в 2010-е гг., обусловила фактическое сближение позиций КНР и ведущих европейских стран по вопросу о безусловном уважении принципа территориальной целостности любых государств. И если руководство Китая всегда строго придерживалось этой линии, учитывая существование тайваньской проблемы и непростую ситуацию в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах, то политические элиты европейских государств, которые поддержали одностороннее провозглашение независимости Косово в феврале 2008 г., были вынуждены отказаться от поощрения любых форм сепаратизма, столкнувшись с его многочисленными проявлениями в самой Европе: от Шотландии и Северной Ирландии до Каталонии и областей северной части Италии.

Следует подчеркнуть, что обусловленное наличием схожих рисков и угроз сближение позиций КНР и европейских государств не сопровождалось появлением каких-либо совместных деклараций или иных программных документов, в которых были бы четко зафиксированы совместные подходы к оценке и решению актуальных международных проблем. Вместе с тем в целом ряде случаев правитель-

ства Китая и европейских стран уже готовы действовать согласованно. Это, к примеру, наглядно продемонстрировала ситуация после отказа администрации Д. Трампа в мае 2018 г. соблюдать условия «иранской ядерной сделки», когда и КНР, и ее европейские участники (Великобритания, Франция и Германия) выразили стремление продолжить реализацию одобренного в июле 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий в отношении ядерной программы Ирана.

Кроме того, оба ведущих центра современной мировой политики по-прежнему рассматривают ООН, ее уставные органы и специализированные учреждения в качестве важнейших институтов, обеспечивающих устойчивый и прогрессивный характер развития всей системы международных отношений с опорой на универсальные принципы международного права. Такая позиция существенно отличается от взглядов администрации Д. Трампа, полагающей, что ООН сегодня является малоэффективной структурой, а деятельность отдельных ее учреждений, в частности ЮНЕСКО, противоречит национальным интересам США. Так, государственный секретарь США М. Помпео, выступая на саммите НАТО в Брюсселе в начале декабря 2018 г., подверг критике все современные международные институты и, в частности, ООН и ее специальные учреждения, которые, по мнению администрации Д. Трампа, не соответствуют современным реалиям и интересам национальных государств, под которыми подразумевались, прежде всего, сами США. Это выступление было оценено как очередное свидетельство приверженности нынешнего американского руководства принципу унилатерализма и односторонней политике в пользу продвижения собственных интересов [5].

Наряду с нежеланием признавать такой подход приемлемым для решения актуальных международных проблем позиции руководства КНР и европейских государств сближает также неприятие создания исключительных сфер влияния отдельных держав или их блоков, которые призваны ограничить свободу торговли и создать преференции для одних стран, ограничив сотрудничество с другими. Концепция инициативы «Один пояс, один путь», которая должна охватить все государства Евразии независимо от их внешнеполитических приоритетов или экономических особенностей, исключает любые подобные ограничения.

Общее видение приоритетов глобального развития: устойчивый рост, борьба с бедностью, решение экологических проблем

Описывая долгосрочный характер сближения позиций руководства КНР и ведущих европейских государств по ряду актуальных международных проблем, следует обратить особое

внимание на решения 19-го Всекитайского съезда КПК, который прошел 18–24 октября 2017 г. в Пекине и обозначил важные коррективы в видении приоритетных направлений дальнейшего социально-экономического развития КНР.

В конце XX — начале XXI в. основной упор в Китае был сделан на обеспечение ускоренных темпов прироста ВВП, увеличение экспорта и привлечение иностранных инвестиций путем создания наиболее благоприятных условий для размещения зарубежного капитала, что в целом соответствовало либеральному пониманию эффективности экономики, несмотря на присущее КНР активное участие государства в ее регулировании. Издержками такого пути были усиление социального неравенства, существенные диспропорции в развитии прибрежных и континентальных провинций, резкое ухудшение экологической ситуации в промышленно развитых регионах. Китайская внешнеэкономическая стратегия вызывала определенные опасения у правительств европейских государств, которые традиционно гарантировали населению своих стран высокий уровень социальной защиты, неся при этом значительные экономические издержки. Приток на рынки государств Европы дешевой, но качественной китайской продукции, обеспеченной низкой стоимостью рабочей силы в КНР, воспринимался в этой связи как потенциальная угроза для местных производителей.

Так, в основном программном документе нынешнего правительства ФРГ во главе с канцлером А. Меркель — коалиционном договоре ХДС/ХСС и СДПГ «Новый путь для Европы. Новая динамика для Германии. Новое единство для нашей страны» («*Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land*»), который был подписан руководителями всех трех правящих партий в Берлине 12 марта 2018 г., указывалось, что, несмотря на внушительные перспективы сотрудничества с Китаем, который продолжает демонстрировать высокий темп экономического роста, Германия должна учитывать определенные риски. Открыть рынок ФРГ и ЕС для китайской продукции новое правительство А. Меркель было готово только на основе принципа взаимности и с учетом необходимости обеспечения и защиты стратегических германских и общеевропейских интересов. В отношении китайской инициативы по созданию трансконтинентального нового Шелкового пути руководство Германии призвало выработать совместную позицию государств — членов ЕС для отстаивания европейских интересов в ходе ее реализации с опорой на финансовый потенциал ФРГ и всей объединенной Европы [19, s. 153].

Отказ руководства КНР от форсирования темпа прироста ВВП, который подразумевал неизбежное расширение экспорта, в пользу

устойчивого развития национальной экономики, борьбы с бедностью и укрепления внутреннего рынка, выравнивания региональных диспропорций, решения экологических проблем дает возможность постепенно изменить представление о Китае как источнике дешевого и всепроникающего экспорта, который может стать угрозой для производителей стран Европы. Исходя из этого следует предположить, что новые приоритеты в развитии КНР после проведения 19-го Всекитайского съезда КПК создадут дополнительные возможности для диалога между Китаем и европейскими государствами, правительства которых в настоящее время исходят из общего представления о необходимости поддержания высоких социальных и экологических стандартов и обеспечения устойчивого и поступательного развития национальных экономик.

Далеко не случайно одним из наиболее важных достижений периода реформ в Китае, которые были начаты по инициативе Дэн Сяопина в 1978 г., называют сегодня борьбу с бедностью. В результате политики реформ и открытости из состояния бедности вышли 740 млн китайцев, что означает, как подчеркнуло ведущее издание КНР «Жэньминь жибао», что каждый день в течение прошедших 40 лет от нищеты избавлялось более 50 тыс. жителей Китая. Указывалось также, что доход на душу населения в китайской деревне вырос за эти годы почти в 100 раз. Среди экологических достижений называлось увеличение площади лесных угодий на более 1,3 млрд му, или почти 2 млрд га [6].

Выступая на 19-м Всекитайском съезде КПК, председатель КНР Си Цзиньпин обозначил такие важные задачи в процессе построения «прекрасного Китая», как стимулирование зеленого, низкоуглеродного и рециркуляционного развития национальной экономики, борьба с различными видами загрязнения окружающей среды, реформирование и усиление системы экологического мониторинга и контроля [12].

Реализация этих неотложных мер с использованием новейших технологий и передового европейского опыта может стать одним из перспективных направлений сотрудничества с ведущими государствами Европы, которые столкнулись с негативными последствиями интенсивного индустриального развития еще в середине XX в. и приложили значительные усилия для их преодоления. Новая экологическая повестка дня Китая способна, к примеру, укрепить отношения с ФРГ с учетом того, что немецкая партия «Союз 90/Зеленые» к концу 2018 г. уверенно занимала второе место по популярности среди всех политических сил, набирая 19–20 % голосов потенциальных избирателей [21]. По этой причине она вполне может стать ведущей партией в новой правящей коалиции после очередных выборов в бундестаг в 2021 г.

Не менее важной для будущего диалога представляется приверженность обоих ведущих центров мировой экономики принципу свободной торговли. Европейские государства и Китай не рассматривают односторонние протекционистские меры в качестве эффективного инструмента защиты национальных производителей в условиях глобализации, полагая, что их продукция окажется конкурентоспособной на мировом рынке. В докладе на 19-м Всекитайском съезде КПК председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что его страна готова «поддерживать многостороннюю торговую систему, активизировать создание зон свободной торговли, стимулировать развитие мировой экономики открытого типа», что соответствует государственной политике Китая, нацеленной на открытость внешнему миру. Все эти принципы будут также положены в основу международного сотрудничества в ходе реализации инициативы «Один пояс, один путь», среди преимуществ которой были названы взаимосвязанность инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала. Председатель КНР пообещал наращивать помощь развивающимся и особенно наименее развитым странам в целях сокращения разрыва в развитии глобальных Юга и Севера [13].

Важность решения этой проблемы признают и правительства ведущих европейских государств, особенно на фоне обострившегося в последние годы миграционного кризиса. В качестве примера можно привести изложенное в коалиционном соглашении четвертого правительства А. Меркель 2018 г. совместное предложение ХДС/ХСС и СДПГ разработать план по оказанию помощи странам Африки по аналогии с послевоенным планом Маршалла для самой Европы. Его реализация совместно с партнерами Германии по ЕС призвана внести вклад в преодоление бедности и проведение структурных реформ на этом континенте [19, с. 160–161]. Необходимость оказания помощи другим странам в борьбе с бедностью была еще раз подчеркнута в ходе выступления председателя КНР Си Цзиньпина на 26-м саммите АТЭС в Порт-Морсби 17 ноября 2018 г. При этом руководитель Китая вновь констатировал, что в любой конфронтации, включая торговую войну, настоящих победителей не будет [11].

Заключение

Тенденция сближения позиций КНР и ведущих государств Европы, наиболее заметно обозначившаяся в 2017–2018 гг. на фоне резкого усиления унилатерализма и изоляционизма во внешней политике США, безусловно, требует дальнейшего детального исследования с привлечением значительного объема дополнительного фактографического материала. Его всесторонний анализ и систематизация позволят определить, насколько устойчивой и длительной окажется эта тенденция в рамках нынешней трансформации системы международных отношений, обусловленной структурными изменениями и долгосрочными процессами в мировой политике, экономике, демографии, научно-технологической сфере.

Вместе с тем нельзя не отметить, что и европейские государства, и Китай столкнулись сегодня с целым рядом глобальных вызовов, которые предопределяют необходимость постоянного и конструктивного диалога на основе принципов мультилатерализма и поиска новых точек соприкосновения в решении актуальных международных проблем как на глобальном уровне, так и в рамках обеспечения безопасности и стабильности в отдельных регионах. Это не только позволит обеспечить основанный на принципах свободной торговли новый уровень взаимодействия между двумя ведущими центрами мировой экономики, но и будет способствовать укреплению государственных институтов и национальных экономик стран Восточной Европы и Центральной Азии. Они способны стать важными элементами формирующейся евразийской трансконтинентальной транспортной системы в рамках реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь».

Для Республики Беларусь расширение диалога между КНР и ведущими европейскими государствами предоставит новые возможности для укрепления многовекторного внешнеполитического курса, обеспечения мирного и устойчивого развития на всем евразийском пространстве, активизации взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества с Китаем и европейскими странами.

Список использованных источников

1. Байчоров, А. М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке / А. М. Байчоров. — М.: Междунар. отношения, 2013. — 192 с.
2. Байчоров, А. М. Шанхайская организация сотрудничества в контексте Экономического пояса Шелкового пути / А. М. Байчоров // Материалы «круглого стола» по инновациям в международных исследованиях, посвященного 15-летию образования Шанхайской организации сотрудничества (31 марта 2016 г.) / сост. и науч. ред. Е. А. Достанко. — Минск: БГУ, 2016. — С. 21–26.
3. Данилович, М. В. Стратегическая инициатива КНР «Экономический пояс Шелкового пути»: исторические предпосылки в Центральной Азии / М. В. Данилович // Шелковая дипломатия (Дипломатия Абрешимі / Silk Diplomacy). — 2017. — № 1 (54). — С. 27–33.
4. Данилович, М. В. Факторы формирования стратегической инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» / М. В. Данилович // Россия — Китай: история и культура: сб. ст. и докл. участников 10-й междунар. науч.-практ. конф. — Казань: Изд. Акад. наук Респ. Татарстан, 2017. — С. 157–160.

5. Егисман, В. «Новая реальность» глобального миропорядка / В. Егисман [Электронный ресурс] // Голос Америки. — 2018. — 8 дек. — Режим доступа: <<https://www.golos-ameriki.ru/a/pompeo-multilateralism/4692054.html%5C>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
6. Изменения за 40 лет в Китае в цифрах [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао он-лайн. — 2018. — 24 дек. — Режим доступа: <<http://russian.people.com.cn/n3/2018/1225/c31518-9531549.html>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
7. КНР и США достигли консенсуса по торгово-экономическим вопросам [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао он-лайн. — 2018. — 2 дек. — Режим доступа: <<http://russian.people.com.cn/n3/2018/1202/c31520-9524428.html>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
8. Малевич, Ю. И. Концепция диверсификации стратегического потенциала стран АТР до 2020 года / Ю. И. Малевич // Научные труды РИВШ. — Минск: БГУ, 2014. — С. 110—117.
9. Малевич, Ю. И. Политические механизмы стабилизации роста потенциала КНР в современных условиях / Ю. И. Малевич // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2009. — № 4. — С. 64—67.
10. Рубо, О. П. Внешнеполитический курс Европейского союза по отношению к Китайской Народной Республике (1975—2016 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / О. П. Рубо; БГУ. — Минск, 2018. — 26 с.
11. Си Цзиньпин: «В конфронтации, будь то в форме “холодной войны” или торговой войны, победителей не будет» [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао он-лайн. — 2018. — 17 нояб. — Режим доступа: <<http://russian.people.com.cn/n3/2018/1117/c95181-9519496.html>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
12. Си Цзиньпин: необходимо форсировать реформу системы экологической цивилизации, построить «прекрасный Китай» [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао он-лайн. — 2017. — 18 окт. — Режим доступа: <<http://russian.people.com.cn/n3/2017/1018/c31521-9281746.html>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
13. Си Цзиньпин призвал неизменно идти по пути мирного развития, стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао он-лайн. — 2017. — 18 окт. — Режим доступа: <<http://russian.people.com.cn/n3/2017/1018/c31521-9281710.html>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
14. Совместное продвижение здорового и стабильного развития китайско-американских отношений [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао он-лайн. — 2018. — 3 дек. — Режим доступа: <<http://russian.people.com.cn/n3/2018/1203/c95181-9524711.html>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
15. Турарбекова, Р. М. Новые акценты политики КНР в Центральной и Восточной Европе: возможности для Беларуси. Аналитическая записка № 2 / Р. М. Турарбекова [Электронный ресурс] // Минский диалог. — 2017. — 23 мар. — Режим доступа: <<http://minskdialogue.by/research/analytcs-notes/novyje-aktcenty-politiki-knr-v-tcentralnoi-i-vostochnoi-evrope-vozmozhnosti-dlia-belarusi>>. — Дата доступа: 26.12.2018.
16. Фрольцов, В. В. Германо-китайские отношения: проблемы и перспективы / В. В. Фрольцов // Беларусь — Китай: история, традиции, опыт, перспективы: тр. Междунар. конф. (Минск, 23—26 июня 2008 г.). Вып. 3. В 2 ч. Ч. 2 / редкол.: И. А. Малевич [и др.]. — Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2008. — С. 105—114.
17. Фрольцов, В. В. Перспективы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в публикациях германских экспертов: основные подходы / В. В. Фрольцов // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. / сост. Е. А. Достанко; редкол.: А. М. Байчоров (гл. ред.) [и др.]. Вып. 2. — Минск: БГУ, 2014. — С. 165—167.
18. Alternative für Deutschland. Wahlprogramm. Parteitagbeschluss vom 14.04.2013. — 4 S.
19. Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. — Berlin, 2018. — 179 S.
20. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. — Washington, D.C., 2017. — 56 p.
21. Wenn am nächsten Sonntag Bundestagswahl wäre ... [Electronic resource] // Sonntagsfrage Bundestagswahl. — 2018. — 13—22 Dec. — Mode of access: <<https://www.wahlrecht.de/umfragen/>>. — Date of access: 26.12.2018.

Статья поступила в редакцию в декабре 2018 г.

«ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО» И ЕГО ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Александр Тихомиров

В статье проанализированы основные результаты взаимодействия Республики Беларусь с Европейским союзом (ЕС) в контексте осуществления инициативы «Восточное партнерство». Обращено внимание на то, что «Восточное партнерство» являлось элементом политики соседства ЕС и его основные параметры определяли именно европейские политики. В отношении Беларуси цели ЕС в рамках «Восточного партнерства» заключались в изменении основ внутренней и внешней политики белорусских властей (внутренняя либерализация и ослабление влияния России). Для белорусского руководства приоритетными направлениями в развитии сотрудничества с ЕС в рамках «Восточного партнерства» являлись развитие торгово-экономического сотрудничества, получение финансовой помощи со стороны Евросоюза, реализация совместных энергетических и транспортных проектов. Важным (но не приоритетным) элементом переговоров являлся вопрос облегчения перемещения граждан Беларуси и ЕС. В статье определены основные периоды взаимодействия Беларуси и ЕС в рамках «Восточного партнерства». Констатируется, что различие позиций сторон снизило эффективность их взаимодействия. К началу 2019 г. Беларусь и ЕС не смогли юридически закрепить основные приоритеты партнерства, значительно увеличить объем торговли товарами, решить проблему перемещения белорусских граждан в страны ЕС. В целом «Восточное партнерство» не рассматривалось белорусскими властями в качестве первоочередного приоритета внешней политики.

Ключевые слова: внешняя политика; «Восточное партнерство»; Европейский союз; политика соседства; Республика Беларусь; торговля; экономика.

«Eastern Partnership and its Importance for Belarus» (Alexander Tikhomirov)

The article analyses the main results of the cooperation between the Republic of Belarus and the European Union (EU) under the Eastern Partnership (EaP) initiative. The author emphasises the fact that the Eastern Partnership was an element of the EU policy and that the European politicians were those who defined its parameters. In relation to Belarus the principal objectives of the EU under the EaP were to change the basis of the internal and foreign policy of the Belarusian authorities (internal liberalisation and weakening of the Russian influence). For the Belarusian leadership the priorities in the cooperation within the European Partnership were the development of the trade and economic cooperation, obtaining financial support from the European Union and realisation of the joint projects in the spheres of energy and logistics. An important element of the negotiations was the issue of the facilitation of the Belarusian and EU citizen's movement (yet it was not a priority). Periodisation of the cooperation of the EU and Belarus under the European Partnership framework is presented in the article. The author concludes that the difference of the parties' positions reduced the effectiveness of their cooperation. By the beginning of 2019 Belarus and the EU have not been able to legally bind the main priorities of the partnership, drastically increase the trading volume and solve the problem of the movement of the Belarusians to the EU states. In general, the Eastern Partnership was not considered as a foreign policy highest priority by the Belarusian authorities.

Keywords: Eastern Partnership; economy; European Union; foreign policy; neighbourhood policy; Republic of Belarus; trade.

Author:

Tikhomirov Alexander — Candidate of History, Associate Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: tikhomirov@list.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Автор:

Тихомиров Александр Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: tikhomirov@list.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Селиванов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Володькин Андрей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

26 мая 2008 г. Польша и Швеция предложили разработать новую программу соседства для государств СНГ, которая получила название «Восточное партнерство» (далее — ВП) и начала действовать с 2009 г. Действие программы было распространено и на Беларусь.

В последующие годы белорусские и зарубежные исследователи пытались оценить результативность ВП в целом и применительно к Беларуси. Общие оценки ВП в целом совпадали. В частности, директор Центра европейских исследований Университета Абериствута Е. Коростелева утверждала, что реализация ВП предполагала преодоление проблемы легитимности Европейской политики соседства (ЕПС) и должна была подвинуть соседей на более тесное сотрудничество с ЕС, но при этом унаследовала от ЕПС логику «договорного соглашения» с «однонаправленным потоком ЕС-директив» постсоветским государствам [21, с. 25].

В свою очередь, профессор факультета международных отношений СПбГУ Н. Межевич высказывал мнение, что инициатива ВП является политическим проектом, призванным продемонстрировать универсальность европейских ценностей и эффективность политической организации. Он утверждал, что «целью проекта Евросоюза «Восточное партнерство» никогда не было и не могло быть повышение уровня жизни населения стран-участников, равным образом не ставилась и задача подготовки к вступлению в ЕС. Ставилась важная задача — втянуть как можно больше стран, имеющих выбор интеграционного вектора, в бесконечную гонку за критериями соответствия тем или иным европейским нормам» [28].

Польский исследователь Р. Чахор, напротив, считал, что инициатива ВП была направлена на снижение уровня политической и экономической напряженности на восточном фланге ЕС. Он подчеркивал, что соответствующая инициатива возникла благодаря новым членам Евросоюза, но смогла осуществиться на практике благодаря поддержке государств Западной Европы [54, с. 302—303].

Этот подход разделял и белорусский исследователь П. Барахвостов, который утверждал, что политика ЕС в отношении стран — участниц ВП была нацелена на формирование «кольца» политически и экономически стабильных государств, разделяющих с ЕС общие ценности и имеющих сходные внешнеполитические приоритеты. Создание такого «кольца», по его мнению, укрепляло безопасность Европейского союза и повышало его роль как глобального и регионального игрока [2, с. 4].

Более вариативными были оценки результативности воздействия ВП на Беларусь. Соответствующая проблематика нашла отражение в работах белорусских исследователей П. Барахвостова [1; 2], П. Бригадина, Н. Веремевой, Д. Ротмана [5], Е. Достанко [11; 12], А. Ка-

закевича, А. Володькина, А. Филиппова [17], С. Кизимы [18], В. Конобеева [19], Ю. Лукашевича [23], Д. Мельянцова [29—35], П. Морозова [36], А. Русаковича [45; 46], В. Шадурского [53], российских ученых О. Неменского [37], В. Перельмута [43], Е. Трещенкова [51; 52], польских авторов Р. Чахора [54], Е. Тымановского [55].

Большинство белорусских исследователей оценивали возможности и результаты сотрудничества Беларуси с ЕС в рамках ВП оптимистично, обращая внимание на заинтересованность европейцев в модернизации и стабилизации Беларуси и ослаблении ее зависимости от России. В их работах присутствовали суждения о том, что такое сотрудничество придает белорусской внешней политике реальную многовекторность и способствует сближению Беларуси с государствами — членами ЕС и со странами СНГ, нацеленными на обретение членства в Евросоюзе. Вместе с тем некоторые исследователи (к примеру, Е. Достанко) обращали внимание на то, что Республика Беларусь находится в наименее выгодном положении по сравнению с другими странами ВП в силу субъективности европейской политики [11, с. 34].

Российские исследователи признавали, что взаимодействие в рамках ВП способствует расширению диалога между Беларусью и ЕС, и указывали на то, что участие в ВП позволяет Беларуси воздействовать на Россию [51, с. 124].

Польские исследователи, напротив, оценивали результативность участия Беларуси в ВП скептически. Они утверждали, что инициатива ЕС стала демонстрацией готовности европейских политиков к диалогу с белорусскими властями, но, в конечном счете, не сопровождалась усвоением белорусами европейских ценностей и не привела к снижению российского влияния в Беларуси.

Таким образом, с учетом 10 лет, прошедших с момента возникновения ВП и подключения к нему Республики Беларусь, существует потребность еще раз обратиться к проблеме взаимодействия Республики с ЕС в рамках ВП в 2008—2018 гг.

Цель данной статьи заключается в раскрытии общих характеристик и особенностей взаимодействия Республики Беларусь с государствами — членами ЕС в контексте реализации политики «Восточное партнерство».

Исследовательские задачи сводятся к следующему:

- выявить особенности подключения Беларуси к инициативе ВП, определить основные цели ее участия в соответствующем проекте;
- выделить основные этапы взаимодействия Беларуси с ЕС в контексте реализации инициативы ВП в 2008—2018 гг.;
- оценить результативность участия Беларуси в ВП и выявить факторы, оказывающие воздействие на параметры сотрудничества Бе-

ларуси с Евросоюзом в контексте интересов сторон.

Подключая Республику Беларусь к ВП, европейские политики исходили из того, что курс на ее изоляцию, который осуществлялся с 1997 г., в итоге оказался неэффективным. В частности, польский МИД в 2008 г. отмечал, что изоляция Беларуси «усиливает авторитарный режим А. Лукашенко и способствует его дрейфу в сторону Москвы» [37, с. 157]. В пользу подключения Беларуси к ВП сыграли отказ белорусского руководства признать де-юре независимость Абхазии и Южной Осетии и освобождение ряда лиц, которых европейские политики считали политзаключенными.

В апреле 2009 г. министр иностранных дел Чехии К. Шварценберг вручил Президенту Республики Беларусь официальное приглашение принять участие в учредительном саммите «Восточного партнерства» в Праге. На учредительном саммите ВП в мае 2009 г. белорусскую сторону представляли министр иностранных дел С. Мартынов и вице-премьер В. Семашко.

В 2009–2010 гг. белорусские дипломаты представили ЕС ряд конкретных предложений по развитию взаимодействия в рамках ВП. В перечень проектов вошли развитие инфраструктуры панъевропейских транспортных коридоров (коридора № 2 «Варшава — Минск — Москва», коридора № 9 «Клайпеда — Вильнюс — Минск — Киев»), обустройство границ, восстановление водного пути Днепр — Висла — Одер, стыковка энергосистем бывшего СССР и ЕС путем строительства новых трансграничных линий электропередачи, улучшение экологической ситуации в бассейнах трансграничных рек и т. п. [53, с. 43]. Белорусские предложения поддержали Литва (государство — член ЕС) и Украина. Белорусская сторона также подчеркивала, что сотрудничество с ЕС не должно быть направлено против интересов третьих стран.

Однако представители ЕС и отдельные европейские политики во главу угла ставили политические аспекты, добиваясь изменения внутренней политики Беларуси. В перечень их требований входило изменение избирательного законодательства и характера проведения выборов, изменение практики работы со СМИ, упрощение условий регистрации неправительственных организаций, обеспечение прав граждан на свободу собраний [3].

Таким образом, уже на этапе запуска ВП просматривалось явное несовпадение позиций сторон по стратегическим аспектам сотрудничества. Европейский союз не признал белорусскую экономику рыночной, не отменил торговые ограничения, введенные в отношении Беларуси в предшествующие годы, не оказал белорусскому государству поддержки по присоединению к Всемирной торговой организации и не воспрепятствовал введению в

действие газопровода «*Nord Stream*» («Северный поток»), который ограничивал возможности Беларуси выступать в качестве транзитного энергетического звена между Россией и ЕС. Не удалось решить до конца 2010 г. и проблему перемещения белорусских граждан в страны ЕС на основе облегчения визового режима.

В 2010 г. Европейский союз открыто увязал перспективы развития сотрудничества с Беларусью с исходом президентских выборов, намеченных на декабрь этого же года. В ноябре 2010 г. Европейский комиссар по вопросам расширения и политики добрососедства ЕС Ш. Фюле заявил, что ЕС сможет подписать с Республикой Беларусь Совместный промежуточный план («дорожную карту» сотрудничества) лишь в случае одобрения результатов выборов БДИПЧ ОБСЕ [53, с. 44].

Финал белорусских президентских выборов в декабре 2010 г. спровоцировал «заморозки» в отношениях Республики Беларусь с ЕС, что сказалось и на результатах взаимодействия в рамках ВП. В частности, в феврале 2011 г. Европарламент решил не приглашать представителей Беларуси на первое заседание парламентского объединения ВП (ЕВРОНЕСТ). В свою очередь, белорусские парламентарии приостановили процесс ратификации соглашения о «малом приграничном движении» с Польшей, Литвой и Латвией, подписанных в 2010 г. (соглашение с Латвией все же вступило в силу в 2012 г., но вопрос о «малом приграничном движении» с Польшей и Литвой не был решен к концу 2018 г.).

Коллизия возникла и при проведении первого саммита ВП в Варшаве 29–30 сентября 2011 г. Организаторы саммита отказались направить официальное приглашение Главе белорусского государства и не санкционировали участие в мероприятии посла Республики Беларусь в Польше В. Гайсёнка. После этого белорусская сторона вообще отказалась от участия в работе саммита [15].

В 2012 г. белорусско-европейские отношения продолжали развиваться в конфронтационном русле. В феврале 2012 г. послы стран ЕС в очередной раз демонстративно покинули Минск в знак солидарности с Польшей, которую белорусские власти обвинили во вмешательстве во внутривнутрибелорусские дела [16]. В том же году из-за непреодолимых политических разногласий были закрыты посольства Швеции в Беларуси и Беларуси в Швеции (деятельность посольств возобновилась лишь в 2016 г.). В сентябре 2012 г. Евросоюз отказался признать легитимными результаты парламентских выборов в Беларуси, сославшись на то, что они не соответствовали стандартам ОБСЕ и не были свободными и справедливыми [34, с. 91].

Из конфронтационного состояния отношения Беларуси с ЕС начали выходить в 2013 г. В феврале указанного года министр иностран-

ных дел Республики Беларусь В. Макей принял участие во второй встрече неформальных министерских диалогов государств — участников ВП в Тбилиси, призвав соблюдать основополагающие принципы ВП, учитывать интересы всех стран-партнеров и наполнить инициативу ЕС конкретным практическим содержанием [39]. Намерение сделать взаимодействие с европейскими государствами в рамках ВП более активным и результативным было подтверждено на очередной неформальной встрече министров иностранных дел государств — участников ВП в Ереване в сентябре 2013 г. [40].

29 ноября 2013 г. В. Макей на саммите ВП в Вильнюсе подчеркнул, что инициатива ЕС не должна представлять собой инструмент геополитического соперничества и противопоставляться отношениям Беларуси с Россией и другими странами — участницами евразийского интеграционного объединения, а взаимодействие с государствами — членами ЕС нужно выстраивать на основе равноправия и взаимной выгоды для всех [10].

Осуществляя диалог с Евросоюзом, белорусское руководство придерживалось установки о возможности и желательности «интеграции интеграций». Однако нарастание конфронтации в отношениях России с Украиной и поддержавшим ее Евросоюзом в конце 2013 — начале 2014 г. сделало реализацию данной установки невозможной.

Белорусская сторона пыталась поспособствовать урегулированию конфликта в отношениях между Россией и ЕС. В августе 2014 г. в Минске прошли переговоры с участием представителей ЕС, Украины, Беларуси, России и Казахстана, на которых были обсуждены вопросы взаимодействия между ЕС, ЕАЭС и Украиной [7]. Летом 2014 г. белорусская столица стала местом проведения переговоров по урегулированию конфликтной ситуации в Украине. В Брюсселе и других европейских столицах положительно оценили отказ официального Минска де-юре признать факт включения Крыма в состав Российской Федерации и оказать поддержку сепаратистам в Донбассе. В феврале 2015 г. в рамках встречи руководителей государств — участников «нормандского формата» по урегулированию конфликта в Украине Минск постелили Федеральный канцлер ФРГ А. Меркель и Президент Франции Ф. Олланд.

В мае 2015 г. В. Макей принял участие в саммите ВП в Риге. Он в очередной раз высказался за диалог между странами ЕС и ЕАЭС и призвал страны ЕС сконцентрировать усилия на реализации совместных экономических проектов [9]. В латвийской столице состоялись также консультации между Беларусью и ЕС по вопросам модернизации и была обсуждена возможность упрощения визовых процедур и реадмиссии.

В октябре 2014 г. структуры Евросоюза приостановили действие санкций, ранее введенных в отношении официального Минска. В 2015 г. это решение было подтверждено. В 2016 г. большинство ограничений, ранее введенных в отношении белорусских политиков и бизнесменов, было отменено. Итоги президентских и парламентских выборов, состоявшихся в Беларуси в 2015 и 2016 гг., не привели к ухудшению ее отношений с ЕС.

Расширился политический диалог между официальным Минском и представителями Еврокомиссии и отдельных европейских государств. Наиболее активным он был с Австрией, Германией, Италией, Латвией, Польшей, Словакией, Эстонией. Положительные изменения наблюдались в отношениях с Францией, Испанией и Швецией.

В 2016 г. для структурированного диалога по всему спектру взаимодействия между Республикой Беларусь и ЕС была создана Координационная группа. К началу 2019 г. она провела шесть заседаний (заседания Координационной группы проходили дважды в год). С 2015 г. Беларусь и ЕС осуществляли также Диалог по правам человека.

24 ноября 2017 г. В. Макей вновь возглавил белорусскую делегацию на саммите ВП в Брюсселе, призвав европейцев к сближению европейской и евразийской интеграций и повышению внимания к практическим формам сотрудничества регионального значения в сферах транспорта, энергетики и совместимости [8].

В 2018 г. взаимодействие Беларуси и ЕС на дипломатическом уровне стало еще более активным. Несколько раз (в январе, июне и октябре 2018 г.) Минск посещал Европейский комиссар по вопросам расширения и политики добрососедства Й. Хан. Результатами визитов стали обсуждение «дорожной карты» сотрудничества Беларуси и ЕС на 2018—2020 гг., выделение приоритетов сотрудничества (к таковым были отнесены эффективное управление, экономическое развитие, транспорт, энергетика, борьба с негативными изменениями климата, человеческие контакты). Была также достигнута договоренность о продолжении переговоров о либерализации визового режима и диалога по правам человека [4, с. 31].

31 мая 2018 г. Высокий представитель ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности Ф. Могерини встретила с В. Макеем. На встрече было обсуждено состояние дел относительно переговоров по новым, индивидуально разработанным приоритетам партнерства ЕС и Беларуси и достигнута договоренность об ускорении их завершения. Ф. Могерини подтвердила, что Европейский союз привержен обеспечению стабильного, демократического и процветающего будущего для Беларуси на благо ее народа и будет продолжать работать со всеми заинтересо-

ванными сторонами над достижением этой цели. Представители Евросоюза выразили намерение начать первую общенациональную коммуникационную кампанию в Беларуси, призванную обратить внимание на положительные результаты сотрудничества с ЕС для белорусов и проинформировать их о конкретных результатах реализации проектов в области экономического роста, энергоэффективности и здравоохранения, финансируемых ЕС [27].

Евросоюз сохранял значимость в качестве внешнеторгового и инвестиционного партнера Беларуси. В 2017 г. Европейский банк реконструкции и развития допустил возможность расширения операций в Беларуси как за счет новых направлений и форматов совместной работы, так и путем наращивания финансирования по уже имеющимся проектам [38]. Интерес к сотрудничеству с Беларусью проявил и Европейский инвестиционный банк (ЕИБ). В мае 2017 г. он заключил соглашение с правительством Беларуси, выразив готовность профинансировать ряд инфраструктурных проектов (международные транспортные коридоры, муниципальная инфраструктура, энергетика, водоотведение, экология). Первым проектом, осуществленным с помощью ЕИБ, должна была стать модернизация автодороги от Минска до литовской границы с обустройством пропускного пункта «Каменный Лог» на белорусско-литовской границе [14]. В 2018 г. ЕИБ подключился к реализации проекта по реконструкции и модернизации центральной очистной станции Минска, выделив на эти цели 84 млн евро. ЕИБ также предоставил финансовую помощь Белгруппобанку (50 млн евро) и Беларусбанку (25 млн евро) для реализации проектов, связанных с финансированием малого и среднего бизнеса. В 2019 г. банк выразил готовность предоставить Беларуси около 260 млн евро [41].

Однако следует признать, что, несмотря на определенные положительные изменения, прорыва в отношениях Беларуси с ЕС за последние годы достичь не удалось. Расширившийся диалог затронул преимущественно дипломатическую сферу, в то время как контакты на высшем уровне государственной власти и управления остались сдержанными. После посещения Италии в 2015 г. Президент Республики Беларусь не осуществлял визиты в государства — члены ЕС. В 2017 г. он отказался от участия в работе саммита ВП в Брюсселе, хотя формально имел такую возможность.

В свою очередь, представители европейских структур и отдельных стран — членов Евросоюза в 2014—2018 гг. продолжали рассматривать белорусскую политическую модель как несовершенную с точки зрения соответствия европейским ценностям и правилам. Они призывали к реформе белорусского избирательного законодательства, введению моратория

на применение смертной казни, изменению политики белорусского руководства в отношении СМИ [25; 42]. Однако такие рекомендации были неприемлемыми для белорусских властей, стремившихся сохранить сформированную в прежние годы модель развития. В июне 2018 г. на встрече с Европейским комиссаром по вопросам расширения и политики добрососедства Й. Ханом Глава белорусского государства выразил намерение увязывать трансформацию белорусского общества со степенью открытости ЕС для Беларуси, прежде всего в сфере экономики [24]. В октябре 2018 г. на открытии заседания Основной группы Мюнхенской конференции по безопасности, собравшейся в Минске, он заметил: «Нам говорят, что Европа заинтересована в суверенитете Беларуси. При этом отдельные наши западные партнеры в восторге от позиции Минска по Абхазии и Южной Осетии, по Крыму и Донбассу. Однако, как только доходит до конкретных вопросов взаимодействия, то у нас, оказывается, есть проблемы с правами человека» [26].

В условиях очередной «оттепели» Беларусь и Евросоюз так и не смогли сформировать полноценную договорно-правовую базу сотрудничества, юридически закрепить Приоритеты партнерства (по неофициальной информации, задержка с определением Приоритетов партнерства была обусловлена позицией Литвы) [20].

Нерешенным оставался вопрос об упрощении допуска белорусских граждан в страны ЕС. В 2015 г. белорусское руководство разрешило гражданам ЕС посещать без виз Беловежскую пушу, в 2016 г. — Августовский канал, Гродно и Гродненский район (срок разрешенного безвизового пребывания составлял 10 суток). В 2017 г. безвизовый режим сроком до 5 суток был предоставлен гражданам ЕС при условии их прибытия в Беларусь через Национальный аэропорт «Минск». В 2018 г. срок безвизового пребывания увеличился до 30 суток.

Евросоюз приветствовал соответствующие решения белорусского руководства, но не спешил отвечать взаимностью. Более того, в рассматриваемый период посольства стран ЕС стали переходить на процедуру выдачи виз для белорусов через специальные визовые центры, что привело к дополнительному повышению стоимости виз. Облегчение визового режима страны ЕС увязывали с заключением соглашения о реадмиссии и повышением гарантий безопасности для владельцев белорусских дипломатических паспортов. Оптимальным, с точки зрения европейцев, был бы переход на выдачу биометрических паспортов всем категориям белорусских граждан, но белорусское правительство отказывалось пойти на такой шаг, ссылаясь на дороговизну изготовления большого количества паспортов [13].

Дополнительные нюансы в переговорный процесс относительно облегчения визового режима вносила позиция отдельных государств — членов ЕС. К примеру, Польша увязывала подписание соглашения об облегчении визового режима с увеличением количества сотрудников польской дипмиссии в Минске, а белорусская сторона с этим не соглашалась, выражая опасение, что польские дипломаты будут выдавать белорусам не столько визы, сколько «карты поляка» [31; 44].

Противоречивыми выглядели результаты экономического взаимодействия Беларуси с ЕС. Европейский союз оставался в числе наиболее значимых торговых и инвестиционных партнеров белорусского государства. По товарообороту в 2017 г. он занимал вторую позицию после России (в целом на ЕС приходилось 23 % от общего объема внешней торговли Беларуси), а по объему иностранных инвестиций, поступивших в Беларусь, — первую позицию [6, с. 64, 67]. В феврале 2017 г. структуры ЕС отменили квоты на белорусский текстиль, действовавшие с 1993 г. Однако объем торговли товарами между Беларусью и ЕС в конце второго десятилетия XXI в. был ниже, чем в его начале: на пике конфронтации в 2011 г. он составлял 24,5 млрд дол. США, на начальном этапе нормализации отношений в 2015 г. — 14,4 млрд, а в благополучном с политической точки зрения 2017 г. — 14,5 млрд [48, с. 212; 49, с. 212; 50, с. 242]. В экспортных поставках преобладали нефтепродукты и сырая нефть. В 2011 г. на их долю приходилось 25,4 % экспорта из Беларуси в страны ЕС, в 2015 г. — 19 %, в 2017 г. — 13,3 % [6, с. 261; 49, с. 218; 50, с. 246].

Проблемы сохранялись и при реализации совместных энергетических проектов. В 2018 г. страны Прибалтики и Польша фактически отказались от энергетического сотрудничества с Беларусью, отдав предпочтение созданию «энергокольца», соединенного с континентальными энергосетями ЕС (предположительно, отсоединение от энергосетей Беларуси и России произойдет в 2025 г.) [47]. Серьезным «раздражителем» в отношениях Беларуси с Литвой стала проблема строительства Белорусской АЭС в Островце, причем литовская сторона настойчиво стремилась вовлечь Евросоюз в энергетический спор с Беларусью.

Не удалось реализовать в рамках ВП и масштабные проекты с участием государств СНГ, находившихся в партнерских отношениях с ЕС. Каждое из этих государств осуществляло взаимодействие с ЕС самостоятельно, без учета интересов и возможностей других стран-партнеров. Эта линия поведения стала определяющей после подписания Украиной, Грузией и Молдовой соглашений об ассоциации с ЕС в 2014 г.

В целом можно сделать следующие выводы.

1. ВП представляло собой соседскую инициативу ЕС, и его основные параметры определяли политики государств — членов Евросоюза. Во главу угла соответствующей инициативы были положены критерии сближения европейских государств — участников СНГ с Европейским союзом, т. е. политические аспекты. ВП объективно не предполагало равноправного диалога с государствами-партнерами и выстраивалось по «евроцентричной» схеме, которая ранее успешно использовалась при выстраивании отношений ЕС с государствами Центральной и Восточной Европы, нацеленными на обретение членства в ЕС. При этом вовлечение Беларуси в ВП в значительной мере было связано со стремлением европейских политиков изменить белорусскую политическую систему в желательном для себя духе и поспособствовать отделению Беларуси от России.

2. Для белорусского руководства при присоединении к ВП превалирующими являлись возможности расширения сотрудничества с ЕС в сферах экономики и энергетики, получения европейских инвестиций и технологий. Политический интерес заключался в расширении возможности маневрирования на мировой арене, придании белорусской внешней политике реальной многовекторности. Однако реализовывать на практике пожелания европейцев об изменении внутренней и внешней политики белорусского государства официальный Минск не спешил.

3. Особенности подходов Беларуси и ЕС к проблематике сотрудничества в рамках ВП предопределили периодизацию взаимодействия. Можно выделить три периода:

а) 2008 — конец 2010 гг. — период формирования основ сотрудничества в рамках ВП;

б) конец 2010 — 2012 гг. — период охлаждения в отношениях Беларуси и ЕС, сузивший возможности двустороннего взаимодействия;

в) 2013—2018 гг. — период нормализации отношений Беларуси с ЕС, расширения дипломатического диалога, поиска взаимоприемлемого формата сотрудничества.

4. Несмотря на некоторые позитивные изменения в отношениях, произошедшие после 2013 г., Беларусь и ЕС к началу 2019 г. не смогли сформировать полноценную договорно-правовую базу, юридически закрепить Приоритеты партнерства, урегулировать проблему облегчения допуска в Евросоюз белорусских граждан и «малого приграничного движения». Существенных изменений не претерпела структура торговых операций Беларуси и ЕС, совместные инвестиционные проекты сохраняли «точечный» характер. Европейский союз не воспринял предложение белорусской стороны о выстраивании сотрудничества на основе идеи «интеграции интеграций».

5. Нежелание обеих сторон поступать по принципам предопределило недостаточно высокую эффективность сотрудничества Беларуси и ЕС, включая их взаимодействие в рам-

ках ВП. Для белорусского руководства более важными направлениями внешней политики являлись участие в евразийских интеграционных процессах и поддержка китайской иници-

ативы «Один пояс, один путь». В свою очередь, европейские политики предпочитали выстраивать отношения с «передовиками» ВП — Украиной, Грузией и Молдовой.

Список использованных источников

1. Баряхвостов, П. А. От санкций к диалогу / П. А. Баряхвостов // Беларус. думка. — 2016. — № 11. — С. 74—79.
2. Баряхвостов, П. А. Участие Республики Беларусь в «Восточном партнерстве» (2013—2016 гг.) / П. А. Баряхвостов // Дипломатия Беларуси: прошлое и настоящее: сб. материалов науч. семинара (Минск, 16 марта 2016 г.) / под ред. А. В. Русаковича. — Минск: БГУ, 2016. — С. 4—8.
3. Бенита Ферреро-Вальднер: «Восточное партнерство» — осознанный выбор ЕС [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. — 07.05.2009. — Режим доступа: <<https://p.dw.com/p/HlQf>>. — Дата доступа: 27.05.2018.
4. Борко, Ю. А. Восточное партнерство: проект, реальность, будущее / Ю. А. Борко. — М.: Ин-т Европы РАН, 2018. — 70 с.
5. Бригадин, П. Беларусь в контексте Европейской политики: между ЕС и Россией / П. Бригадин, Н. Веремеева, Д. Ротман // Восточное партнерство: проблемы и перспективы / под науч. ред. Е. Коростелевой. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. — С. 130—169.
6. Внешняя торговля Республики Беларусь: стат. сб. — Минск: Б.и., 2017. — 389 с.
7. Встреча президентов стран таможенной «тройки», Украины и высоких представителей Евросоюза, 26 авг. 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — 26.08.2014. — Режим доступа: <http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-prezidentov-stran-tamozhennoj-trojki-ukrainy-i-vysokix-predstavitelej-evrosojuza-9627/>. — Дата доступа: 26.12.2018.
8. Выступление Министра иностранных дел Беларуси В. Макея на пленарной сессии саммита Восточного партнерства «Достижения после Рижского саммита и новые приоритеты» (Брюссель, 24 нояб. 2017 г.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — 25.11.2017. — Режим доступа: <<http://mfa.gov.by/press/statements/a5a8140c6164bce4.html>>. — Дата доступа: 05.12.2017.
9. Выступление министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея на пленарной сессии саммита инициативы «Восточное партнерство» (Рига, 22 мая 2015 г.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — 23.05.2015. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/db9a711dc650d31.html>. — Дата доступа: 23.12.2018.
10. Выступление министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея на пленарном заседании саммита «Восточного партнерства» (Вильнюс, 29 нояб. 2013 г.) (пер. с англ. яз.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — 29.11.2013. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/ee9cf823287b46c4.html>. — Дата доступа: 12.12.2018.
11. Достанко, Е. А. Республика Беларусь и ЕС: сотрудничество в рамках Восточного партнерства в 2008—2009 гг. / Е. А. Достанко // Беларусь в современном мире: материалы VIII Междунар. конф., посвящ. 88-летию образования Белорус. гос. ун-та (30 окт. 2009 г.) / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Тесей, 2009. — С. 34—35.
12. Достанко, Е. А. Республика Беларусь и ЕС: сотрудничество в рамках «Восточного партнерства» / Е. А. Достанко // Проблемы управления. — 2010. — № 1. — С. 236—241.
13. Дубина, Ю. Безвиз для белорусов: Минск хочет больше, чем способен дать Евросоюз? / Ю. Дубина [Электронный ресурс] // Беларус. праўда. — 21.06.2017. — Режим доступа: <<https://belprauda.org/bezviz-dlya-belarusov-minsk-hochet-bolshe-chem-sposoben-dat-evrosoyuz/>>. — Дата доступа: 21.12.2018.
14. Европейский инвестиционный банк собирается финансировать белорусский малый бизнес [Электронный ресурс] // Select.by. Все банки Беларуси. — 01.12.2017. — Режим доступа: <<https://select.by/content/view/13937/>>. — Дата доступа: 01.12.2018.
15. Заявление Министерства иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — 01.10.2011. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/b9843f846435be1c.html>. — Дата доступа: 12.10.2018.
16. Заявление начальника управления информации — пресс-секретаря МИД Андрея Савиных в связи с решением Совета ЕС [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — 28.12.2012. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/a61ec799fco9f2a3.html>. — Дата доступа: 28.12.2018.
17. Казакевіч, А. Беларусь у рэгіёне краін Усходняга партнёрства (1992—2012 гг.) / А. Казакевіч, А. Валодзькін, А. Філіпаў. — Вільнюс; Мінск: Ін-т паліт. дасл. «Палітычная сфера», 2014. — 35 с.
18. Кизима, С. Белорусские интересы в Восточном партнерстве / С. Кизима // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 4 / Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2016. — С. 240—243.
19. Конобеев, В. «Восточное партнерство»: перспективы и скрытые смыслы / В. Конобеев // Беларус. думка. — 2009. — № 7. — С. 46—50.
20. Коровенкова, Т. Что мешает Минску и Брюсселю подписать соглашение о приоритетах партнерства / Т. Коровенкова [Электронный ресурс] // Naviny.by: белорусские новости. — 05.10.2018. — Режим доступа: <<https://naviny.by/article/20181005/1538717261-cto-meshaet-minsku-i-tryusselyu-podpisat-soglasenie-o-prioritetah>>. — Дата доступа: 15.10.2018.
21. Коростелева, Е. Восточное партнерство: новая возможность для стран-соседей? / Е. Коростелева // Восточное партнерство: проблемы и перспективы. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. — С. 10—41.
22. Литвинюк, А. И. Трансграничное сотрудничество и «Восточное партнерство» как инструменты взаимодействия Республики Беларусь и Европейского союза / А. И. Литвинюк // Республика Беларусь — Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства / А. А. Коваленя [и др.]; под ред. Л. Ф. Евменова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. — Минск: Беларус. навука, 2013. — С. 322—336.
23. Лукашевич, Ю. В. Эволюция подходов ЕС к Беларуси. Перспективы и возможности сотрудничества / Ю. В. Лукашевич // Проблемы управления. — 2010. — № 3. — С. 142—146.
24. Лукашенко, А. Г. Встреча с еврокомиссаром по европейской политике соседства и переговорам о расширении ЕС Йоханнесом Ханом / А. Г. Лукашенко [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — 21.06.2018. — Режим доступа: <http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-evrokomissarom-po-evropejskoj-politike-sosedstva-i-peregovoram-o-rasshirenii-es-johannesom-xanom-18968/>. — Дата доступа: 21.06.2018.
25. Лукашенко настаивает, чтобы Европейский союз открылся для Беларуси [Электронный ресурс] // Sputnik Беларусь. — 21.06.2018. — Режим доступа: <<https://sputnik.by/politics/20180621/1036145505/lukashenko-nastaivaet-chtoby-evrosoyuz-otkrylsya-dlya-belarusi.html>>. — Дата доступа: 21.06.2018.

26. Лукашенко, А. Г. Открытие встречи Основной группы Мюнхенской конференции по безопасности / А. Г. Лукашенко [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — 31.10.2018. — Режим доступа: <http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/otkrytie-vstrechi-osnovnoj-gruppy-mjunixenskoj-konferentsii-po-bezopasnosti-19782/>. — Дата доступа: 31.10.2018.
27. Макей встретился в Брюсселе с вице-президентом Еврокомиссии Федерикой Могерини [Электронный ресурс] // TUT.by: белорусский портал. — 31.05.2018. — Режим доступа: <<https://news.tut.by/economics/595043.html>>. — Дата доступа: 31.12.2018.
28. Межевич, Н. «Утром деньги — вечером стулья», или «Восточное партнерство» перед рижским саммитом / Н. Межевич [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — 14.05.2015. — Режим доступа: <<http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/utrom-dengi-vecherom-stulya-ili-vostochnoe-partnerstvo-pered/>>. — Дата доступа: 18.12.2018.
29. Мельянцов, Д. Беларусь — Европейский союз: количество не переходит в качество / Д. Мельянцов // Белорус. ежегодник. 2017. — Вильнюс: Логвинаў, 2017. — С. 74—82.
30. Мельянцов, Д. Беларусь — Евросоюз: второе издание «разрядки» / Д. Мельянцов // Белорус. ежегодник. 2016. — Вильнюс: Логвинаў, 2016. — С. 80—91.
31. Мельянцов, Д. Координационная группа Беларусь — ЕС: на западном фронте без перемен / Д. Мельянцов [Электронный ресурс] // Наше мнение. — 21.12.2018. — Режим доступа: <<https://nmnby.eu/news/analytics/6772.html>>. — Дата доступа: 25.12.2018.
32. Мельянцоў, Дз. Беларусь — Еўрапейскі саюз: напярэдадні чарговага пацяплення / Дз. Мельянцоў // Белорус. ежегодник. 2013. — Минск: Логвинов, 2014. — С. 88—96.
33. Мельянцоў, Дз. Беларусь — Еўрапейскі саюз: новы парадокс дня на фоне ўкраінскага крызісу / Дз. Мельянцоў // Белорус. ежегодник. 2014. — Вильнюс: Логвинаў, 2015. — С. 73—82.
34. Мельянцоў, Дз. У тупіку: развіццё адносінаў Беларусі з Еўрапейскім саюзам / Дз. Мельянцоў // Белорус. ежегодник. 2012. — Минск: Белорус. ин-т стратег. исследований, 2013. — С. 85—93.
35. Мельянцоў, Дз. У ценю 19 снежня: развіццё адносінаў Беларусі з Еўрапейскім саюзам / Дз. Мельянцоў // Белорус. ежегодник. 2011. — Минск: Белорус. ин-т стратег. исследований, 2012. — С. 69—77.
36. Морозов, П. А. Восточное партнерство: перспективы реализации и выгоды для Беларуси / П. А. Морозов // Беларусь и современная Европа: политика, экономика, культура: материалы науч. семинаров 2008—2009 гг. / редкол.: А. Зам, В. Балакирев, В. Улахович. — Минск: Тесей, 2010. — С. 26—40.
37. Неменский, О. Б. Участие Белоруссии в программе Восточного партнерства ЕС в контексте восточной политики Польши / О. Б. Неменский // Славян. альманах. — 2017. — № 3—4. — С. 155—177.
38. О встрече Министра иностранных дел Беларуси В. Макея с делегацией Европейского банка реконструкции и развития [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 14.09.2017. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/c00789bc998531b7.html>. — Дата доступа: 21.12.2018.
39. Об участии В. Макея в неформальной встрече глав МИД стран — участниц «Восточного партнерства» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — 13.02.2013. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/df8ac672afabd973.html>. — Дата доступа: 23.12.2018.
40. Об участии Министра иностранных дел Беларуси В. Макея в неформальной министерской встрече стран — участниц ВП [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — 13.09.2013. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f236a7510802d747.html>. — Дата доступа: 12.09.2018.
41. Опорный банк Евросоюза пришел в Беларусь. Готов выделять по 200 млн евро в год [Электронный ресурс] // TUT.by: белорусский портал. — 21.11.2018. — Режим доступа: <<https://news.tut.by/economics/616339.html>>. — Дата доступа: 21.11.2018.
42. Отношения Беларусь — ЕС: справочный материал [Электронный ресурс] // European Union External Action. — 01.11.2017. — Режим доступа: <https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/35851/Отношения-ЕС-Беларусь-Справочный-материал>. — Дата доступа: 01.12.2018.
43. Перельмут, В. В. Политический аспект участия Республики Беларусь в программе «Восточное партнерство» / В. В. Перельмут // Политика и общество. — 2013. — № 4. — С. 428—434.
44. Посол Польши о внешней политике Беларуси, Куропатах и скандале на Белсате [Электронный ресурс] // TUT.by: белорусский портал. — 21.12.2018. — Режим доступа: <<https://news.tut.by/economics/618901.html>>. — Дата доступа: 13.12.2018.
45. Русакович, А. В. Беларусь — Европейский союз: основные проблемы партнерства / А. В. Русакович // Актуальныя пытанні беларуска-польскіх адносін: да 20-годдзя Дагавора паміж Рэспублікай Польшча і Рэспублікай Беларусь аб добрасуседстве, сяброўстве і супрацоўніцтве ад 23 чэрвеня 1992 г.: матэрыялы беларус.-поль. «круглага стала» / рэд-кал.: В. Г. Шадурскі [і інш.]. — Мінск, БДУ, 2012. — С. 80—86.
46. Русакович, А. В. Политика Европейского союза в отношении постсоветских государств Восточной Европы в 2004—2014 гг. / А. В. Русакович, П. А. Барахвостов // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2014. — № 4. — С. 9—15.
47. Страны Балтии подписали соглашение о синхронизации энергосетей [Электронный ресурс] // Sputnik Латвия. — 29.06.2018. — Режим доступа: <<https://m.lv.sputniknews.ru/Baltics/20180629/8688462/baltic-states-poland-ecropdpsali-soglashenie-sinhronizatsii-elktrosetey.html>>. — Дата доступа: 23.12.2018.
48. Таможенная статистика внешней торговли Республики Беларусь: бюл. / Гос. тамож. комитет Респ. Беларусь. — 2011. — Январь—декабрь. — Минск: Белтаможсервис, 2012. — 226 с.
49. Таможенная статистика Республики Беларусь: бюл. / Гос. тамож. комитет Респ. Беларусь. — 2015. — Январь—декабрь. — Минск: Белтаможсервис, 2016. — 254 с.
50. Таможенная статистика внешней торговли Республики Беларусь: бюл. / Гос. тамож. комитет Респ. Беларусь. — 2017. — Январь—декабрь. — Минск: Белтаможсервис, 2018. — 267 с.
51. Трещенков, Е. Ю. «Восточное измерение» политики соседства Европейского союза: возникновение и эволюция / Е. Ю. Трещенков // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. — 2010. — Вып. 4. — С. 118—129.
52. Трещенков, Е. Ю. Эволюция политики соседства Европейского союза в отношении Беларуси, Молдовы и Украины (2003—2010 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Ю. Трещенков. СПб., 2011. — 26 с.
53. Шадурский, В. Г. Беларусь в «Восточном партнерстве»: поиск баланса интересов / В. Г. Шадурский // Восточная Европа. Перспективы. — 2011. — № 1. — С. 39—48.
54. Czachor, R. Polityka zagraniczna Republiki Białoruś w latach 1991—2011. Studium politologiczne / R. Czachor. — Polkowice: Wydawnictwo Dolnośląskiej Wyższej Szkoły Przedsiębiorczości i Techniki w Polkowicach, 2011. — 351 s.
55. Tymanowski, J. Rola i znaczenie Republiki Białoruś we współczesnej Europie / J. Tymanowski. — Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2017. — 245 s.

Статья поступила в редакцию в декабре 2018 г.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Александра Нечай, Екатерина Столярова

Статья посвящена изучению современных тенденций и противоречий в развитии мировой экономики, которые формируют контуры новой глобальной экономической реальности. Рассмотрены такие вопросы, как усиление процессов антиглобализации, увеличение разрыва в технологичности экономик различных стран, цифровизация и финансовализация мировой экономики, увеличение влияния КНР в мире. В результате исследования данных вопросов авторы делают вывод о том, что в дальнейшем построение мирового интегрированного порядка будет зависеть от учета всех рассмотренных тенденций и решения возникающих противоречий.

Ключевые слова: антиглобализация; глобализация; мировая экономика; технологичность экономики; финансовализация мировой экономики; цифровизация мировой экономики.

«World Economy: New Trends and Contradictions» (Alexandra Nechay, Katsiaryna Staliarova)

This article is devoted to the investigation of the modern trends and contradictions in the development of the world economy, that form the contours of the new global economic reality. There is a set of questions raised in the article, among them are enhancement of the processes of antiglobalisation, growing gap in the technological level of development between the economies of different countries, digitalisation and financialisation of the world economy, growing role of China in the world. The main conclusion of the research is that further development of the world integrated order will depend on the accounting of the existing trends and solving of the appeared contradictions.

Keywords: antiglobalisation; financialisation of the world economy; globalisation; level of the technological development of the economy; world economy; world economy digitalisation.

Authors:

Nechay Alexandra — Candidate of Economy, Associate Professor of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: alex.nechay40@gmail.com

Staliarova Katsiaryna — Candidate of Economy, Associate Professor of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: e.staliarova@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

На рубеже XX—XXI вв. в развитии мировой экономики стали рельефнее проявляться новые тенденции и противоречия, анализ которых позволяет в определенной степени обозначить контуры формирующейся новой глобальной экономической реальности.

Отслеживание ключевых трендов развития мировой экономики учеными разных стран позволило выявить такие принципиально важные явления как старение населения в экономически развитых странах, рост спроса на квалифицированный человеческий капитал, освоение «нетрадиционных» источников

энергии. Наблюдавшийся довольно успешный экономический рост мировой экономики в докризисный период в перспективе может натолкнуться на естественный ограничитель — последствия глобального прироста населения и масштабов его потребления, а также на ущерб, наносимый окружающей среде. Дисбалансы мировой экономики, неравномерность и непредсказуемость глобального развития многими исследователями и политиками отмечаются как главная характеристика современности, проявляющаяся на глобальном, региональном и отраслевом уровнях. Таким образом, цель

Авторы:

Нечай Александра Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: alex.nechay40@gmail.com

Столярова Екатерина Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: e.staliarova@gmail.com

Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Юрова Наталья Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Якушенко Ксения Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Маркетинг» факультета маркетинга, менеджмента, предпринимательства Белорусского национального технического университета

данной статьи — рассмотрение современных тенденций и противоречий развития мировой экономики.

Значительный научный вклад в исследование мирохозяйственных проблем современности внесли российские и зарубежные ученые. Так, группа ученых Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е. М. Примакова РАН и Группы стратегического прогнозирования Атлантического совета подготовили совместный научный доклад, посвященный анализу глобальной системы на переломе (под редакцией А. Дынкина, директора ИМЭМО, и доктора М. Барроуза, директора Группы стратегического прогнозирования Центра международной безопасности имени Брента Скоукрофта Атлантического совета) [1]. Основные мегатренды эволюции мирового развития исследовались в трудах Т. А. Шаклеиной и А. А. Байкова [3]. Те или иные тренды и противоречия в мировой экономике рассматривались также в отчетах международных организаций (например, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая опубликовала свое видение развития мировой экономики до 2060 г., обозначив ряд уже вырисовавшихся тенденций [20], Всемирного банка, в отчете которого ежегодно оцениваются перспективы мировой экономики, в том числе отдельных регионов [13], Всемирного экономического форума, в рамках деятельности которого в том числе разработана карта глобальных рисков [18]), исследовательскими центрами при государственных и межгосударственных органах (например, в блоке исследовательского центра Европейского парламента представлены глобальные тренды до 2035 г.) [15], консалтинговыми компаниями (например, *AT Kearney* [9], *McKinsey* [22], которые изучали вопросы развития экономик в условиях глобальных изменений).

В настоящее время принципиально важное значение приобретает анализ модели экономического роста, складывающейся в посткризисный период, когда существенное значение приобретают новые тенденции, которые в том или ином виде были рассмотрены в рамках указанных выше исследований. Среди этих тенденций авторы данной статьи выделили те, которые, по их мнению, будут оказывать наиболее важное влияние на качественные изменения в мировой экономике в будущем. К таким тенденциям относят усиление процессов антиглобализации, увеличение разрыва в технологичности экономик различных стран, цифровизацию и финансиализацию мировой экономики, увеличение влияния КНР в мире. Именно данным тенденциям и связанным с ними противоречиям уделено внимание в настоящей статье.

Усиление процессов антиглобализации

Преодоление мировым сообществом кризисных явлений, порожденных внутренними и международными экономическими и социальными факторами, происходит в условиях глобальной нестабильности и неопределенности будущего развития. Массовую миграцию, снижение жизненного уровня, рост безработицы, распространение протекционизма, национализма и антиглобалистских настроений и другие явления некоторые западные экономисты и политики стали воспринимать как «конец глобализации». Например, такой точки зрения придерживается Д. Родрик. Речь идет не об отказе от самой глобализации, контуры которой были определены еще в 1980-е гг., а об отрицании, на их взгляд, «несправедливого» типа глобализации [см.: 16].

Такая рыночная оценка глобализационных процессов с позиций выигравших и проигравших связана с фактическим «провалом» того типа глобализации, который «был скроен по лекалам вашингтонского консенсуса» и привел к углублению социального неравенства и усилению межстрановых диспропорций. Как известно, плодами финансовой либерализации и заключения множества соглашений о свободной торговле воспользовались в первую очередь КНР и Южная Корея, нарастившие свой экспорт. В то же время у США внешняя торговля товарами становилась все более дефицитной (только в период с 2010 по 2016 г. отрицательное сальдо США в торговле с КНР увеличилось в 1,3 раза) [23; 24].

Обвинив Мексику в «перетягивании» на ее территорию американских предприятий, приведшем к сокращению рабочих мест в США, американская администрация взяла курс на сворачивание инвестиционной деятельности своих компаний и перенесение производств в США, ввод запретительных пошлин на импорт автомобилей мексиканской сборки. Требования глубокой реформы Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), борьба с миграцией вызвали сильное противодействие со стороны не только латиноамериканского общества, но и части американских компаний, имеющих активы в Латинской Америке.

Протекционистская политика администрации США проявилась в выступлении против участия в интеграционном блоке в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), вызвав беспокойство по поводу судьбы Транстихоокеанского партнерства (ТТП). В итоговой декларации саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) (Лима, 2016 г.), в работе которого приняли участие первые лица Австралии, КНР, Мексики, США, России, Японии, была отмечена обеспокоенность проявлениями протекционизма, а также такими серьезными проблемами мировой экономики,

как неравномерность экономического роста, увеличение социального неравенства, деградация окружающей среды. В ответ на протекционизм США продекларирована договоренность поддерживать открытые национальные рынки и бороться со всеми проявлениями протекционизма.

Кроме того, в Лимскую декларацию был внесен пункт о поддержке членами АТЭС предложения Пекина создать экономическую зону свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ЗСТАТ), не включив туда США. Иначе говоря, дальнейшая эволюция интеграционных процессов на пространстве АТР создает целый комплекс неопределенностей.

Политика США в Европе, направленная на формирование интеграционного мегаблока Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства в целях доступа на наукоемкие рынки государств этого региона, вызывает серьезные опасения. Европа обеспокоена тем, что мощные американские ТНК, связанные с самыми перспективными секторами экономики, потеснят европейских конкурентов и займут командные высоты в рамках планируемого интеграционного мегаблока.

Существует также угроза валютных и торговых войн с участием США. Примером может служить торговая война между США и КНР, начавшаяся с введения Америкой в 2018 г. пошлин на импорт стали и алюминия. По оценкам некоторых экспертов, данная торговая война может привести к более серьезным последствиям, чем финансовый кризис 2008 г.

Увеличение разрыва в технологичности экономик различных стран

Несмотря на объективную тенденцию к становлению единой глобальной экономической модели, мировое хозяйство в настоящее время представляет собой симбиоз различных по уровню зрелости и особенностей общественной организации производительных сил, по-разному воспринимающих происходящие изменения. В группе промышленно

развитых стран с исторически сложившимися рыночными механизмами не только преобладает тенденция к формированию сходных экономических структур, но и существует наиболее рациональная современная форма их организации, что значительно повышает экономическую эффективность инвестиционного процесса. Для большинства развитых стран характерна стабильная, устойчивая тенденция макроэкономического роста. Однако становление единой экономической модели на планетарном уровне все в большей степени зависит от темпов и глубины социальных и экономических преобразований в странах с развивающимися рынками, где проживает сегодня более 3/4 населения Земли.

Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, не имеющие совершенной технико-экономической базы, оказались в невыгодном положении. Группа развивающихся стран находится на различных этапах промышленного переворота, где индустриализация не завершена, в частности нет сложившейся базы НИОКР. В соответствии с данными доклада ЮНЕСКО о развитии мировой науки 2015 г., который публикуется каждые 5 лет, доля развивающихся стран в мировых расходах на НИОКР составляла 37 % [4]. В развивающихся странах расходы на образование почти вдвое ниже, чем в промышленно развитых странах. «Утечка умов» влечет значительные экономические потери.

Несмотря на разрыв в технологичности, существуют различия в темпах роста экономик развитых и развивающихся стран.

Исследования, проведенные учеными ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН, показали, что развивающиеся страны и страны с формирующимися рынками будут, как и ранее, почти в 2 раза опережать развитые страны по темпам экономического роста. После кризиса 2008 г. развитые страны провели структурные реформы, несколько ускорили экономический рост, однако в ближайшие два десятилетия не смогут вернуться к темпам, наблюдавшимся в 1990-е гг. (см. таблицу).

Темпы прироста ВВП по паритету покупательной способности в постоянных ценах 2013 г., в среднем за период, %

Регион	1991—2000	2001—2010	2011—2013	2014—2020	2021—2030	2031—2035
Весь мир	3,0	3,8	3,5	3,8	3,7	3,7
Развитые страны	2,7	1,7	1,4	2,3	2,6	2,6
США	3,4	1,6	2,0	2,7	2,8	2,8
ЕС	2,1	1,5	0,5	1,7	2,3	2,3
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	3,4	6,2	5,4	4,9	4,5	4,3
КНР	10,4	10,5	8,3	6,5	5,0	4,0
Индия	5,6	7,5	6,2	5,9	5,5	5,3
Бразилия	2,6	3,6	2,8	2,5	3,2	3,5
Россия	-3,9	4,8	3,0	2,5	3,5	4,0

Источник: [1, с. 13].

ВВП развивающихся стран продолжит расти быстрее, чем в развитых странах, их вклад в глобальный экономический рост будет увеличиваться. Если в 1990 г. на развитые страны приходилось 59,8 % глобального ВВП, к 2013 г. их доля сократилась до 43,3 %. Ожидается, что к 2035 г. доля развитых стран в мировом ВВП по паритету покупательной способности упадет до 32 % [1, с. 13].

В ближайшие годы ожидается ускорение динамики как в развитых, так и в развивающихся странах. Однако отмечаются заметное замедление темпов роста экономики США и Центральной Европы, постепенное охлаждение конъюнктуры в КНР, снижение динамики роста стран — экспортеров углеводородов, снижение темпов роста стран регионов Латинской Америки и СНГ.

Интерес представляют замечания экспертов ОЭСР относительно моделей экономического роста развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Они считают, что до кризиса 2008 г. заметный рост экономики стран с развивающимися рынками объяснялся высоким потребительским спросом в развитых странах, прежде всего в США. Во многих из них использовалась экспортоориентированная модель развития. В изменившихся условиях, чтобы адаптироваться к происходящим в мире структурным изменениям, многим развивающимся странам и странам с переходной экономикой, по мнению экспертов, «следует пересмотреть свою стратегию развития, ориентированную на увеличение экспорта и его использование в качестве локомотива роста». Стратегия роста с опорой на экспорт, «если много стран одновременно ее используют, является своего рода “гонкой на истощение”». Она мало что дает с точки зрения развития и чревата катастрофическими социальными по-

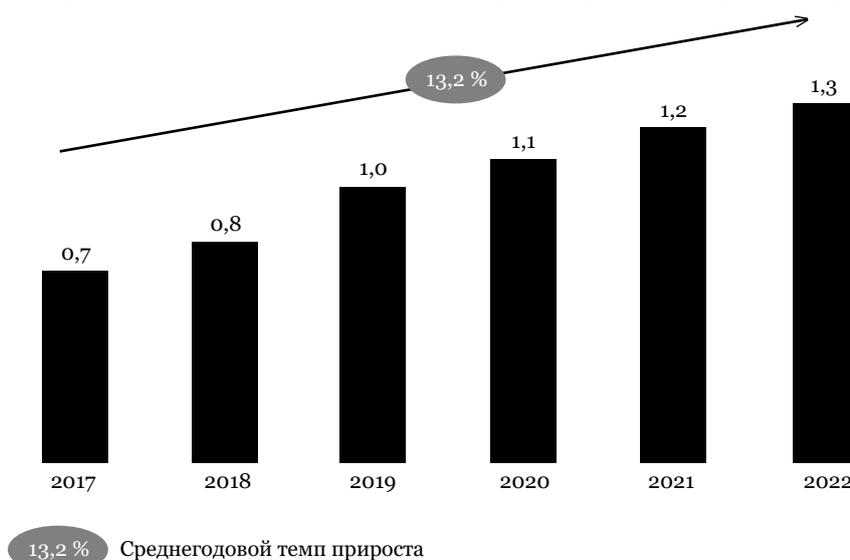
следствиями» [21, р. 17]. Пересмотр стратегии развития действительно является насущной задачей для многих стран с развивающимися рынками и неизбежно связан с пересмотром роли государственного сектора в экономике.

Среди рисков, снижающих перспективы роста мировой экономики, можно отметить новые торговые ограничения, низкую волатильность финансового рынка, переоценку рынком рисков, связанных с политикой, возможные финансовые потрясения. В долгосрочном плане прогнозируется неуклонно слабая производительность и недостаточный рост инвестиций, которые могут подорвать в перспективе долгосрочный рост в странах с формирующимися рынками.

Цифровизация мировой экономики

Цифровизация мировой экономики предполагает проникновение информационных технологий во все виды деятельности субъектов мировой экономики, включая государства, компании, отдельных потребителей. Активная цифровизация экономики подтверждается:

— размером и темпами роста интернет-торговли в мире. В 2017 г. объем мировой интернет-торговли только в сегменте B2C достиг 1,8 трлн дол. США. Темпы прироста интернет-торговли в мире в 2017 г. оценивались на уровне более 15 % [12, р. 29], в то время как рост 250 крупнейших розничных игроков мира в период с 2011 по 2016 г. в среднем в год составлял 4,8 % [14, р. 4]. По оценкам компании *Forrester*, с 2017 по 2022 г. интернет-торговля только в США и Западной Европе будет расти в среднем на 13,2 % за год, в отличие от всей розничной торговли в данном регионе, объем которой увеличится в год в среднем на 2,9 % за указанный отрезок времени [5, р. 7] (см. рисунок);



Прогноз динамики объема розничной интернет-торговли в США и Западной Европе, трлн дол. США

Источник: [5, р. 7].

— капитализацией высокотехнологичных компаний, в том числе из области интернет-торговли, которые превышают сотни миллиардов долларов. Так, капитализация *Amazon* в июне 2018 г. была более 800 млрд дол. США [7], а китайской компании *Alibaba Group Holding* — более 500 млрд дол. США, что сопоставимо с ВВП некоторых европейских стран, например Бельгии [6]. Даже крупнейший в мире инвестор У. Баффет, долгое время игнорировавший сектор информационных технологий, недавно заявил, что ошибся, не инвестируя в развитие подобных компаний ранее;

— переходом всех индустрий, в том числе сферы образования, на высокотехнологичные рельсы. Уже нередкими являются такие дополнения к описанию отраслей, как «3.0» (Университет 3.0), «4.0» (Индустрия 4.0). В самих названиях есть отсылка к версиям продуктов, что свойственно для сферы информационных технологий;

— трансформацией целых отраслей в результате глубокого проникновения в них информационных технологий и появления гибридных секторов. Так, стандартный финансовый сектор уже превратился в финтех, т. е. область, в которой финансовые услуги тесно связаны или становятся возможными благодаря использованию различных передовых технологий, в том числе технологии блокчейн. В таких условиях в финансовой сфере увеличивается количество игроков, в том числе за счет высокотехнологичных, телекоммуникационных компаний, компаний в розничном бизнесе или интернет-торговле, а также меняются правила игры. В области медицины активно развивается телемедицина;

— восприятием информационных технологий уже не просто как инструмента, который помогает повысить эффективность операционной деятельности компании, а как стратегического направления развития, на котором зарабатывают деньги. В годовых отчетах компаний, как правило, всегда есть раздел, посвященный высоким технологиям и их применению в бизнесе;

— появлением новых понятий, которые ставят под вопрос существование ранее незыблемых сущностей. Примером могут быть криптовалюты, вокруг которых до сих пор не утихают споры: могут ли они составить конкуренцию фиатным деньгам, потенциально стать мерой стоимости и обмена или являются инструментом спекуляций.

Тенденция к цифровизации мировой экономики также порождает ряд противоречий и разрывов между субъектами мировой торговли. Например, часть мира повышает уровень цифровизации экономики, тем самым постоянно поддерживая свое конкурентное преимущество, другая часть значительно отстает в части цифровизации экономики, что только увеличивает разрыв

между странами. Особенно хорошо такой разрыв виден между развитыми и развивающимися странами.

Кроме того, цифровизация экономики увеличивает разрыв внутри страны между различными группами населения: молодежью и пожилыми людьми, большими и малыми городами, ИТ-специалистами и специалистами в других сферах, традиционными и высокотехнологичными отраслями.

Кроме того, цифровизация экономики несет и ряд угроз. Одна из таких угроз — рост безработицы в связи с проникновением информационных технологий в различные сферы экономики и увеличение социальной напряженности, если не будут найдены альтернативные возможности для трудоустройства высвободившейся рабочей силы. Немаловажным остается вопрос увеличения затрат на цифровизацию, что, с одной стороны, окажет дополнительное давление на бюджеты отдельных стран и бизнесов, а с другой — не всегда принесет ожидаемые результаты. Процессы цифровизации также напрямую связаны с развитием искусственного интеллекта, негативные последствия от использования которого до конца нельзя спрогнозировать. Среди угроз можно выделить и вероятность возникновения кибератак на любые субъекты экономики, что значительно увеличивает риски негативного влияния на их деятельность. Майнинг криптовалют приводит к повышенному воздействию на окружающую среду, в процессе которого потребляется большое количество электроэнергии.

Таким образом, цифровизация экономики как тенденция, с одной стороны, приводит к ряду изменений в экономике отдельных стран, а с другой — способствует появлению противоречий и разрывов между государствами и отдельными группами населения в разных странах.

Финансиализация мировой экономики

Особую проблему современности составляет финансиализация мировой экономики, приводящая к растущему разрыву между финансовым и реальным секторами экономики [2, с. 32]. Еще в 2008 г. политические лидеры ряда ведущих в экономическом отношении стран призвали к безотлагательному реформированию международной валютно-финансовой системы. Однако затем интерес к реформированию угас и вопрос был снят с повестки дня. Сегодня финансы по-прежнему доминируют над реальной экономикой, при этом ослабло регулирование этой сферы. Финансовые операции все больше обособляются и от товарного производства, и от торговли, развиваются автономно по собственной динамике и траектории. Это свидетельствует о том, что субъекты финансово-кредитной системы

достигли такого уровня самостоятельности, который в значительной степени изживает прежний «обслуживающий» статус финансов и кредита, подчиненный производству.

Как считает Международный валютный фонд (МВФ), рост размеров финансового сектора лишь до определенного момента способствует экономическому развитию страны. После его достижения позитивное влияние финансовых услуг на рост экономики снижается. Концентрация прибыли и рост заработной платы в финансовом секторе отвлекает ценные трудовые и финансовые ресурсы от производительной деятельности в других секторах экономики. В то же время вложения в основной капитал почти не растут, при том, что в мире достаточно финансовых ресурсов, чтобы обеспечить необходимые инвестиции. Так, мировые сбережения составляли 25,6 % от ВВП в 2015 г., в то время как инвестиции в основной капитал и оборотные средства — 24,9 % [2, с. 31].

Проблема заключается в том, что сбережения на мировом уровне больше, чем привлекательные инвестиционные возможности. Не находя приемлемых условий инвестирования в производство, избыточные финансовые ресурсы в непропорциональных размерах идут на создание финансовых накоплений и «надувание пузырей» на рынках активов, а не на укрепление реальной экономики.

Финансиализация мировой экономики проявляется в опережающей динамике развития финансов по отношению к другим отраслям экономики, повышении доли финансового сектора в общей сумме доходов, увеличении насыщенности экономики финансовыми отношениями, институтами и инструментами, увеличении доступности к финансовым ресурсам. Например, темп прироста выручки инвестиционного банка *Goldman Sachs* в 2017 г. по направлению «Управление инвестициями» («*Investment management*») составлял 7,4 %, по направлению «Услуги инвестиционного банка» («*Investment banking*») — 17,5 %, по направлению «Инвестиции и кредитование» («*Investing and Lending*») — 61,2 % [19, р. 56]. Прирост выручки *Volkswagen Group* в этом же году варьировался от 5,4 % (подразделение по производству легковых автомобилей) до 9,7 % (подразделение по производству грузовых автомобилей) [17, р. 23]. У *Nestle* темп прироста в 2017 г. составлял 0,4 % [10, р. 64].

Для мировой экономики важное значение имеет фактор превращения реальных сырьевых рынков в финансовые. С начала 2000-х гг. нефть, газ, металлы, продовольствие стали финансовыми активами, мировые цены на них формируются в долларах на биржевых рынках деривативов. Анализ событий последних лет показал, что процессы, происходящие в сфере финансов, на финансовых рынках, а также политика властей в данной области влияют на экономику значительно сильнее, чем предполагалось ранее.

Увеличение влияния КНР в мировой экономике

На данный момент КНР является одной из крупнейших экономик мира. ВВП данной страны в текущих ценах, по оценкам МВФ, в 2017 г. составил 12 трлн дол. США, что составляет 15 % мирового ВВП [11]. Являясь крупнейшей экономикой мира, КНР инвестирует значительные средства в развитие высокотехнологичных производств и проводит активную экспансию в мире. Расширение влияния осуществляется различными способами: от реализации масштабных инициатив, инфраструктурных проектов, инвестирования, в том числе путем приобретения компаний на других континентах, до инициирования создания новых международных организаций, например Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Подтверждением этого может быть тот факт, что инвестиции КНР в Европе в период с 2008 по 2016 г. составили более 100 млрд дол. США [8]. Среди европейских компаний, которые попали в поле зрения китайских инвесторов, можно назвать швейцарскую фирму *Syngenta* (производство удобрений), итальянскую *Pirelli* (производство шин). В Лондоне китайский капитал владеет недвижимостью в финансовом центре города. Другим примером может быть активность КНР в Африке, где Китай является крупнейшим инвестором, а также крупнейшим партнером по торговле.

Усилению влияния КНР в мире будет способствовать реализация масштабного инфраструктурного проекта «Один пояс, один путь», который также связан с большим количеством инвестиций. В будущем такое усиление КНР приведет к возникновению потенциальных противоречий между странами-партнерами и изменению взаимоотношений между ними.

Таким образом, развитие мировой экономики на современном этапе связано с проявлением определенных тенденций и возникновением противоречий между различными субъектами мировой экономики. Среди важных вызовов для мировой экономики можно выделить усиление процессов антиглобализации (несмотря на то, что глобализация сгладила различия в благосостоянии между развитыми странами и странами с развивающимися рынками, она углубила экономическое неравенство внутри почти всех государств, создавая дополнительный фактор нестабильности и способствуя появлению антиглобалистских настроений), увеличение разрыва в технологичности экономик различных стран (технологическая неоднородность производительных сил ограничивает возможности мирового экономического развития в полном объеме, задерживает полноценное вовлечение многих государств во всемирное хозяйствен-

ное общение), цифровизацию и финансиализацию мировой экономики, а также изменение роли отдельных стран (например, КНР) в

мире. Все это будет оказывать значительное влияние на формирование мирового порядка в будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2016. — Т. 60, № 8. — С. 5—25.
2. Хесин, Е. С. Современная мировая экономика: финансы и накопление капитала / Е. С. Хесин // Деньги и кредит. — 2016. — № 8. — С. 31—36.
3. Шаклеина, Т. А. Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Т. А. Шаклеина, А. А. Байков. — М.: Аспект-пресс, 2017. — 448 с.
4. Эшплe, Н. Расходы на науку в мире растут быстрее ВВП / Н. Эшплe [Электронный ресурс] // Ведомости. — 11.11.2015. — Режим доступа: <<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/11/11/616506-rashodi-nauku-rastut>>. — Дата доступа: 12.09.2017.
5. Accelerating digital innovation in retail / A. Shave [et al.] [Electronic resource] // The Boston Consulting Group. — June 2018. — Mode of access: <http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Accelerating-Digital-Innovation-in-Retail-June-2018_tcm9-194430.pdf>. — Date of access: 20.06.2018.
6. Alibaba Group Holding [Electronic resource] // CNBC. — Mode of access: <<https://www.cnbc.com/quotes/?symbol=BABA&qsearchterm=alibaba>>. — Date of access: 20.06.2018.
7. Amazon [Electronic resource] // CNBC. — Mode of access: <<https://www.cnbc.com/quotes/?symbol=AMZN&qsearchterm=amazon>>. — Date of access: 20.06.2018.
8. Chinese investment in Europe: record flows and growing imbalances [Electronic resource] // Mercator Institute for China Studies. — 03.01.2017. — Mode of access: <<https://www.merics.org/en/papers-on-china/chinese-investment-europe-record-flows-and-growing-imbalances>>. — Date of access: 20.06.2018.
9. Competition, disruption, and deception: global trends 2018—2023 [Electronic resource] // AT Kearney. — Mode of access: <<https://www.atkearney.com/documents/236833/1506894/Global+Trends+2018—2023+-+Competition%2C+Disruption%2C+and+Deception.pdf/154e6c69-d1a1-3391-d92d-37534e53dbc9>>. — Date of access: 20.06.2018.
10. Financial Statements [Electronic resource] // Nestle. — Mode of access: <https://www.nestle.com/asset-library/documents/library/documents/financial_statements/2017-financial-statements-en.pdf>. — Date of access: 20.06.2018.
11. GDP, current prices [Electronic resource] // International Monetary Fund. — Mode of access: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/CHN/WEO_WORLD>. — Date of access: 20.06.2018.
12. Global E-commerce Report 2017 [Electronic resource] // Mazars USA. — Mode of access: <<https://mazarsusa.com/wp-content/uploads/2017/11/Global-Report-2017.pdf>>. — Date of access: 20.06.2018.
13. Global Economic Prospects. The Turning of the Tide?: a World Bank Group Flagship Report [Electronic resource] // European Strategy and Policy Analysis System. — Mode of access: <<https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/World%20Bank-global%20economic%20prospects.pdf>>. — Date of access: 20.06.2018.
14. Global Powers of retailing 2018. Transformative change, reinvigorated commerce [Electronic resource] // Deloitte. — Mode of access: <<https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/consumer-industrial-products/cip-2018-global-powers-retailing.pdf>>. — Date of access: 20.06.2018.
15. Global trends to 2035: Economy and Society [Electronic resource] // European Parliament. — November 2018. — Mode of access: <[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/627126/EPRS_STU\(2018\)627126_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/627126/EPRS_STU(2018)627126_EN.pdf)>. — Date of access: 20.12.2018.
16. Rodrik, D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy / D. Rodrik — The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. — New York; London: W. W. Norton, 2011. — 368 p.
17. Shaping the transformation together: Volkswagen Group annual report 2017 [Electronic resource] // Volkswagen. — Mode of access: <https://www.volkswagenag.com/presence/investorrelation/publications/annual-reports/2018/volkswagen/en/Y_2017_e.pdf> — Date of access: 20.06.2018.
18. The Global Risks Interconnections Map 2018 [Electronic resource] // World Economic Forum. — Mode of access: <<http://reports.weforum.org/global-risks-2018/global-risks-landscape-2018/>>. — Date of access: 20.08.2018.
19. The Goldman Sachs Group annual report [Electronic resource] // Goldman Sachs. — Mode of access: <<https://www.goldmansachs.com/investor-relations/financials/current/annual-reports/2017-annual-report/annual-report-2017.pdf>>. — Date of access: 20.06.2018.
20. The long view: scenarios for the world economy to 2060 [Electronic resource] // OECD Library. — Mode of access: <<https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/b4f4e03e-en.pdf?expires=1552843312&id=id&accname=guest&checksum=885683FAE431CD1B9E588AFDADE3E036>>. — Date of access: 20.08.2018.
21. Trade and development report, 2013 [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/trd2013_en.pdf>. — Date of access: 12.09.2017.
22. Trends and global forces: selected articles from the Strategy and Corporate Finance Practice. April 2017 [Electronic resource] // McKinsey&Company. — Mode of access: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/business%20functions/strategy%20and%20corporate%20ofinance/our%20insights/strategy%20and%20corporate%20ofinance%20special%20collection/final%20pdfs/mckinsey-special-collections_trends-and-global-forces.ashx>. — Date of access: 20.08.2018.
23. World Integrated Trade Solution [Electronic resource] // World Bank. — Mode of access: <<https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/USA/Year/2016/TradeFlow/EXPIMP>>. — Date of access: 20.06.2018.
24. World Integrated Trade Solution [Electronic resource] // World Bank. — Mode of access: <<https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/USA/Year/2010/TradeFlow/EXPIMP>>. — Date of access: 20.06.2018.

Статья поступила в редакцию в июне 2018 г.

ЦЕЛИ СОГЛАСОВАНИЯ И РИСКИ НЕСОГЛАСОВАННОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПОЛИТИК ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Василий Гурский

В статье определено, что целями согласования промышленных политик в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) являются сохранение целостности страны и обеспечение экономической безопасности, реализация положительных интеграционных эффектов, снижение транзакционных издержек. Основные риски несогласованности промышленных политик — это факторы внутреннего доверия, включая рост дезинтеграционных настроений в среде политических элит и общества, и оппортунистические трактовки национальных интересов государств — членов ЕАЭС; факторы внешнего давления, включая экономическое притяжение со стороны других центров силы в регионе, противостояние мировых «центров силы», санкции и контрсанкции; факторы изначального дисбаланса в структуре ЕАЭС, включая огромную разницу в масштабах экономик и промышленных комплексов государств-членов, несопоставимость интеграционных эффектов для них, доминирование страны-лидера над остальными участниками интеграционного процесса.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; инструменты промышленной политики; международная интеграция; промышленная политика; риски несогласованности; цели согласования.

«The Goal of Harmonising and Incoherence Risks of Industrial Policies of the Member States of the Eurasian Economic Union» (Vasili Hurski)

The article defines that the objectives of harmonisation of industrial policies in the Eurasian Economic Union are preservation of the integrity of the country and economic security; implementation of positive integration effects; reduction of transaction costs. The main risks of incoherence of industrial policies are: factors of internal trust, including the growth of disintegration moods among political elites and society, and opportunistic interpretations of the national interests of the EEU member states; factors of external pressure including economic attraction of other centers of power in the region, the confrontation between the world's «power centers», sanctions and counter-sanctions; factors' initial imbalance in the structure of the EEU, including a high difference in scale of economies and industrial complexes of the member States, the incompatibility of the integration effects for them, the dominance of the country's leader over the other participants in the integration process.

Keywords: Eurasian Economic Union; goals of harmonisation; industrial policy; instruments of industrial policy; international integration; risks of incoherence.

Author:

Hurski Vasili — Candidate of Economy, candidate for a doctor's degree of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: vhurski@yandex.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Как известно, влияние экономической интеграции на развитие национальных экономик может быть не только положительным, но и отрицательным. С одной стороны, экономики стран-участниц получают дополнительные преимущества по сравнению с третьими странами, а с другой — попадают в условия повышенной конкуренции, неизбежно возникающей

на объединенных рынках. Интеграционные эффекты становятся преимущественно положительными лишь в результате согласования промышленных политик государств — членов интеграционного объединения. Наибольший положительный эффект от участия в интеграционном образовании получают страны с малой (эффект масштаба), но технологически

Автор:

Гурский Василий Леонидович — кандидат экономических наук, докторант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: vhurski@yandex.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Перепёлкин Вячеслав Александрович — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Института теоретической экономики и международных экономических отношений Самарского государственного экономического университета

Юрова Наталья Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

развитой (эффект конкуренции) экономикой, имеющей большой удельный вес партнеров по интеграционному образованию, в общем объеме внешней торговли (эффект торговли и аллокации). В этом плане экономика Беларуси является малой в сравнении с Россией и Казахстаном и достаточно высокотехнологичной в отношении Армении, Кыргызстана, Казахстана и отдельных регионов России. Удельный вес стран ЕАЭС в общем объеме внешней торговли Беларуси самый высокий среди всех стран-участниц. В этой связи развитие промышленного взаимодействия должно быть связано не столько с эффектом переориентации торговли конечными или промежуточными промышленными товарами, сколько с выстраиванием интеграционных производственных цепочек добавленной стоимости через включение национальных производственных мощностей в процесс выполнения определенных технологических функций на условиях субподряда или аутсорсинга. Однако на практике логичные теоретические построения сталкиваются с противоречиями интересов конкретных субъектов хозяйствования. Интеграционные интересы превращаются в интеграционные риски. Все это определяет высокую актуальность развития рисков несогласованности промышленных политик государств-членов.

Экономическая сущность промышленной политики страны раскрывается в трудах С. Бадмаева [3], В. Завадникова [13], Д. Львова [17], О. Сухарева [31], А. Татаркина [32], однако они специализируются только на российской экономике. Изменение задач промышленной политики в глобализирующейся экономике описано в работах Л. Бляхмана [5], М. Кротова [15], Ю. Малышева [18], Д. Рубальтера [26], Д. Сотникова [30]. Среди белорусских специалистов проблематикой развития промышленной политики в условиях международной интеграции занимались А. Готовский [6], Е. Давыденко [8], А. Дайнеко [9], А. Данильченко [10], Е. Преснякова [24], Е. Семак [27], С. Сидорский [28], С. Солодовников [29], Е. Филиппенко [33]. В основном научные разработки в этой области касаются совершенствования методов применения отдельных инструментов регулирования развития промышленных комплексов государств — членов ЕАЭС и анализа зарубежного опыта формирования элементов институциональной среды. Общая концепция согласования промышленных политик государств — членов ЕАЭС пока отсутствует, не определены также конкретные цели, критерии и риски данного процесса.

Цель данной статьи — провести анализ целей согласования промышленных политик государств — членов ЕАЭС, отражающих реальные интересы субъектов хозяйствования и связанные с ними риски их несогласованности.

Глобальное согласование промышленных политик, декларируемое в Договоре о ЕАЭС и других документах, на практике должно складываться из согласования и взаимной координации конкретных действий субъектов хозяйствования в промышленности государств-членов в отношении определенных промышленных предприятий, секторов экономики, рынков, частных государственных политик (денежно-кредитной, налоговой и др.). Отсюда вытекает объективная потребность методологического обоснования выбора конкретных субъектов промышленной интеграции, определения оптимальных форм интеграционного взаимодействия для них, способов координации, ординации и субординации интересов сторон, а также факторов, обуславливающих риски несогласованности интересов.

Исходя из утверждения Ф. Энгельса о том, что: «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы» [19, с. 271] и понимая под интересом субъекта промышленной политики «целевую направленность его деятельности на превращение осознанной потребности в удовлетворенную потребность за счет использования свойств и ресурсов, которыми он располагает или может привлечь» [34, с. 606], можно утверждать, что развитие промышленной политики — это динамичный процесс взаимодействия по регулированию, соподчинению и согласованию интересов субъектов промышленной политики, в результате которого разрабатывается, принимается и реализуется государством вся совокупность подходов, методов, инструментария, административно-представительных и исполнительно-координационных решений органов власти, оптимизируемых и объединяемых путем разработки долгосрочной экономической стратегии развития национального промышленного комплекса.

К субъектам промышленной политики можно отнести Президента, Совет Министров, ряд министерств (Министерство промышленности, Министерство природы, Министерство экономики, Министерство иностранных дел, Министерство сельского хозяйства и продовольствия, Министерство энергетики, Министерство транспорта и коммуникаций и др.), Национальную академию наук, комитеты по науке и технологиям, по земельным ресурсам, облисполкомы и горисполкомы, концерны и холдинги, национальные и иностранные коммерческие организации, некоммерческие организации, деятельность которых прямо или косвенно связана с функционированием промышленного комплекса, индивидуальных предпринимателей, трудовые коллективы, домашние хозяйства и индивидов [см.: 7]. Формами взаимодействия субъектов политики могут быть борьба, столкновение, соперничество, конкуренция, компромисс, сотрудничество, консенсус и др.

В экономической науке существует достаточно большое количество классификаций и типологий экономических интересов (по формам связей между субъектами, фазам воспроизводства, степени осознания, роли в общественной жизни, степени соответствия субъективного и объективного и др.). Традиционная методика изучения интересов посредством их группировки по различным признакам (национальные, групповые, личные), с дальнейшей расстановкой приоритетов (доминирование национальных над личными или наоборот), хотя и представляет некоторый общетеоретический интерес, однако не несет никакой практической нагрузки. Во-первых, сами интересы не всегда четко осознаются их носителями, а зачастую даже скрываются. Во-вторых, интересы динамичны и могут быстро меняться в зависимости от текущей конъюнктуры внешней и внутренней среды субъекта. В-третьих, попытки навязать субъектам некую научно обоснованную систему приоритетов малоэффективны. В этой связи мы предлагаем в цепочке потребности — интересы — цели за основу для согласования взять именно цель как категорию, наиболее конкретно обозначенную, увязанную с ресурсами и поддающуюся рациональному анализу и ранжированию.

В основе предлагаемой методики определения ключевых интересов и рисков согласования промышленных политик будут лежать следующие положения: во-первых, интересы будут рассматриваться не как мотивы или транслируемые намерения, а как целевая направленность реальной деятельности; во-вторых, рациональность интереса будет рассматриваться через функцию минимизации рисков и максимизации выгод; в-третьих, будут учитываться только интересы и риски, связанные с процессом согласования промышленных политик и интеграционными процессами; в-четвертых, будут учитываться только объективно существующие (а не гипотетические) интересы и риски, отражающие сложившиеся общественно-исторические реалии, эндо- и экзогенные условия протекания интеграционных процессов.

Под целью обычно понимают идеальное или желательное состояние объекта управления. Основными целями ЕАЭС являются создание условий для успешного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения, стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [11]. Обобщив основные цели и принципы формирования ЕАЭС, можно установить, что основными комплексными целями согласования промышленных политик являются сохранение целостности страны

и обеспечение экономической безопасности, реализация положительных интеграционных эффектов, снижение транзакционных издержек в сфере взаимной торговли и промышленной кооперации. Каждая из поставленных целей согласования промышленных политик имеет в своей основе ряд конкретных экономических интересов, реализация каждого из которых связана с определенными рисками (табл. 1).

Каждая из заявленных целей по отдельности не вызывает вопросов, отражает определенный блок интересов и ведет к развитию промышленности. Однако, будучи объединены, все три цели демонстрируют высокий уровень конфликтности. Стремление к реализации интеграционных эффектов на основе развития и расширения интеграционного взаимодействия приведет к усилению взаимозависимости экономик государств-членов, усиливает риски, вызовы и угрозы их экономической безопасности, а стремление государств-членов снизить интеграционные риски через введение нетарифных барьеров приводит к росту транзакционных издержек, что влечет за собой развитие негативных интеграционных эффектов и сокращение интеграционного взаимодействия.

Уровень конфликтности интересов и целей в промышленных политиках государств — членов ЕАЭС не является постоянной величиной, а напрямую связан с действием интеграционных рисков. О. Овчаренко определяет интеграционный риск как «риск, возникающий при столкновении финансовых, хозяйственных и институциональных интересов участников интеграционного процесса при реализации объединяющего их проекта» [22, л. 25]. Применительно к производственно-экономической сфере С. Ланкина, В. Флегонтов определяют риск «как возможность потери части ресурсов и/или недополучения доходов... при любых видах деятельности, связанных с производством продукции, ее реализацией, товарно-денежными и финансовыми операциями, маркетингом, коммерцией, осуществлением социально-экономических и научно-технических проектов» [16, с. 4]. По сути риск — это обратная сторона процесса реализации интересов. Достижение цели, предполагающее реализацию интересов и удовлетворение потребности, означает, что риски, с ней связанные, не реализовались, и наоборот, реализация рисков предполагает, что цели не достигнуты. При этом обратная качественная связь сопровождается прямой количественной связью: чем больше интересов субъект стремится реализовать, тем больше рисков сопровождает процесс их осуществления. Все риски несогласованности промышленных политик в ЕАЭС можно разделить на три типа: риски внутреннего доверия, риски внешнего воздействия и риски изначального дисбаланса в структуре ЕАЭС.

**Дифференциация интересов субъектов промышленной политики
и интеграционных рисков в соответствии
с целями согласования промышленных политик**

Цель	Интересы	Риски
Сохранение целостности страны, устранение угроз ее национальной безопасности	Сохранение национального суверенитета	Потери политической независимости в результате чрезмерного делегирования полномочий наднациональным органам управления. Утрата контроля над стратегически важными промышленными предприятиями. Преднамеренное или непреднамеренное нанесение ущерба стратегически важным промышленным предприятиям
	Стабильность и предсказуемость внешней и внутренней экономической политики государств — партнеров по ЕАЭС	Несогласованность координирующих и регулирующих действий в области промышленной политики государств-членов. Трансфер власти, политическая нестабильность, изменение законодательства, смена политического курса. Потери в результате событий, которые могут препятствовать выполнению международных соглашений и договоров: забастовка, восстание, война, эмбарго. Экономическая политика третьих стран и международных организаций в отношении государств — партнеров по ЕАЭС: экономические санкции, условия вступления в международные организации
	Стабильность экономического развития страны	Нестабильность функционирования экономик государств — партнеров по ЕАЭС в целом: спад ВВП, инфляция, рост государственного долга. Снижение способности финансировать принятые на себя обязательства. Падение спроса со стороны государств — партнеров по ЕАЭС. Вынужденные перерывы в производстве: потеря оборотных средств, выход из строя производственных фондов
	Стабильность экологической ситуации	Аварийные ситуации, загрязнение окружающей среды. Размещение на территории стран ЕАЭС «грязных» производств
	Стабильность социально-демографической ситуации	Миграция трудовых ресурсов. Неравенство в уровне оплаты труда, социального обеспечения между государствами — партнерами по ЕАЭС. Сокращение численности населения
	Административно-государственные интересы	Перераспределение ресурсов между государственными административными структурами. Кадровая политика
	Опportunистические интересы	Лоббирование интересов, противоречащих интересам национальной безопасности. Коррупция. Попытки незаконного перераспределения собственности (искусственное банкротство, рейдерские захваты)

Цель	Интересы	Риски
Оптимизация интеграционных эффектов	Расширение торговли внутри интеграционного объединения	Проведение политики импортозамещения государств-членов в отношении друг друга. Появление барьеров тарифного и нетарифного характера. Резкое изменение курса валюты одного или нескольких государств-членов. Замещение товаров местного производства и товаров из стран — партнеров по интеграционному образованию товарами из третьих стран. Изменение структуры экономики и связанной с ней структуры импорта (географической и товарной) стран-партнеров
	Оптимизация конкуренции	Рост конкуренции между субъектами хозяйствования. Конкуренция между национальными институтами. Рост конкуренции юрисдикций. Несовместимость интересов участников международных интегрированных структур
	Достижение новых и развитие имеющихся конкурентных преимуществ за счет более дешевых ресурсов и свободного доступа своей продукции на рынки государств-партнеров	Демпинг со стороны конкурентов из стран-партнеров. Рост цен на сырье, материалы и комплектующие из стран-партнеров. Оппортунистическое поведение субъектов промышленных политик в отношении государств-партнеров
	Получение дополнительных кредитных ресурсов на привлекательных условиях	Недостаток финансовых ресурсов у государств-партнеров. Несовместимость интересов участников финансирования определенных проектов или программ
	Повышение мобильности факторов производства между государствами — членами интеграционного образования	Количественное ограничение объемов перемещаемых между государствами ЕАЭС ресурсов. Налогообложение перемещаемых между государствами ЕАЭС ресурсов. Различие цен на перемещаемые между государствами ЕАЭС ресурсы
Снижение транзакционных издержек в сфере взаимной торговли и промышленной кооперации	Снижение издержек оппортунистического поведения	«Отлынивание» и «вымогательство». Нарушение условий контрактов. Потери вследствие неисполнения обязательств по оплате товара импортером или отказа экспортера возратить аванс
	Снижение издержек ведения переговоров	Недостаток информации о бизнес-партнерах. Неточность или обтекаемость составленных международных соглашений и договоров, в результате чего появляется возможность невыполнения или некорректного выполнения условий договора
	Снижение издержек спецификации и защиты прав собственности	Различия в системах стандартов государств — членов ЕАЭС. Защита прав собственности в государствах-партнерах. Возможная потеря или повреждение товара во время транспортировки
	Снижение издержек поиска информации	Неточность и неполнота рыночной информации. Отсутствие информации об изменениях условий коммерческой деятельности, конъюнктуры рынка

Источники: собственная разработка.

Риски внутреннего доверия возникают уже на этапе формулирования интересов и целей государственных структур и субъектов хозяйствования, которое зависит не только от реальной приоритетности их потребностей, но и от их политической, идеологической, морально-нравственной интерпретации и включает рост дезинтеграционных настроений в среде политических элит и общества, оппортунистические трактовки национальных интересов, идеологически обосновывающие оппортунистическое поведение чиновников и руководителей предприятий. Иногда даже объективные потребности могут быть интерпретированы как мнимые, а надуманные потребности приобрести статус приоритетных, что ведет к росту нетарифных ограничений (табл. 2).

Основные риски внутреннего доверия, непосредственно определяющие несогласованность интересов в промышленных политиках государств — членов ЕАЭС и развитие дезинтеграционных процессов в ЕАЭС, предлагается классифицировать следующим образом:

- риски доминирования дезинтеграционных настроений над интеграционными в среде политических элит и общества, вплоть до стремления к автаркии и снижению взаимного товарооборота;

- риски усиления негативного влияния СМИ на восприятие интеграционных процессов в среде политических элит и общества;

- риски оппортунистической трактовки национальных интересов, вплоть до намеренного их искажения до состояния несовместимости с национальными интересами партнеров.

Как указывает А. Саулин, на основе проведенного РЕСТ-анализа процессов интеграционного взаимодействия в ЕАЭС: «недостаток политической воли является, вероятно, наиболее существенным риском нарастания дезинтеграции даже в перспективе до 2020 г.» и, кроме того: «В настоящее время среднее звено политической элиты как в России, так и в Беларуси формирует общую атмосферу недоверия в Союзе, считая, что интеграционное взаимодействие вступает в противоречие с национальными интересами» [25, с. 6]. Риски потери прибыли для отдельных предприятий при увеличении импорта из стран-партнеров приводят к формированию и доминированию

в правительстве и среднем звене государственного управления идей уклонения от конкуренции путем использования в национальной промышленной политике элементов протекционизма и в отношении партнеров по ЕАЭС, что сводит на нет положительные интеграционные эффекты. При этом интересы предприятий, которые выигрывают от развития промышленной кооперации в ЕАЭС, почти не учитываются. В экономической литературе выделяют два основных источника неопределенности: неполноту информации или недостаток знаний и оппортунистическое поведение, заключающееся в стремлении одних агентов получить дополнительные выгоды за счет других.

Для оценки общего баланса интересов достаточно рассмотреть некоторые показатели взаимного товарооборота по промежуточной промышленной продукции. В Беларусь 99,2 % промышленных промежуточных товаров поступает из России. В Россию 69,6 % промежуточных товаров поступает из Беларуси. Структура импорта кооперационной продукции из России в Беларусь включает продукцию металлургии (31,8 %), продукцию химической промышленности (24,2 %), резиновые и пластмассовые изделия (8,6 %), а также электрооборудование, электронное и оптическое оборудование (8,3 %). Структура экспорта кооперационной продукции из Беларуси в Россию включает резиновые и пластмассовые изделия (15,7 %), продукцию металлургии (15,6 %), продукцию химического производства (14,2 %), пищевые продукты и напитки (12,2 %), а также электрооборудование, электронное и оптическое оборудование (10,9 %) [см.: 2]. Как видим, взаимные поставки промежуточной промышленной продукции между Россией и Беларусью происходят практически в одних и тех же отраслях. С одной стороны, это свидетельствует о высоком уровне конкуренции, а с другой — о высокой степени комплиментарности промышленных комплексов. По данным Европейской экономической комиссии: «В России преобладают поставки кооперационной продукции партнерам по ЕАЭС, Беларусь получает практически столько же кооперационной продукции, сколько отдает партнерам по ЕАЭС, Казахстан преимущественно получает промежуточные товары от партнеров по ЕАЭС, а Армения и Кыргызстан в основном

Таблица 2

Количество препятствий, применяемых государствами-членами

Государство	Барьер	Изъятие	Ограничение	Сумма
Республика Армения	2	6	33	41
Республика Беларусь	3	7	33	43
Республика Казахстан	3	8	33	43
Кыргызская Республика	0	7	33	40
Российская Федерация	6	8	34	48

Источник: [4, с. 12].

только получают промежуточные товары от партнеров по ЕАЭС, взамен практически не поставляя кооперационные товары партнерам по ЕАЭС. В структуре взаимной торговли промежуточными товарами преобладает Россия, на долю которой приходится 46,8 % товарооборота таких товаров в ЕАЭС (в том числе 61,7 % экспорта и 31,8% импорта)» [2, с. 7–8]. Очевидно, что для России взаимодействие в сфере промышленной кооперации дает положительное сальдо торгового оборота, а значит, развитие белорусского промышленного комплекса, которое, несомненно, повлечет рост импорта промежуточной продукции из России, будет способствовать росту российской промышленности. Справедливо и обратное утверждение: сокращение промышленного производства в Беларуси ведет к сокращению промышленного импорта из России и определенному спаду в ее промышленности.

Риски изначального дисбаланса в структуре ЕАЭС возникают вследствие значительной разницы в масштабах экономик и промышленных комплексов государств-членов, заведомо предопределяющей несопоставимость интеграционных эффектов для стран-партнеров и доминирование страны-лидера над остальными участниками интеграционного процесса через контроль наднациональной бюрократии.

Очевидно, что каждое из государств — членов ЕАЭС преследует в процессе интеграции свои собственные интересы, исследованию которых посвящено достаточно много работ. Так, З. Азизова указывает, что «для Казахстана особую важность представляли доступ к российскому рынку и использование инфраструктурного потенциала России для транзита грузов через ее территорию... Беларусь нуждается в получении беспощинной российской нефти и газа, а также наращивании экспорта своих товаров на российском и казахстанском рынках» [1, с. 13]. Для Армении важны российские инвестиции. Кыргызстан, в свою очередь, заин-

тересован в более выгодных условиях ведения бизнеса с Казахстаном и свободном перемещении рабочей силы на территории ЕАЭС. Важным общим побудительным мотивом углубления интеграции стало стремление смягчить воздействие мирового экономического кризиса путем наращивания товарооборота между государствами — членами ЕАЭС.

Некоторые исследователи отмечают, что «для России создание Таможенного союза в 2010 г. и его трансформация в ЕАЭС не столько экономический, сколько геополитический проект, который призван закрепить за ней роль региональной державы, снизить влияние Евросоюза на Беларусь, Турции — на Казахстан и на обе страны — будущего мирового лидера — Китая» [14, с. 2]. Именно поэтому российское правительство, хотя и указывает своим партнерам на дотационный характер взаимоотношений, выступает активным участником интеграционных процессов и выражает свою общую заинтересованность в их развитии. Кроме того, как уже отмечалось, «общие для всех стран ЕАЭС интересы пока не сформированы» [7, с. 385].

Действительно, чисто математически (по сумме ожидаемых интеграционных эффектов) интересы России и остальных государств-членов не могут быть уравнены в силу слишком значительной разницы в масштабах экономик (рис. 1, 2).

В ЕАЭС доля российской экономики в совокупном ВВП более 85 %, а значит, даже объединив свои усилия (что само по себе требует согласования интересов), Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан не будут иметь сколь-нибудь значительного экономического влияния на промышленную политику России в целом. По расчетам А. Широва, А. Саяповой, А. Янговского на основе межстранового межотраслевого баланса, снижение конечного потребления и накопления в Казахстане и Беларуси на 10 % (без изменения структуры потребления и накопления) за счет межстра-



Рис. 1. Доля в общем объеме промышленной продукции в 2017 г., %

Источник: [21].

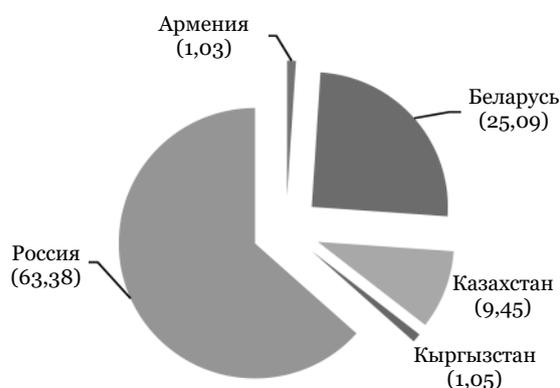


Рис. 2. Доля экспортных поставок во взаимной торговле государств — членов ЕАЭС в 2017 г., %

Источник: [20].

новых связей может привести к снижению ВВП России: с Казахстаном — на 0,08 %, с Беларусью — на 0,01 % [35, с. 19]. В то же время, оценка влияния снижения нетарифных барьеров в торговле стран Единого экономического пространства, проведенная Е. Винокуровым и М. Демиденко на основе статичной прикладной модели общего равновесия для России, Беларуси и Казахстана в 2015 г., показала, что при 10 %-ном снижении нетарифных барьеров выигрыш Беларуси в среднесрочной перспективе составит 2,8 % ВВП, Казахстана — 0,7 %, России — 0,2 % [23, с. 56]. Объективно выгоды от интеграции для небольших государств-членов значительно выше, что позволяет формировать, поддерживать и эксплуатировать в своих интересах субъективный образ стран-изжидивенцев.

Таким образом, одним из важнейших факторов, обуславливающих риски несогласованности интересов в интеграционном объединении, выступает изначальный дисбаланс масштабов экономик государств — членов ЕАЭС и их промышленных комплексов, заведомо предопределяющий несопоставимость эффектов (выигрыша и риска) для экономик стран-партнеров в целом. Причем данный дисбаланс активно используется для формирования образа партнеров как государств-изжидивенцев и, как пишет З. Азизова, позволяет «оказывать давление на остальных участников процесса через контроль наднациональной бюрократии и продвижение через ее аппарат собственных экономических интересов» [1, с. 52].

Вместе с тем доминирование России в ЕАЭС не означает ее доминирования на всем Едином экономическом пространстве. Государства — члены ЕАЭС, кроме бесспорного доминирующего влияния России, постоянно испытывают экономическое притяжение со стороны других центров силы в регионе, что порождает третью группу рисков.

Риски внешнего воздействия возникают вследствие экономико-политического влияния со стороны третьих стран и интеграционных объединений, противостояния мировых «центров силы» между собой, взаимных санкций и контрсанкций.

Огромная экономическая «масса» партнеров вне ЕАЭС (рис. 3) порождает риски развития дезинтеграционных процессов и доминирования их над интеграционными, вплоть до разрушения сложившихся в ЕАЭС хозяйственных связей и снижения взаимного товарооборота. Однако сложившаяся в мировой экономике геоэкономическая конъюнктура, характеризующаяся острой фазой противостояния мировых «центров силы», подталкивающая Россию к автаркии (что противоречит ее стратегическим интересам), значительно повышает возможность получения геоэкономической ренты для малых экономик ЕАЭС. Взаимные экономические санкции ЕС и России превращают Беларусь, например, из простого транспортного коридора по перемещению грузов в полноценного посредника в торгово-экономическом, а иногда и политическом взаимодействии сторон. То же можно констатировать и в отношениях России с Украиной.

Известно, что введение санкций против России со стороны ЕС не соответствует интересам многих промышленных компаний в ЕС, которые теперь не могут взаимодействовать с российскими компаниями напрямую. Значительные потери от санкций несут и российские производители. Однако Беларусь рассматривается в ЕС как страна Восточной Европы, санкций против нее сейчас нет, одновременно Беларусь с Россией имеет единое таможенное пространство. Отсюда при грамотно построенной геоэкономической доктрине согласования промышленных политик следует возможность реализации однонаправленных интересов российских и западноевропейских корпораций

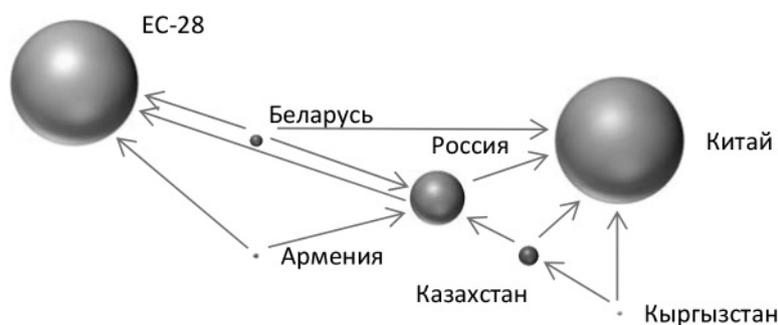


Рис. 3. Условная гравитационная модель основных центров притяжения на евразийском пространстве (диаметр шаров — ВВП (соотношение их диаметра соответствует соотношению ВВП по паритету покупательной способности))

Источники: собственная разработка на основе данных [12].

на территории Беларуси, создание сборочных производств, совместных предприятий, холдингов, финансово-промышленных групп российского и европейского капитала с белорусской юрисдикцией. Факторы внешнего давления, с одной стороны, обуславливают риски дезинтеграции, а с другой — формируют возможности для согласованных действий в области промышленной политики.

Известно, что вероятность риска и вероятность достижения цели (реализации интереса) в сумме дают единицу. Соответственно снижение вероятности наступления риска повышает вероятность реализации интересов.

Уровень риска, как правило, оценивают на основе следующей формулы:

$$U_p = B_p \cdot P_{\Pi},$$

где B_p — вероятность возникновения данного риска; P_{Π} — размер возможных потерь при реализации данного риска [16, с. 10].

Логично предположить, что вероятность возникновения интеграционных рисков напрямую зависит от интенсивности интеграционного взаимодействия (рост количества контрагентов, реализуемых проектов, заключаемых контрактов ведет к росту вероятности рисков), а также от величины транзакционных издержек (стоимость получения достоверной информации и сложность поиска контрагентов ведут к снижению надежности заключаемых контрактов). Размер возможных потерь напрямую связан с уровнем стратегической значимости субъекта хозяйствования (масштабами реализуемых проектов, влиянием результатов хозяйственной деятельности субъекта на общеэкономическую ситуацию в стране, мультипликативными эффектами).

Из вышесказанного следует, что общий уровень рисков в процессе согласования промышленных политик будет характерен для субъектов с более высоким уровнем стратегического значения, интеграционного взаимодействия и транзакционных издержек. Для субъектов, характеризующихся более низким уровнем названных критериев, уровень соответствующих рисков будет ниже. Отсюда логически вытекает также вывод о том, что снижение уровня рисков для субъектов с большим уровнем риска приведет к реализации более масштабных и значимых интересов, т. е. процесс согласования промышленных политик в отношении них будет обладать большей экономической эффективностью, чем в отношении субъектов с малым уровнем риска.

Не трудно заметить, что обозначенные группы рисков взаимосвязаны между собой и, взаимодействуя с обозначенными целями согласования промышленных политик, обуславливают повышение их конфликтности. Так, риски внутреннего доверия приводят к росту транзакционных издержек в сфере взаимной торговли и промышленной кооперации; ри-

ски изначального дисбаланса масштабов экономик государств — членов ЕАЭС порождают угрозу целостности стран, их суверенитету и экономической безопасности; риски внешнего давления препятствуют достижению положительных интеграционных эффектов.

Использование инструментов промышленной политики для нейтрализации одних рисков приводит к усилению других. Инструменты, направленные на достижение одних целей, приводят к сокращению возможностей реализации других целей. С точки зрения носителей интересов, это явление воспринимается как игра с нулевой суммой: выигрыш одних достигается за счет проигрыша других, что вызывает конфликт инструментов промышленных политик государств-членов. В связи с тем, что диалектическое противоречие между интеграционными интересами и рисками, являющееся одновременно и основной движущей силой развития интеграционных отношений, не может быть устранено в рамках интеграционного объединения, можно определить, что согласование промышленных политик имеет своей целью не глобальное устранение обозначенного противоречия, а поиск и реализацию возможных вариантов непротиворечивого сочетания целей, форм и инструментов промышленной политики в отношении конкретных субъектов хозяйствования.

Таким образом, основными комплексными целями согласования промышленных политик являются сохранение целостности страны и обеспечение экономической безопасности, реализация положительных интеграционных эффектов, снижение транзакционных издержек в сфере взаимной торговли и промышленной кооперации. Каждая из поставленных целей согласования промышленных политик имеет в своей основе ряд конкретных экономических интересов, реализация каждого из которых связана с определенными рисками. Основные группы рисков несогласованности промышленных политик государств — членов ЕАЭС — это факторы внутреннего доверия, включая рост дезинтеграционных настроений в среде политических элит и общества, и оппортунистические трактовки национальных интересов государств — членов ЕАЭС, факторы внешнего давления, включающие экономическое притяжение со стороны других «центров силы» в регионе, геоэкономическую конъюнктуру острой фазы противостояния мировых «центров силы», санкции и контрсанкции, факторы изначального дисбаланса в конструкции ЕАЭС, включающие огромную разницу в масштабах экономик и промышленных комплексов государств-членов, несопоставимость эффектов (выигрыша и риска) для экономик стран-партнеров, естественное доминирование страны-лидера над остальными участниками интеграционного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азизова, З. Формирование наднациональной бюрократии в Евразийском экономическом союзе: механизм интеграции и вызов для национальной государственности / Ин-т мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Респ. Казахстан — Лидера Нации. — Астана; Алматы, 2016. — 54 с.
2. Анализ кооперационных поставок государств — членов Евразийского экономического союза в целях выявления потенциала промышленной кооперации. — М., 2016. — 40 с. [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Основные%20направления%20промышленного%20сотрудничества/Мониторинг%20и%20анализ/Кооперационные%20поставки%20СЕНТЯБРЬ%202016-16%20Итог.pdf>. — Дата доступа: 30.02.2018.
3. Бадмаев, С. В. Формирование модели инновационно-промышленной политики России / С. В. Бадмаев // ЭКО. — 2007. — № 4. — С. 17—52.
4. Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза: доклад, 2016 [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/internal_market/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B5%D1%80%D1%8B,%20%D0%B8%D0%B7%D1%8A%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D1%8E%D0%B7%D0%B0.pdf>. — Дата доступа: 25.02.2018.
5. Бляхман, Л. С. Промышленная политика — основа перехода к новой модели экономического роста / Л. С. Бляхман // Проблемы современной экономики. — 2013. — № 1. — С. 7—17.
6. Готовский, А. В. Промышленная политика в евразийской интеграции / А. В. Готовский // Евразийская экон. интеграция. — 2015. — № 1 (26). — С. 39—65.
7. Гурский, В. Л. Трехкомпонентная концепция согласованной промышленной политики в ЕАЭС / В. Л. Гурский // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. Вып. 5 / редкол.: С. Ю. Солодовников [и др.]. — Минск, 2017. — С. 377—394.
8. Давыденко, Е. Л. Экономический вектор развития легкой промышленности Республики Беларусь в контексте требований ВТО / Е. Л. Давыденко // Беларусь в современном мире: материалы IV Респ. науч. конф. (28 сент. 2005 г.). / редкол.: А. В. Шарано [и др.]. — Минск: РИВШ, 2005. — С. 145—146.
9. Дайнеко, А. Е. Модернизация: приоритеты и содержание / А. Е. Дайнеко // Экономика Беларуси. — 2013. — № 1. — С. 4—9 [Электронный ресурс] // Институт экономики Национальной академии наук Беларуси. — Режим доступа: <http://economics.basnet.by/files/ru_01-13-01.pdf>. — Дата доступа: 10.03.2018.
10. Данильченко, А. В. Экономическая интеграция. Интернационализация производства / А. В. Данильченко, Л. М. Петровская // Мировая экономика: курс лекций / Л. М. Петровская. — Минск: БГУ, 2002. — С. 25—56.
11. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=FO1400176>>. — Дата доступа: 25.02.2018.
12. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий стат. сб. [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. — М., 2017. — 204 с.
13. Завадников, В. О промышленной политике Российской Федерации / В. Завадников // Общество и экономика. — 2007. — № 2-3. — С. 5—39.
14. Ковалёв, М. Будущее ЕАЭС: сложный поиск равновесия и роста. Макроэкономический анализ стартовой ситуации в ЕАЭС / М. Ковалёв, Б. Иришев [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. — Режим доступа: <<http://elib.bsu.by/handle/123456789/104542>>. — Дата доступа: 30.02.2018.
15. Кротов, М. И. Проблемы модернизации экономики России в условиях евразийской интеграции / М. И. Кротов // Проблемы современной экономики. — 2013. — № 1. — С. 18—21.
16. Ланкина, С. А. Классификация и проблемы оценки рисков промышленного предприятия / С. А. Ланкина, В. И. Флегонтов [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». — 2015. — Т. 7, № 2. — Режим доступа: <<http://naukovedenie.ru/PDF/90EVN315.pdf>>. — Дата доступа: 30.02.2018.
17. Львов, Д. С. Новая промышленная политика России / Д. С. Львов // Экон. наука соврем. России. — 2007. — № 3. — С. 9—12.
18. Малышев, Ю. А. Новая парадигма региональной промышленной политики / Ю. А. Малышев, А. И. Камалов // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Экономика. — 2011. — № 1. — С. 7—23.
19. Маркс, К. Сочинения. В 39 т. Т. 18 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. — 808, XXX с.
20. Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза. Январь—декабрь 2017 г.: статистика Евразийского экономического союза. Аналитический обзор 27 февраля 2018 г. [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/2017/Analytics_I_201712.pdf>. — Дата доступа: 25.02.2018.
21. Объем промышленной продукции по видам экономической деятельности (в текущих ценах, в долларах США). Статистика Евразийского экономического союза. Промышленность [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/industria.aspx>. — Дата доступа: 25.02.2018.
22. Овчаренко, О. Ю. Управление интеграционными рисками корпоративных агропромышленных образований: на материалах Алтайского края: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / О. Ю. Овчаренко. — Барнаул, 2006. — 155 л.
23. Оценка экономических эффектов отмены нетарифных барьеров в ЕАЭС / Е. Ю. Винокуров [и др.]; Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития. — СПб., 2015. — 72 с. [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/developDocs/Documents/EAEU_estims.pdf>. — Дата доступа: 30.02.2018.
24. Преснякова, Е. В. Влияние промышленных специфических субсидий государств — членов ЕАЭС на состояние внешней торговли Республики Беларусь / Е. В. Преснякова // Беларусь в современном мире: материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та (Минск, 27 окт. 2016 г.). — Минск: Изд. центр БГУ, 2016. — С. 191—193.
25. Российско-белорусские отношения в горизонте до 2020 года: итоги форсайт-сессии / под ред. А. Д. Саулина. — М.: Интеграция: образование и наука, 2017. — 96 с.
26. Рубвальтер, Д. Промышленная политика: проблемы выработки приоритетов / Д. Рубвальтер // Власть. — 2007. — № 12. — С. 27—37.

27. Семак, Е. А. Участие Республики Беларусь в формировании единого экономического евразийского пространства / Е. А. Семак // Евразийское пространство: приоритеты социально-экономического развития: материалы Международ. науч.-практ. конф. — М.: ЕОУ, 2011. — С. 218—228.
28. Сергей Сидорский: Промышленное сотрудничество в ЕАЭС — мощный фактор экономического развития [Электронный ресурс] // Звезда. — 16.09.2015. — Режим доступа: <<http://www.zvezda.by/be/news/20150916/1442391112-sergey-sidorskiy-promyshlennoe-sotrudnichestvo-v-eaes-moshchnyy-faktor>>. — Дата доступа: 20.12.2017.
29. Солодовников, С. Ю. Понятие промышленной политики / С. Ю. Солодовников, М. С. Белявская // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. тр. IX Междунар. науч.-практ. конф. / Полес. гос. ун-т. — Пинск, 2015. — С. 11—12.
30. Сотников, Д. М. Критерии выбора приоритетов государственной промышленной политики / Д. М. Сотников // Вестн. МГУ. Сер. Экономика. — 2007. — № 1. — С. 17—32.
31. Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2014. — № 15. — С. 2—21.
32. Татаркин, А. И. Промышленная политика и механизмы ее реализации: системный подход / А. И. Татаркин, О. А. Романова // Экономика региона. — 2007. — № 3. — С. 19—31.
33. Филиппенко, Е. Н. Промышленная политика в транзитивной экономике / Е. Н. Филиппенко // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2010. — № 2. — С. 22—26.
34. Чернецова, Н. С. Экономические интересы в условиях кооперации как формы организации труда / Н. С. Чернецова, В. А. Канакина // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 28. — С. 605—608.
35. Широ, А. А. Интегрированный межотраслевой баланс как элемент анализа и прогнозирования связей на постсоветском пространстве / А. А. Широ, А. Р. Саяпова, А. А. Янговский // Проблемы прогнозирования. — 2015. — № 1. — С. 11—21.

Статья поступила в редакцию марте 2018 г.

АНАЛИЗ СУБЪЕКТОВ ТУРИСТИЧЕСКОГО РЫНКА БЕЛАРУСИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ТУРИЗМА

Наталья Борисенко-Клепач

В статье рассмотрены результаты первого в Беларуси исследования, направленного на анализ готовности отечественного туристического рынка к развитию инклюзивного туризма. Проанализированы зарубежные и отечественные подходы к пониманию инклюзивного туризма, предложено его авторское определение. Автор описывает методологию проведенного исследования и приводит основные результаты, среди которых информация о степени осведомленности субъектов туристического рынка Беларуси об инклюзивном туризме, доступности объектов для людей с особыми потребностями, готовности туристических объектов работать с целевым сегментом инклюзивного туризма, в том числе инвестировать средства в адаптацию инфраструктуры. Рассмотрены основные барьеры с точки зрения представителей сферы туризма на пути к повышению инклюзивности инфраструктуры и услуг и необходимые изменения. На основе проведенного исследования автор предлагает комплекс мероприятий, направленных на стимулирование развития инклюзивного туризма в Беларуси, охватывающих правовой, социально-экономический и информационный блоки.

Ключевые слова: Беларусь; инклюзивные подходы; инклюзивный туризм; люди с инвалидностью; сегмент; туристический рынок.

«Analysis of the Subjects of the Belarusian Tourist Market from the Point of the Development of Inclusive Tourism» (Natallia Barysenka)

The article deals with the results of the first research in Belarus aimed at analysing the readiness of the domestic tourism market for the development of inclusive tourism. The article analyses foreign and domestic approaches to the understanding of inclusive tourism, at the same time offers the author's definition. The author also describes the methodology of the research and provides the main results, including information about the degree of the subjects' awareness of the Belarusian tourist market about inclusive tourism, the availability of facilities for people with special needs, the readiness of tourism sites to work with the target segment of inclusive tourism, including investment in infrastructure adaptation. The main barriers from the point of view of representatives of the tourism sector on the way to increase the inclusiveness of infrastructure and services and the necessary changes are considered. On the basis of the research the author proposes a set of measures aimed at stimulating the development of inclusive tourism in Belarus, covering the legal, socio-economic and informational blocks.

Keywords: Belarus; inclusive approaches; inclusive tourism; persons with disabilities; segment; tourist market.

Author:

Barysenka Natallia — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: n_borisenko@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

За последние десятилетия в структуре современного международного рынка туристических услуг имели место определенные качественные изменения, которые были вызваны появлением как новых видов туристических услуг, так и новых сегментов потенциальных потребителей. Одним из таких качественных изменений выступает внедрение инклюзив-

ных подходов в функционирование туристического рынка.

В странах, аккумулирующих основные турпотоки, таких как США, страны ЕС, уже более двух десятилетий развивается инклюзивный туризм, направленный на предоставление туристических услуг людям, имеющим особые потребности (людям пожилого возраста, лю-

Автор:

Борисенко-Клепач Наталья Михайловна — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: n_borisenko@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Юрова Наталья Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Куратовец Аркадий Иосифович — кандидат экономических наук, доцент кафедры международного бизнеса факультета международных экономических отношений Белорусского государственного экономического университета

дям с инвалидностью, родителям с маленькими детьми и т. д.). Однако в Беларуси в настоящее время можно говорить лишь о начальной стадии развития инклюзивного туризма. Его развитие требует качественных изменений в сфере туризма (правовых, инфраструктурных, информационных и пр.).

В зарубежной практике уже накоплен определенный опыт исследований региональных и национальных туристических рынков с точки зрения наличия спроса на инклюзивные туристические услуги и соответствующего предложения со стороны туристической отрасли. Подобные исследования проводились на национальном уровне в Австралии [20], США [27], Германии [28], Великобритании [31], а также на уровне Европейского союза как региональная комиссия опубликовала отчет «Исследование и оценка предложения услуг в сфере инклюзивного туризма в Европе» [26]. В данном документе проанализирована структура предложения инклюзивных туристических услуг в ЕС, выявлена специфика данных поставщиков, рассмотрены особенности предоставления информации о доступности туристических объектов, проиллюстрировано географическое распределение поставщиков инклюзивных туристических услуг в границах ЕС.

В отчете «Экономический эффект и тенденции в сфере инклюзивного туризма в Европе» [24], проведенном рядом европейских университетов и исследовательских компаний по запросу Европейской комиссии, особое внимание уделяется исследованию потенциальных потребителей инклюзивных туристических услуг (проведен анализ их половозрастной структуры, специфики потребностей, мотивов путешествий, предыдущего опыта поездок). В отчете представлена оценка экономического вклада инклюзивного туризма в развитие туристического рынка ЕС, а также рассмотрены три сценария роста туристического рынка под влиянием растущего спроса на инклюзивные туристические услуги и возможных качественных изменений со стороны предложения.

Исследования рынка инклюзивных туристических услуг на национальном уровне в Великобритании осуществляет национальная туристическая администрация *VisitBritain* [31]. В них подчеркивается существенный экономический вклад инклюзивного туризма в развитие въездного и внутреннего туризма, а также рассматривается динамика основных экономических показателей, характеризующих рынок инклюзивного туризма в Великобритании. В Германии исследование спроса и предложения инклюзивных туристических услуг было проведено Министерством экономики и технологий в 2004 г. [28]. Аналогичные исследования проводились в США в 2002 и 2005 гг. организацией *Mandala Research* и в 2015 г. *Open Doors Organization* [27].

Следует подчеркнуть, что в Беларуси ранее не проводились подобные исследования. В целом вопросы развития туристического рынка Беларуси рассматриваются в работах значительного числа отечественных авторов, среди которых Л. М. Гайдукевич [3; 14], И. И. Пирожник [11], Д. Г. Решетников, М. В. Боровко, А. И. Тарасёнок [12], П. О. Сороко [13] и др. Однако развитие инклюзивного туризма до сих пор не охвачено белорусскими исследователями в должной мере.

В первую очередь при анализе развития инклюзивного туризма в Беларуси необходимо обратить внимание на тот факт, что в нашей стране на сегодняшний день инклюзивный туризм не имеет широкого распространения. Как следствие, субъектами туристического рынка не накоплен соответствующий опыт работы, который позволил бы осуществить оценку экономического вклада инклюзивного туризма в развитие туристического рынка страны. Следовательно, на данном этапе развития целесообразно проанализировать степень осведомленности субъектов белорусского туристического рынка об инклюзивном туризме и готовность развивать это направление.

В связи с этим кафедрой международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета в 2017 г. было проведено первое исследование туристического рынка Беларуси в целях изучения степени его готовности к внедрению инклюзивных подходов. Необходимость подобного исследования обоснована тем, что отсутствие фактических данных об актуальной ситуации на рынке делает невозможной разработку адекватного комплекса мер, которые бы способствовали более широкому внедрению инклюзивных подходов в сфере туризма. Поэтому в рамках исследования было запланировано собрать сведения об опыте работы белорусских туристических организаций с целевым сегментом инклюзивного туризма, об уровне их заинтересованности в привлечении новых сегментов потребителей, а также о наиболее существенных барьерах, сдерживающих развитие инклюзивного туризма в Беларуси.

Целью данной статьи является анализ туристического рынка Беларуси с точки зрения перспектив развития инклюзивного туризма, основанный на результатах упомянутого выше исследования, и предложение комплекса мероприятий, направленных на стимулирование развития инклюзивного туризма в нашей стране.

Объектом исследования выступал белорусский рынок туристических услуг в виде различных экономических субъектов, таких как туристические компании, отели, санатории, музеи, информационные центры, субъекты агроэкотуризма, объекты питания и т. д. Предметом данного исследования выступала степень готовности субъектов туристического рынка

Беларуси к внедрению инклюзивных подходов в свою деятельность. Данное исследование было призвано решить следующие задачи:

1) оценить осведомленность поставщиков туристических услуг об инклюзивном туризме и его целевой аудитории;

2) выявить наличие у субъектов туристического бизнеса опыта работы с людьми с особыми потребностями и необходимой для этого инфраструктуры;

3) дать оценку заинтересованности турбизнеса в развитии инклюзивного туризма;

4) определить основные барьеры, которые препятствуют развитию данного направления в Беларуси;

5) оценить готовность субъектов туризма улучшать доступность своих услуг, а также предложить необходимые меры на государственном уровне, которые бы этому способствовали [2, с. 9].

При разработке концепции исследования в первую очередь был изучен зарубежный опыт исследований рынка инклюзивного туризма, были обобщены существующие практики сбора первичной информации. Основным методом сбора данных в рамках исследования выступил онлайн-опрос. Анкета, предложенная респондентам, состояла из 13 вопросов, объединенных в четыре тематических блока, направленных:

— оценку осведомленности об инклюзивном туризме и его целевой аудитории;

— выявление наличия опыта работы с клиентами с особыми потребностями и необходимой инфраструктуры;

— оценку заинтересованности в использовании инклюзивных подходов на своем объекте;

— на выявление барьеров, препятствующих развитию инклюзивного туризма, и необходимых изменений, которые бы способствовали более широкому внедрению инклюзивных подходов на белорусском туристическом рынке.

Первичным этапом проведения исследования выступал сбор данных об объектах туризма, представители которых могли бы выступить потенциальными респондентами. Выбор объектов для рассылки писем определялся спецификой онлайн-исследования: необходимым условием для отправки писем было наличие у объекта действующего адреса электронной почты. В связи с этим из рассылки были исключены объекты, на сайтах которых не была размещена информация об адресах электронной почты. Непосредственный сбор и анализ ответов проходил в период с июня по сентябрь 2017 г. Всего электронной формой информирования были охвачены более 1000 респондентов.

В контексте анализа полученных результатов представляется актуальным рассмотреть, прежде всего, подходы к определению поня-

тия «инклюзивный туризм». Это обусловлено тем, что в работах зарубежных, российских и белорусских авторов встречается различное трактование данного термина.

В зарубежной практике можно выделить три основных подхода. Первый подход предложен австралийскими учеными С. Дарси и Т. Диксоном [23]. Они используют термин «доступный туризм» (*accessible tourism*), а не «инклюзивный туризм» и в его определении подчеркивают охват максимально широкой целевой аудитории в качестве потенциальных пользователей инклюзивных туристических услуг, указывают на необходимость кооперации и сотрудничества различных игроков туристического рынка для достижения инклюзивности услуг, а также предлагают механизм создания инклюзивного предложения на рынке, т. е. универсальных туристических продуктов, услуг и среды. Аналогичный подход в определении инклюзивного туризма применяют такие авторы, как Э. Микопоулоу, В. Эйхорн [17], Дж. Боутелл [19], С. Дарси, Б. Кэмерон, Ш. Пегг [22] и др.

В рамках второго подхода (авторы Л. Морелли, М. Нокко, А. Петрилло, С. Столфи [18]) предлагается использовать термин «туризм для всех», основанный на философии универсального дизайна, через его инфраструктурное наполнение. Таким образом, подразумевается доступность среды обитания человека для всех людей без исключения.

Третий подход к определению инклюзивного туризма был выдвинут американским исследователем С. Рейнсом [30], который обосновывает, что термин «доступный туризм» (*accessible tourism*) в первую очередь затрагивает вопросы физической доступности объектов, в то время как термин «инклюзивный туризм» (*inclusive tourism*) определяет доступность в широком понимании, в том числе готовность персонала, универсализацию оказания услуг и т. д. Данный подход основан на трактовании термина «инклюзия» как «вовлечение» либо «включение» всех потенциальных участников в процесс потребления туристических продуктов и услуг. Данный подход разделяют также Р. Коэн [21], Л. Ван Хорн, Х. Изола [32].

В русскоязычном исследовательском поле изучением инклюзивного туризма занимаются А. Д. Бавельский, Г. И. Зорина, А. А. Ручин [1], Н. А. Зайцева, Д. Б. Шурафина [5], К. А. Ионицкая [6], Ю. А. Киреева [7], Н. В. Маньшина [8], Ю. Ф. Педосюк [10] и др. Данные авторы используют такие термины, как «безбарьерный туризм», «доступный туризм», «инклюзивный туризм». Анализ подходов российских исследователей позволяет сделать вывод о том, что предложенные ими определения в основном базируются на правовом подходе, который подразумевает равенство права на отдых и туризм для всех людей без исключения. Вторым

важным параметром является физическая доступность туристической инфраструктуры. Подобное рассмотрение инклюзивного туризма представляется достаточно узким, поскольку доступность туристических услуг подразумевает не только физическую, но и информационную доступность, инфраструктурные изменения, изменения менталитета общества и т. п.

Среди белорусских исследователей можно выделить таких авторов, как Н. А. Лазовская, В. А. Клицунова, Л. В. Скрадаль [15]. Так, Н. А. Лазовская в основном рассматривает доступность туристических объектов с точки зрения универсального дизайна городских пространств, а также конкретных зданий или объектов [15, с. 22]. В. А. Клицунова описывает подходы к созданию туристических продуктов с учетом нужд людей с инвалидностью, среди которых ключевым является интерпретация природного и культурного наследия [15, с. 52]. Л. В. Скрадаль предлагает практические рекомендации по организации экскурсионного обслуживания людей с проблемами зрения, слуха, а также когнитивными проблемами [15, с. 41]. Данные авторы не акцентируют внимание на вопросах терминологии, используют понятия как «туризм, доступный для всех», так и «безбарьерный туризм», не рассматривая их с методологической точки зрения. В целом анализ имеющихся теоретических и практических наработок в области инклюзивного туризма в Беларуси показал, что в нашей стране отсутствуют значимые исследования в данной области, поэтому практически не разработан понятийный аппарат и не исследованы его структурные составляющие. Белорусские исследователи в первую очередь делают акцент на инфраструктурной составляющей инклюзивного туризма, оставляя без внимания его социально-экономические параметры, в то время как инклюзивный туризм требует более глубокого рассмотрения.

Проанализировав существующие зарубежные и русскоязычные теоретико-методологические аспекты исследований инклюзивного туризма, предлагаем говорить об **инклюзивном развитии туризма**, под которым следует понимать концепцию устойчивого функционирования и развития международного рынка туристических услуг, предполагающую вовлечение в планирование, производство и потребление туристического продукта всех людей независимо от наличия у них каких-либо особых потребностей в доступности (постоянного или временного характера), включая ее мобильную, визуальную, слуховую и когнитивную составляющие, что достигается применением универсальных подходов при создании и функционировании туристических продуктов, услуг и инфраструктуры. В данном определении подчеркивается тот факт, что для обеспечения инклюзивности развития туризма необходимо предоставить не только

равную возможность потребления созданного турпродукта для всех, но и возможность участия всех людей без исключения в процессе планирования и производства турпродукта. Это отражает как правовую составляющую инклюзивного туризма, а именно равенство прав, так и равенство людей с точки зрения их экономической активности и трудоустройства. В данном контексте инклюзивный туризм как таковой подразумевает обеспечение доступности туристических продуктов и услуг для всех потенциальных потребителей. Необходимо обратить внимание, что первоочередными потенциальными потребителями инклюзивных туристических услуг являются пожилые люди, люди с инвалидностью, люди с временными проблемами здоровья, родители с маленькими детьми, беременные женщины, люди нестандартных размеров и роста, люди с аллергией или пищевой непереносимостью, люди, не владеющие иностранным языком (которые сталкиваются с языковым барьером во время путешествия).

Инклюзивный туризм играет всевозрастающую роль в структуре международного рынка туристических услуг. Российские исследователи Н. А. Зайцева и Д. Б. Шуравина приводят данные о том, что на сегодняшний день около 8 % всех мировых туристических потоков приходится на инклюзивные путешествия [5, с. 62]. Н. В. Маньшина утверждает, что доля инклюзивного туризма в структуре мировых турпотоков составляет 7 %, тогда как в Европе данный показатель достигает 11 % [8].

Европейская комиссия рассматривает инклюзивный туризм как одно из направлений диверсификации туристического продукта ЕС в целях повышения его конкурентоспособности [25]. В 2012—2015 гг. Еврокомиссией был инициирован ряд исследований рынка инклюзивного туризма, о которых упоминалось выше. Результаты исследований показали, что в 2012 г. на инклюзивный туризм приходилось 9,2 % всего туристического предложения ЕС. При этом спрос на инклюзивные туруслуги оценивался в 37 % от общего спроса на европейском туристическом рынке. Это позволяет говорить о том, что разрыв между существующим спросом и предложением в сфере инклюзивного туризма в ЕС составляет 27,8 % [26]. Несмотря на недостаток необходимой информации, инфраструктуры и услуг, туристы с особыми потребностями в 2012 г. совершили 783 млн путешествий в границах ЕС. Согласно прогнозам, данный показатель к 2020 г. вырастет на 10 % (до 862 млн путешествий). Лидерами в области инклюзивного туризма в ЕС выступают Великобритания и Германия [24].

Английский исследователь Дж. Боутелл также предпринял попытку оценить объем рынка инклюзивного туризма в Европе [19]. Согласно его расчетам, потенциальный доход от инклюзивного туризма к 2025 г. может со-

ставить около 88,6 млрд евро при условии, что туристы с особыми потребностями путешествуют самостоятельно. Однако необходимо учитывать, что чаще всего данная категория туристов путешествует в сопровождении друзей или родственников, что приводит к эффекту мультипликации. С учетом мультипликатора потенциальный доход от инклюзивного туризма к 2025 г. может достичь 265 млрд евро [19].

В США попытки оценить экономический вклад инклюзивного туризма были предприняты еще в 2002 г. В рамках исследования было выявлено, что туристы с инвалидностью потратили на свои путешествия 13,6 млрд дол. США. В результате аналогичного исследования, проведенного в 2015 г., выяснилось, что данный показатель вырос на 21 % (до 17,3 млрд дол. США). Важно подчеркнуть, что с учетом упомянутого выше мультипликатора экономический вклад инклюзивного туризма в США оценивается в 34,6 млрд дол. США [29].

Австралийские исследователи Д. Бугалис и С. Дарси сделали попытку оценить вклад инклюзивного туризма в экономику Австралии с использованием вспомогательного счета туризма. Согласно их данным, на инклюзивный туризм приходится около 11 % туристического ВВП Австралии и около 12 % занятых в сфере туризма [20, р. 235].

Приведенные данные, несмотря на различие подходов к оценке экономического вклада, позволяют сделать вывод о том, что инклюзивный туризм является растущим сегментом международного туристического рынка. Это подтверждается и ростом потенциального спроса на инклюзивные туристические услуги, что обусловлено мировыми демографическими тенденциями. Ключевую роль в данном процессе играет старение населения. В 2015 г. люди в возрасте старше 60 лет составляли 12 % населения планеты. При этом данный сегмент населения является наиболее быстро растущим: рост составляет 3,26 % в год [33]. Необходимо отметить тот факт, что человек в возрасте старше 65 лет может иметь инвалидность с вероятностью в 14 раз больше, чем 4-летний ребенок [19, р. 207], что также способствует росту спроса на инклюзивные туристические услуги.

В Беларуси вопросы развития инклюзивного туризма обрели особую актуальность в свете ратификации в 2016 г. Конвенции ООН о правах инвалидов и последующей разработки Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 годы, принятого Советом Министров Республики Беларусь 13 июня 2017 г. В Национальном плане действий в пункте 17 по реализации задачи 2 «Создание условий для интеграции инвалидов во все сферы жизнедеятельности» отмечается, что «должны быть приняты меры по созданию условий и расширению участия инвалидов в

туристических, спортивных и досуговых мероприятиях» [9]. Разработка подобных мер требует объективной информации о современном уровне развития инклюзивного туризма. До сих пор в Беларуси на государственном уровне не были реализованы системные подходы, которые бы способствовали инклюзивному развитию туристического рынка.

Важно также подчеркнуть, что в Беларуси присутствует потенциальный спрос на инклюзивные туристические услуги. По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, на 1 января 2018 г. 564 967 человек с инвалидностью получали пенсию в органах по труду, занятости и социальной защите [16]. Кроме того, согласно данным Национального статистического комитета, в Беларуси проживают 1 996 707 человек в возрасте старше 60 лет (по данным за 2017 г.) [4, с. 52]. Для более полной характеристики потенциального спроса необходим глубокий экономический анализ, однако на сегодняшний день подобный анализ в Беларуси не проводился. В то же время оценка результатов проведенного автором исследования позволяет сделать ряд выводов о современном состоянии предложения инклюзивных туристических услуг.

В рамках исследования разработанная онлайн-анкета была направлена в различные туристические организации Беларуси (турфирмы, отели, санатории, субъекты агроэкотуризма, музеи, инфоцентры, объекты питания). Всего было направлено 1038 писем, из них более 700 — в туристические фирмы, более 130 — субъектам агроэкотуризма. За указанный период было получено 105 ответов, из них пригодной для анализа была 101 анкета. В целом процентная доля ответивших на отправленные письма невысокая — около 10 %, однако если сопоставить количество писем и ответов по отдельным категориям, то доля ответивших в ряде случаев повышается (для субъектов агроэкотуризма этот показатель составил 19 %, для санаториев и отелей — 17 %, для музеев — 42 %, для информационных центров — 100 %) [2, с. 10]. Структура респондентов по видам объектов проиллюстрирована на рис. 1. Наибольшее количество ответов поступило от представителей туристических фирм (41 %), на втором месте — субъекты агроэкотуризма (26 %). Более 60 % респондентов — руководители соответствующих организаций [2, с. 10].

Исходным моментом в анализе результатов исследования является первый блок вопросов, который был направлен на оценку осведомленности об инклюзивном туризме и его целевой аудитории. Анализ ответов респондентов показал, что более 66,3 % всех участников опроса разделяют мнение о том, что инклюзивный туризм — это туризм для всех категорий туристов. 22 % полагают, что это туризм для людей с инвалидностью [2, с. 12]. Полученные данные свидетельствуют о том, что осведом-

ленность об инклюзивном туризме среди респондентов достаточно высока. Однако можно предположить, что участие в опросе принимали именно те субъекты, которые уже имеют некоторый опыт работы в данном направлении, что нашло свое отражение в ответах на данный вопрос. Существенным аспектом при анализе осведомленности об инклюзивном туризме выступает понимание респондентами термина «люди с особыми потребностями», т. е. целевого сегмента потребителей инклюзивных туристических услуг. Совокупность ответов респондентов, проиллюстрированная на рис. 2, отражает сложившееся в белорусском обществе стереотипное понимание того, кого можно отнести к людям с особыми потребностями. 60 % респондентов указали, что люди с особыми потребностями — это люди с инвалидностью [2, с. 14]. Однако необходимо подчеркнуть, что более трети респондентов отнес-

ли к этой категории также пожилых людей и родителей с маленькими детьми, что отражает более широкое понимание целевого сегмента инклюзивного туризма. Особого внимания заслуживает тот факт, что 35,6 % респондентов указали в качестве людей с особыми потребностями все предложенные в анкете категории клиентов [2, с. 14].

Второй тематический блок онлайн-опроса был направлен на выявление наличия опыта работы с клиентами с особыми потребностями и необходимой инфраструктуры для их обслуживания. Анализ ответов показал, что около 70 % респондентов имеют опыт работы с пожилыми клиентами и клиентами с маленькими детьми — одними из первоочередных бенефициаров доступности туристических услуг. Интересным представляется тот факт, что 49,5 % респондентов сталкивались в своей работе с клиентами с инвалидностью [2, с. 14].

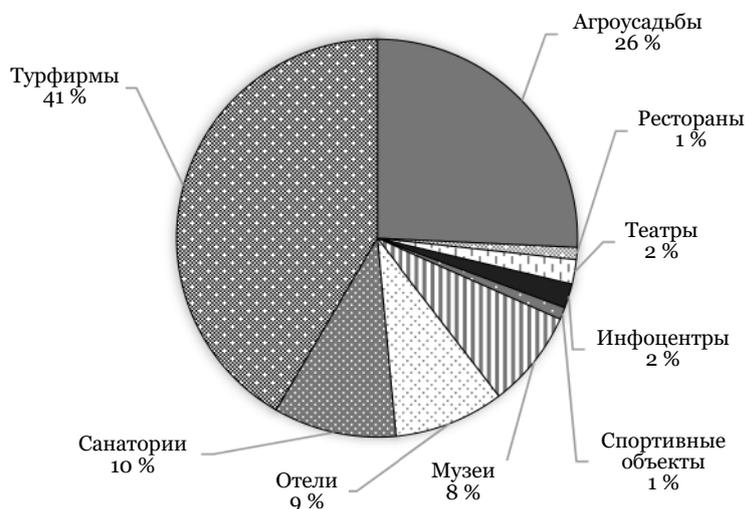


Рис. 1. Структура респондентов по видам объектов

Источники: составлено автором на основе [2, с. 10].

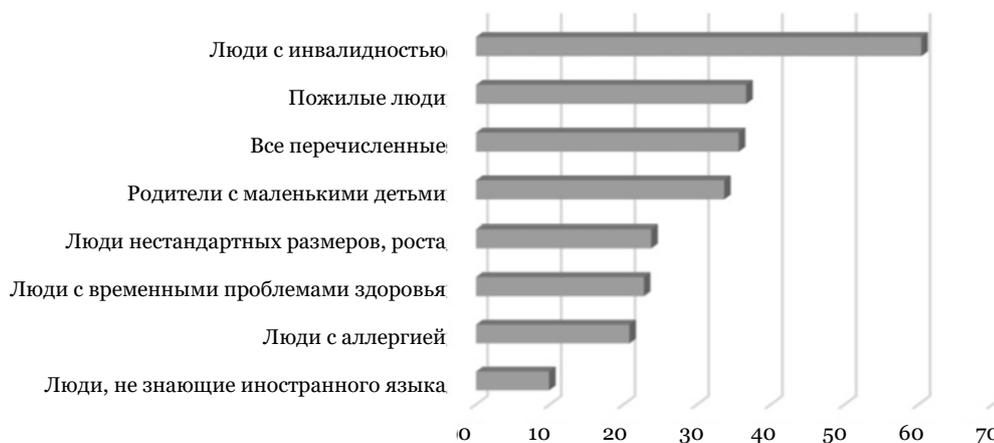


Рис. 2. Понимание термина «люди с особыми потребностями», %

Источники: составлено автором на основе [2, с. 14].

Доступность туристической инфраструктуры является одним из ключевых элементов обеспечения инклюзивности туристического предложения. Однако результаты исследования показали низкий уровень доступности существующей туристической инфраструктуры. Практически половина респондентов (45,5 %) отметили, что на их объектах полностью отсутствуют какие-либо элементы доступности. Среди наиболее частых элементов доступности, которые встречаются на объектах, пандусы (38,6 %), а также санузел (24,8 %) и парковочное место (25,7 %), адаптированные для людей с инвалидностью [2, с. 16]. При анализе полученных ответов на вопрос об элементах доступности была выявлена определенная специфика. Наиболее адаптированными к приему туристов с особыми потребностями, в первую очередь людей с инвалидностью, оказались санатории. Как видно из рис. 3, все санатории, принимавшие участие в анкетировании, располагают пандусами, 70 % имеют санузлы для людей с инвалидностью, 30 % — специализированную парковку. Это обусловлено тем, что наличие элементов доступности является одним из критериев оценки санаторно-курортных учреждений в рамках государственной аттестации, а также спецификой самих объектов (оздоровление туристов, в первую очередь имеющих проблемы со здоровьем). Реже всего элементы доступности встречаются в агроусадебках, что в первую очередь обусловлено использованием для приема туристов частных домов, на которые не распространяются требования в области безбарьерной среды.

Результаты третьего тематического блока позволяют сделать определенные выводы о заинтересованности поставщиков туристических

услуг в работе с целевым сегментом инклюзивного туризма и готовности повышать собственную доступность. В первую очередь анализ результатов позволяет сделать вывод о том, что каждая группа потребителей в структуре целевого сегмента инклюзивного туризма является достаточно привлекательной для белорусского туристического бизнеса. Однако наиболее привлекательными для респондентов являются такие категории, как родители с маленькими детьми, пожилые люди и люди, не владеющие иностранным языком. Кроме того, следует подчеркнуть, что более 90 % респондентов согласны с тем, что доступность повышает конкурентоспособность туристического объекта [2, с. 19]. При этом значительная часть респондентов не готова инвестировать в повышение доступности своих объектов: только 34,7 % респондентов готовы направлять финансирование на повышение инклюзивности своих услуг, причем сумма, которую готовы вложить респонденты, в основном не превышает 1000 белорусских рублей [2, с. 21]. Одновременно в ближайшие 5 лет респонденты готовы предпринимать определенные шаги (рис. 4), не требующие значительного финансирования: провести оценку доступности своего объекта самостоятельно (38,6 %), разработать и предложить туристический продукт, доступный всем туристам без исключения (37,6 %), а также изучить литературу до данной теме (33,7 %). Около четверти респондентов считают возможным организовать обучение персонала по теме инклюзивного туризма, а также создать необходимую безбарьерную инфраструктуру [2, с. 20].

Четвертый блок анкеты был направлен на выявление барьеров, препятствующих развитию инклюзивного туризма в Беларуси, и

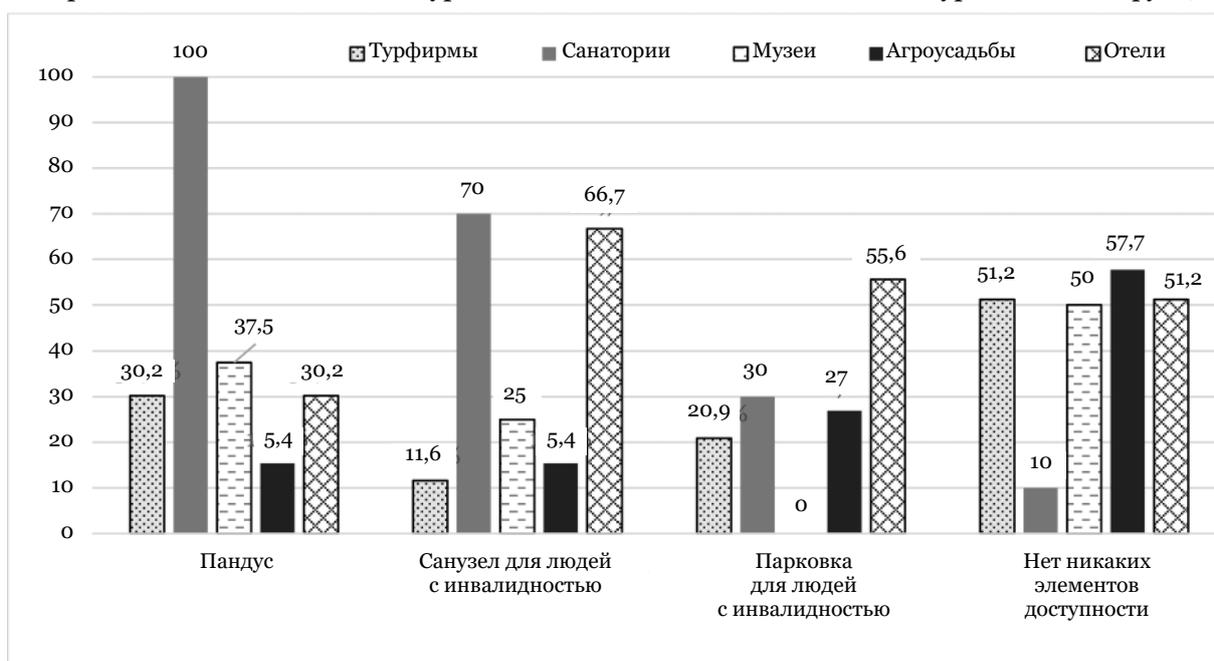


Рис. 3. Наличие основных элементов доступности в разрезе видов туристических объектов, %

Источник: [2, с. 17].

необходимых изменений, которые бы стимулировали данное направление. Полученные результаты позволили выявить следующие основные барьеры, с точки зрения представителей туристического бизнеса (барьеры расположены по степени важности):

- 1) недостаток финансирования на улучшение доступности туристических объектов;
- 2) нехватка информации об особых потребностях туристов;
- 3) отсутствие безбарьерной среды в целом;
- 4) отсутствие специалистов в данной области;
- 5) сложность реализации требований в области доступности;
- 6) недостаток действующих примеров доступных туристических объектов;
- 7) отсутствие законодательства в данной области;
- 8) негативное отношение сотрудников к клиентам с особыми потребностями.

Следует подчеркнуть, что перечисленные барьеры затрагивают не только сферу туризма. Так, отсутствие элементов безбарьерной среды на различных общественных объектах и низкий уровень доступности городских и иных пространств в целом сдерживают активное развитие инклюзивного туризма, поскольку сокращают возможности для свободного перемещения туристов. Помимо этого, негативное отношение сотрудников к клиентам с особыми потребностями может иметь место в различ-

ных организациях, что косвенно может оказать влияние на впечатление туриста о той или иной туристической дестинации.

Важную роль в разработке мер по развитию инклюзивного туризма в Беларуси играет представление представителей туристической отрасли о том, какие изменения необходимы. В некоторой мере ответы респондентов на данный вопрос связаны с теми барьерами, которые были описаны выше. Так, наиболее важным, по мнению респондентов, является создание системы финансовой поддержки бизнеса, готового повышать доступность своих услуг (77,2 %), на втором месте по значимости стоит разработка стратегии развития инклюзивного туризма в Беларуси (52,5 %), на третьем — позитивные примеры других организаций (50,5 %). Далее по важности располагаются такие изменения, как появление большого количества информации по данной теме (49,5 %), формирование специализированного законодательства в области инклюзивного туризма (37,6 %), а также создание системы повышения квалификации кадров по вопросам инклюзивного туризма (32,7 %) [2, с. 24].

Анализ результатов исследования, а также зарубежного опыта развития инклюзивного туризма стал основой разработки представленного комплекса мероприятий по стимулированию внедрения инклюзивных подходов в развитие туристического комплекса Беларуси (см. таблицу). Предложенные мероприя-



Рис. 4. Действия респондентов по улучшению собственной доступности в ближайшие 5 лет, %

Источники: составлено автором на основе [2, с. 20].

тия сгруппированы в три тематических блока (правовой, социально-экономический и информационный). Данные мероприятия могут быть реализованы в рамках деятельности Министрства спорта и туризма Республики Беларусь при взаимодействии с другими профильными организациями.

Важно подчеркнуть, что именно комплексный подход в стимулировании развития инклюзивного туризма может дать определенный положительный результат. Это продиктовано как зарубежным опытом, так и результатами исследования. Разрыв между значимостью необходимых изменений в ответах респондентов незначителен, что подтверждает необходимость их параллельного осуществления.

Одним из важных аспектов в исследовании данной темы выступает анализ подходов к определению термина «инклюзивный туризм». Автором были изучены зарубежные и отечественные исследования в данной области, в результате чего было предложено определение инклюзивного развития туризма, которое учитывает как доступность туристических услуг и инфраструктуры для всех людей, независимо от наличия у них каких-либо особых потребностей, так и возможность равногo участия в туризме как экономической деятельности. Кроме того, в данном определении

подчеркивается, что инклюзивный туризм базируется на использовании подходов универсального дизайна при разработке туристических услуг и инфраструктуры.

Особое внимание в статье уделено экономическому эффекту инклюзивного туризма в разрезе международного рынка туристических услуг. По оценкам ряда авторов, инклюзивный туризм составляет около 7–8 % мирового турпотока. Одновременно прослеживается тенденция роста потенциального спроса на данные услуги, что обусловлено, в первую очередь, демографическими изменениями. Лидерами в области инклюзивного туризма в мире являются Германия, Великобритания, Австралия и США.

Актуальность проведенного автором исследования обусловлена отсутствием объективных данных о современном уровне развития инклюзивного туризма в Беларуси. До сих пор подобные исследования не проводились, в связи с чем отсутствовала возможность анализировать сложившуюся ситуацию на туристическом рынке.

Анализируя полученные в результате исследования данные, можно сделать следующие основные выводы:

— отмечается довольно высокая степень осведомленности респондентов об инклюзивном туризме, при этом доминирует сте-

Комплекс мероприятий, направленных на стимулирование развития инклюзивного туризма в Беларуси

Тематический блок	Мероприятия
Правовой	Проанализировать существующую нормативно-правовую базу в сфере туризма с точки зрения требований инклюзивности и внести необходимые изменения
	Разработать стратегию внедрения инклюзивных подходов в развитие туристического комплекса Республики Беларусь
	Дополнить Государственную программу развития туризма мероприятиями, направленными на стимулирование развития инклюзивного туризма
Социально-экономический	Провести исследование потенциального спроса и существующего предложения инклюзивных туристических услуг в Беларуси
	Разработать финансовые механизмы поддержки бизнеса, заинтересованного в развитии инклюзивных подходов и повышении собственной доступности
	Создать систему подготовки квалифицированных кадров в туризме, обладающих необходимыми компетенциями для работы с целевым сегментом инклюзивного туризма (через внедрение дополнительных специализированных предметов в программы высшего образования и систему переподготовки кадров)
	Расширить возможности трудоустройства в сфере туризма для людей с особыми потребностями, в том числе через механизм социального предпринимательства
	Стимулировать кооперацию между туристическими организациями, которые заинтересованы в развитии инклюзивного туризма
Информационный	Разработать систему сбора объективной информации о степени доступности существующих туристических объектов и услуг
	Разработать систему информирования туристов о степени доступности туристических объектов
	Проводить информационные мероприятия, направленные на повышение осведомленности об инклюзивном туризме и его целевом сегменте
	Распространять информацию об успешных примерах туристических организаций, которые используют в своей работе инклюзивные подходы
	Разместить в открытом доступе печатные и электронные материалы о механизмах повышения доступности туристической инфраструктуры и услуг

Источники: составлено автором на основе [2, с. 27].

реотипное восприятие людей с особыми потребностями исключительно как людей с инвалидностью;

— 70 % респондентов имеют опыт работы с пожилыми людьми и родителями с маленькими детьми, однако можно предположить, что представители турбизнеса не рассматривают данные категории клиентов как клиентов с особыми потребностями;

— наблюдается низкий уровень физической доступности туристической инфраструктуры, при этом, несмотря на отсутствие необходимой инфраструктурной базы, респонденты заинтересованы в работе с целевым сегментом инклюзивного туризма;

— отмечается низкая степень готовности респондентов к изменениям в плане доступности туристической инфраструктуры, так как большинство респондентов не готовы инвестировать в необходимую адаптацию своих объектов и указывают финансовый барьер как основной на пути к инклюзивному туризму.

Комплекс мер, предложенный автором, основан на результатах проведенного исследования и анализ имеющегося зарубежного опыта. Он предполагает одновременное осуществление мероприятий по стимулированию развития инклюзивного туризма, что коррелирует с результатами исследования.

В заключение необходимо отметить, что проведенное исследование, а также разработанные автором предложения являются одним из первых шагов на пути к более широкому распространению инклюзивного туризма в Беларуси. В перспективе необходимы более детальный социально-экономический анализ потенциального спроса на инклюзивные туристические услуги, а также оценка возможностей со стороны туристического предложения, что позволит глубже проанализировать потенциальный экономический эффект от развития инклюзивного туризма в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. Бавельский, А. Д. Безбарьерный туризм в Москве: учеб. пособие / А. Д. Бавельский, Г. И. Зорина, А. А. Ручин; под науч. ред. И. В. Зорина. — М.: Логос, 2011. — 167 с.
2. Борисенко-Клепач, Н. М. Степень готовности туристического рынка Беларуси к внедрению инклюзивных подходов: результаты исследования / Н. М. Борисенко-Клепач, А. Я. Глушакова, С. В. Живалковская. — Минск: БГУ, 2017. — 35 с.
3. Гайдукевич, Л. М. Некоторые итоги подготовки и проведения Чемпионата мира по хоккею 2014 г. в контексте развития событийного туризма в Республике Беларусь / Л. М. Гайдукевич // Туризм и гостеприимство. — 2014. — № 1. — С. 9–12.
4. Демографический ежегодник Республики Беларусь 2017 [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_8031/>. — Дата доступа: 20.03.2018.
5. Зайцева, Н. А. Безбарьерный туризм: учеб. пособие / Н. А. Зайцева, Д. Б. Шуравина. — М.: КНОРУС, 2016. — 176 с.
6. Ионицкая, К. А. Социально-экономические аспекты развития доступного туризма / К. А. Ионицкая // Вестн. РМАТ. — 2011. — № 3. — С. 53–57.
7. Киреева, Ю. А. Проблемы развития безбарьерного туризма в России / Ю. А. Киреева // Там же. — 2014. — № 2. — С. 41–45.
8. Маньшина, Н. В. Россия без барьеров: туризм, доступный для всех — перспективы развития, экономическая выгода и социальная значимость / Н. В. Маньшина [Электронный ресурс] // Санкуртур. — Режим доступа: <<http://sankurtur.ru/press/item/3000/>>. — Дата доступа: 20.01.2016.
9. Об утверждении Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 13 июня 2017 г. № 451 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
10. Педосюк, Ю. Ф. Проблемы формирования безбарьерной среды для развития доступного туризма / Ю. Ф. Педосюк // Вестн. РМАТ. — 2014. — № 3. — С. 29–34.
11. Пирожник, И. И. Структурные и территориальные диспропорции туристского сектора Беларуси / И. И. Пирожник // Acta Geographica Silesiana. — 2018. — 12/3 (31). — S. 17–35 [Электронный ресурс] // Uniwersytet Śląski w Katowicach. — Mode of access: <http://www.ags.wnoz.us.edu.pl/download/wydawnictwa/ags/ags_31_3.pdf>. — Date of access: 25.03.2018.
12. Предложения реформ, направленные на улучшение состояния въездного туризма с учетом его инвестиционной привлекательности в Республике Беларусь / Д. Г. Решетников [и др.] [Электронный ресурс] // Белорусский институт стратегических исследований. — Режим доступа: <http://belinstitute.eu/sites/biss.newmediahost.info/files/attached-files/BISS_SA14_2016ru.pdf>. — Дата доступа: 24.01.2018.
13. Сороко, П. О. Конкурентные позиции Беларуси как туристской дестинации на российском рынке / П. О. Сороко // Экономическое образование и современные педагогические технологии. Экономика и предпринимательство: сб. науч. работ. Вып. 6. — Минск: БГПУ, 2012. — С. 165–168.
14. Стратегия развития экологического туризма в Республике Беларусь / Л. М. Гайдукевич [и др.]; под общ. ред. Л. М. Гайдукевича, С. А. Хомич. — Минск: БГУ, 2008. — 352 с.
15. Туризм и отдых для всех — продвигаем всеобщую доступность / Н. М. Борисенко-Клепач [и др.]. — Минск: Экоперспектива, 2017. — 64 с.
16. Численность инвалидов, получающих пенсию в органах по труду, занятости и социальной защите [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.mintrud.gov.by/ru/chislinv>>. — Дата доступа: 20.03.2018.
17. Accessibility market and stakeholder analysis. One-Stop-Shop for Accessible Tourism in Europe (OSSATE) / S. Buhalis [et al.] [Electronic resource] // European Network for Accessible Tourism. — Mode of access: <https://www.accessibletourism.org/resources/ossate_market_analysis_public_final.pdf>. — Date of access: 18.07.2017.
18. Accessible Destination / L. Morelli [et al.] [Electronic resource] // European Network for Accessible Tourism. — Mode of access: <http://www.accessibletourism.org/resources/5_accessible_destination_en.pdf>. — Date of access: 16.05.2016.

19. Bowtell, J. Assessing the value and market attractiveness of the accessible tourism industry in Europe: a focus on major travel and leisure companies / J. Bowtell // *Journal of Tourism Futures*. — 2015. — Vol. 1, N 3. — P. 203–222.
20. Buhalis, D. Accessible tourism: Concepts and Issues / D. Buhalis, S. Darcy. — Channel View Publications, 2011. — 336 p.
21. Cohen, R. Inclusive Tourism: International Perspectives, Accessibility and Inclusion in the Brazilian Tourism / R. Cohen // *A Publication of Design for All Institute of India*. — 2013. — Vol. 8, N 9 [Electronic resource] // SlideShare. — Mode of access: <<https://www.slideshare.net/srains/inclusive-tourism-in-brazil-design-for-all-india-september-2013>>. — Date of access: 28.04.2017.
22. Darcy, S. Accessible tourism and sustainability: a discussion and case study / S. Darcy, B. Cameron, S. Pegg // *Journal of Sustainable Tourism*. — 2010. — Vol. 18, N 4. — P. 515–537.
23. Darcy, S. A Whole-of-Life Approach to Tourism: The Case for Accessible Tourism Experiences / S. Darcy, T. Dickson // *Journal of Hospitality and Tourism Management*. — 2009. — Vol. 16, N 1. — P. 32–44.
24. Economic impact and travel patterns of accessible tourism in Europe [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <<http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/5566/attachments/1/translations>>. — Date of access: 03.04.2017.
25. Enhancing what European tourism has to offer [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <https://ec.europa.eu/growth/sectors/tourism/offer_en>. — Date of access: 14.04.2016.
26. Mapping and Performance Check of the Supply of Accessible Tourism Services: Final Report: Doc. 220/PP/ENT/PPA/12/6491, 02.04.2015 / European Commission [Electronic resource] // European Network for Accessible Tourism. — Mode of access: <http://www.accessibletourism.org/resources/2015-04-02-eu-supply-study-final_report.pdf>. — Date of access: 06.02.2017.
27. Marketing Outlook Forum 2015 — Open Doors Organization (ODO) Forecast [Electronic resource] // Open Doors Organization. — Mode of access: <<http://opendoorsnfp.org/wp-content/uploads/2016/05/ODOMarketingForecast2015.pdf>>. — Date of access: 07.04.2017.
28. Neumann, P. Economic Impulses of Accessible Tourism for All / P. Neumann, P. Reuber. — Berlin: Study commissioned by the Federal Ministry of Economics and Technology & Federal Ministry of Economic and Labour (BMWA), 2004. — 64 p.
29. New Market Study: Disability Travel Generates US\$17.3 Billion in Annual Spending [Electronic resource] / European Network for Accessible Tourism. — Mode of access: <<http://www.accessibletourism.org/?i=enat.en.news.1812>>. — Date of access: 18.04.2017.
30. Rains, S. Inclusive Tourism — The Way to Go! Travel / S. Rains [Electronic resource] // SlideShare. — Mode of access: <<https://www.slideshare.net/guest6390726/what-is-inclusive-tourism-scott-rains>>. — Date of access: 05.06.2016.
31. The Purple Pound Volume and Value of Accessible Tourism in England [Electronic resource] // VisitBritain. — Mode of access: <https://www.visitbritain.org/sites/default/files/vb-corporate/ve_purplepound2016_d3.pdf>. — Date of access: 08.03.2017.
32. Van Horn, L. Toward a Global History of Inclusive Travel / L. Van Horn, J. Isola [Electronic resource] // Open Doors Organization. — Mode of access: <<http://opendoorsnfp.org/wp-content/uploads/2016/05/Toward-a-Global-History-of-Inclusive-Travel.pdf>>. — Date of access: 13.08.2016.
33. World Population Prospects: The 2015 Revision, Key Findings and Advance Tables [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/Key_Findings_WPP_2015.pdf>. — Date of access: 16.10.2017.

Статья поступила в редакцию в апреле 2018 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации;**

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается оплата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2018 № 3-4 (86-87) июль—декабрь

Подписано в печать 26.03.2019 г. Выход в свет в апреле 2019 г.

Формат 60x84^{1/8}. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,03. Тираж 100 экз. Заказ № 174.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «Типография НьюГрафикс».

ЛП № 02330/483 от 19.04.2017 г.

220014, г. Минск, пер. С. Ковалевской, 52а, тел.: +375 29 684 63 33